23 8/61

Р. С. Ф. С. Р.

238/61

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Проф. А. Г. Гойхбарг.

БРАЧНОЕ, СЕМЕЙНОЕ И ОПЕКУНСКОЕ ПРАВО СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1920.

Р. С. Ф. С. Р.

238/61

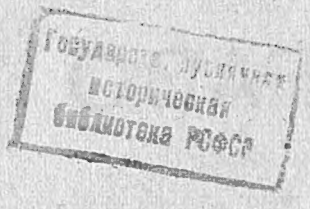
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Проф. А. Г. Гойхбарг.

БРАЧНОЕ, СЕМЕЙНОЕ И ОПЕКУНСКОЕ ПРАВО СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

25/4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1920.



1258942 М

3-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография (бывш. Кушнерева). Пименовская.
МОСКВА — 1920.

Вступление.

В буржуазном строе семейное право обнимает собою брак и родство, а также и опеку. Брак и родство неразрывно связаны в буржуазном праве, так как оно принципиально признавало только «законное» родство, только родство, основанное на освященном церковью или (заменившим ее) государством браке, на законном браке. Самое бесспорное происхождение от определенных лиц, кровное родство само по себе, поскольку оно не было освящено таким браком, вовсе не признавалось ни основою родства, ни тем более основою семьи.

С другой стороны, опека в буржуазном строе тесно примыкала к буржуазному семейному праву, имея своей задачей восполнить недостающих родителей. Правда, эти заменяющие родителей опекуны далеко не всегда были (и могли быть) проникнуты родительскими чувствами по отношению к своим подопечным, так как опекуны назначались только к имущим из числа близких родственников, возможных наследников. А возможные наследники, разумеется, прямо заинтересованы не столько в сохранении жизни, а в скорейшей смерти детей, душевно-больных и т. д., отданных на их попечение. Но по внешности весь строй опеки, назначение к подопечным отдельных опекунов, которые должны заменить отсутствующих родителей или явиться индивидуальными руководителями и управляющими имуществами подопечных, приближали опекунское право к семейному праву.

По этим, главным образом, причинам брачный союз, род-

ство и опека объединялись в буржуазном праве в одно общее семейное право.

Советское законодательство, порвав с основами, разрушив основы буржуазного строя, резко отделило брачный союз, как добровольное соглашение между двумя лицами разного пола, от родства, как союза, основанного на естественном факте происхождения или, как принято выражаться, общности крови. Оно сохранило только кровное родство, только родство по происхождению без всякой зависимости от того, оформили или не оформили родители ребенка свой союз между собою. Основой семьи или родства советское законодательство признает не «законный брак», а происхождение. Поэтому брачное право совершенно отделено от права родственного или семейного союза. Брачное право порождает только те или иные правоотношения между лицами, вступившими в брак. Брак, его наличность (в смысле внешней формы) или отсутствие, да и вообще те или иные намерения или соглашения родителей не затрогивают нисколько прав родившихся детей [1]).

Точно также и по отношению к опеке советское законодательство не могло не порвать с прежними порядками, с прежней индивидуалистической (заменяющей отдельных родителей) организацией опеки. Опека в советском строе выходит далеко за пределы семейных отношений, а тем паче тех имущественно семейных отношений, которые она главным образом призвана была регулировать в буржуазном строе. Согласно советскому законодательству, все дети, лишенные родительского попечения, и вообще все, нуждающиеся так или иначе в попечении, без всякого отношения к тому, есть ли у них имущество или нет, богаты ли они или бедны, отдаются под опеку, отдаются на попечение государственно-общественных органов и учреждений, отделов социального обеспечения, которые осуществляют эту опеку, принимают все необходимые меры попечения по преимуществу непосредственно и могут лишь передоверить в отдельных слу-

---

[1]) О соединении понятий семьи и брака в буржуазном праве и о разделении их в праве советском подробнее см. З. Тетенборн, „Внебрачные дети“ „Пролетарская революция и право“, 1918 г. № 8—9—10, стр. 9—18).

чаях свои функции отдельным лицам, назначая их опекунами либо к отдельным подопечным, либо же к целым группам их. Организация опеки построена, следовательно, не на начале семейном. Ее основы гораздо шире и могут быть расширены еще больше, подлежат еще большему расширению в сторону распространения ее функций не на часть только, а на всех нуждающихся в социальном, в общественном попечении лиц. Наша опека должна, кроме того, в настоящее переходное время играть воспитательную, показательную роль, роль образцового учреждения. Она должна показать родителям, что общественный уход за детьми дает гораздо лучшие результаты, чем частный, индивидуальный, ненаучный и нерациональный уход отдельных «любящих», но невежественных в деле воспитания родителей, не обладающих теми силами, средствами, способами и учреждениями, какими обладает общество; она должна таким образом отучить родителей от той узкой и неразумной любви к детям, которая выражается в стремлении держать их около себя, не выпускать из ограниченного круга семьи, готовить из них заместителей семьи, суживать их кругозор и создавать из них не свободных членов великого общества, именуемого человечеством, а таких же своекорыстных и себялюбивых, как они сами, индивидуалистов, ставящих на первый план свои личные интересы в ущерб интересам всего общества.

Таким образом, входившие в состав прежнего семейного права три части—брачные отношения, родственные, или семейные, отношения и опекунские отношения—у нас совершенно отделены друг от друга и подлежат отдельному рассмотрению и изложению. Правда, все эти отношения регулируются у нас в одном кодексе [1]), в трех отдельных (II, III и IV) его разделах. Но это соединение соответственных законоположений в одном кодексе отнюдь не свидетельствует о сохранении их внутреннего единства, а является скорее историческим пережитком.

Поэтому и настоящий курс не может носить краткого за-

---

[1]) См. кодекс законов Р. С. Ф. С. Р. об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, опубликованный в № 76—77 „Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства“ за 1918 год.

главия—семейное право, которое по-прежнему объединяло бы все три ранее входившие в его состав части. В заглавии пришлось отдельно отметить все три части, неразрывная связь между которыми у нас порвана. Своего рода историческим пережитком, который оправдывается практическими педагогическими соображениями, является и соединенное в одном курсе изложение брачного, семейного и опекунского права.

I.

Брачное право.

Общие замечания.

Брачное право советской России коренным образом отличается не только от прежнего дореволюционного русского брачного права, но и от брачного права всех остальных европейских и заокеанских стран, в которых еще господствует буржуазный строй.

В дореволюционной и даже царско-думской России признавался только религиозный брак. Брак, совершенный без участия представителей религиозных культов—священников, ксендзов, пасторов, раввинов, мулл и т. д.,—не признавался действительным. Брак для большинства населения России, принадлежавшего официально к православной, а также к католической религии, признавался со стороны государственной власти таинством, образом соединения Христа с церковью, и к этому таинству применялись все постановления, которые когда бы то ни было принимались вселенскими и иными христианскими соборами, хотя, правда, в виду того, что царь был и главою светской и главою духовной власти, постановления государственной власти далеко не во всем считались с требованиями, которые были «освящены» постановлениями церковными, каноническими.

Этот взгляд на брак, как на дело не мирское, не светское, а таинственное, духовное считался настолько незыблемым, что по образцу «господствующей» православной веры государственная власть распространяла его и на всех других обитателей России, официально принадлежавших к другим

вероисповеданиям (а не принадлежать к какому-либо вероисповеданию, быть во вневероисповедном состоянии, а тем паче не верить в Бога, быть атеистом безусловно запрещалось в старой и даже царско-думской России).

Необходимо добавить, что взгляд на брак, как на дело религиозное, поддерживался в старой России только лицемерно и по внешности. Ведать брачные дела должны были в действительности не представители религии и в особенности не представители религий, которых государство, царское государство не признавало и на службе у себя не держало, а царские чиновники духовного, религиозного ведомства. Такими оплачиваемыми царскими чиновниками были и православные священники, и католические ксендзы, и лютеранские пасторы. Еврейские браки считались действительными только тогда, когда они были совершены при участии не духовного раввина, а так называемого общественного или «казенного» раввина, которого еврейское население духовным лицом не признавало.

А когда появилось множество старообрядцев или, как их тогда называли, раскольников, которые не признавали православных священников, а имели своих собственных, в свою очередь не признававшихся и гонимых царским правительством, то в 1874 г. был издан царем закон о раскольничьих браках, которые признавались действительными лишь после того, как они будут записаны в полиции, полицейскими чиновниками, полицейскими приставами. Когда затем в 1906 г. была объявлена «веротерпимость» и старообрядческие священники также были приняты на службу в качестве царских чиновников, то все же были оставлены браки и для полиции. Остались старообрядцы беспоповцы и баптисты, не признающие священства; их браки записывались полицией, и только после такой записи считались эти браки действительными, признавались действительными светской, царской властью.

Тем не менее этот внешний остаток средневековья, это внешнее признание только религиозного брака считалось царскою властью столь незыблемым, что царская Россия в этом отношении стремилась стать вне международного общения с буржуазной Европой, где многие государства при-

знавали только гражданский светский брак, заключаемый перед чиновниками государства, а другие допускали его наряду с религиозной формой брака. Представители царской России отказывались подписывать гаагские международные конвенции о браке, в которых европейские государства обязывались признавать законными в своих пределах браки, заключенные в других странах по законам этих стран. Российские представители таким образом как будто заявляли, что не будет признаваться в России законным, напр., брак француза или германца, заключенный во Франции или в Германии не перед духовным лицом, а перед государственным светским чиновником, хотя во Франции и Германии признаются действительными только такие браки французов или германцев, которые совершены именно перед светским чиновником (officier de l'état civil, Standesbeamte).

Если придерживаться этого взгляда, то почти немыслимым оказывался бы приезд в Россию многих женатых иностранцев с женами и детьми, так как жены эти должны были бы в России признаваться незаконными, не иметь права на фамилию мужа, привлекаться к уголовной ответственности за пользование чужою фамилиею, не иметь права на содержание от мужа, не иметь права на наследство от мужа и наоборот и т. д., а дети таких лиц должны были бы в России признаваться «незаконнорожденными» или «внебрачными» со всеми вытекающими отсюда для этих детей скверными последствиями.

С другой стороны, в виду признания брака религиозным делом необходимо было считаться со всякого рода условиями и требованиями, которые диктовались духовенством каждого религиозного исповедывания, хотя бы эти условия и требования были выдвинуты во времена давно минувшие, при совершенно других условиях жизни, при совершенно другом культурном уровне населения. А ведь церковные, религиозные постановления не меняются в течение веков, застывают и окостеневают.

Далее, признание брака (а наравне с ним развода, как и записи рождения и смерти) религиозным делом отдавало население во власть разного рода духовенства, которое при всяком случае получало возможность воздействовать на на-

селение в желательном ему духе, омрачать сознание людей, держать их в невежестве и умственном рабстве, прикрывать все таинственной маской потустороннего мира, заменять завоевания науки невежественными измышлениями первобытно-грубых, мало развитых людей.

Во многих более развитых буржуазных странах уже давно была пробита брешь в этом здании средневековья, в этом признании власти религии, как власти, стоящей над светской властью. Исключительно религиозное значение брака в этих странах почти нигде не сохранилось. Но все же буржуазная государственная власть везде приступала к этому вопросу с опаской, оглядываясь, опасаясь как бы не лишиться поддержки религии и духовенства, которые должны были служить оплотом против разрушающего старые навыки «духа времени», против революционных, ни перед чем не останавливающихся, ничего не страшащихся, ни перед каким авторитетом не склоняющихся идей пролетариата.

«Мы-то сами не религиозны, для нас этой узды не нужно,— говорила буржуазия,—но мы должны поддерживать религию для них, для черного простого народа, с которым иначе совсем нельзя будет справиться». Будучи сама «свободомыслящей», буржуазия не хотела, чтобы свободно мыслили, чтобы от религиозных пут и оков окончательно освободились народные массы. Буржуазия должна была воспитывать народные массы в религиозном духе, в духе аскетизма, отказа от удовольствий и наслаждений, она должна была учить народные массы, что все земные удовольствия бренны и преходящи, что настоящее блаженство они получат в другом мире, на небе, и получат тем большую порцию блаженства, чем больше они пострадали на земле. Буржуазия поэтому не могла совершенно порвать с духовенством, отказаться от его, столь ценных для нее, услуг. Выдающийся представитель промышленной буржуазии, французский диктатор Тьер после подавления пролетарской коммуны заявил: «Я хочу сделать влияние духовенства всемогущим, потому что я рассчитываю на него в деле распространения этой славной философии, которая учит человека, что он послан на землю, чтобы страдать, а не той другой философии, которая, наоборот, говорит человеку: наслаждайся».

По отношению к браку и религиозному его характеру европейские буржуазные законодательства распадаются на три группы. Одни продолжают сохранять в принципе только религиозный брак, но допускают гражданский брак, брак, совершаемый перед обыкновенным светским чиновником, только по нужде, только в тех случаях, когда нет духовного лица или оно по религиозным соображениям отказывается венчать данный брак, или когда лица, вступающие в брак, не принадлежат ни к какой религиозной общине, находятся «во вневероисповедном состоянии», т.-е. даже формально, для виду не исповедуют никакой религии. Таким, напр., было и, пожалуй, теперь остается австрийское законодательство.

Больше уступок новым веяниям делает вторая группа европейских буржуазных законодательств, которая признает альтернативный гражданский брак, т.-е. допускает как религиозный, так и в одинаковой мере гражданский светский брак по желанию лиц, вступающих в брак, признавая одинаковую силу как за одной, так и за другой формой брака. Здесь не желают бороться с религиозными влияниями, и при той огромной власти и связях, какими обладает в этих странах духовенство, такой отказ от борьбы с религиозным церковным браком равносилен прямой поддержке церковного брака и религиозного закрепощения и угнетения народных масс. Таково, напр., английское законодательство. Разновидностью этого законодательства является признание всякого направленного на заключение брака соглашения, безразлично, в каких формах это соглашение было выражено, с участием или без участия духовенства, с участием или даже без участия светского чиновника. Здесь также нет борьбы с влиянием духовенства, и на практике большинство населения остается под гнетом религиозного воздействия и порабощения (пример—Шотландия).

Но даже и те буржуазные законодательства, законодательства тех буржуазных стран, которые в результате прямой борьбы с церковью и ее домогательствами пошли гораздо дальше других и ввели у себя обязательный свегский гражданский брак, признают силу только за таким браком, не признавая силы за браком, который заключен только при

участии священника или вообще представителя духовенства, как, напр., законодательства буржуазной Франции и Германии [1]),—даже эти законодательства не могут отказаться от признания значения религии и духовенства для брака. Нельзя сказать, что для них в деле брака не существует ни религии, ни духовенства, что они не придают никакого значения тем религиозным обрядам, которыми духовенство сопровождает «церемонию» брака (святого таинства у католиков Франции и не святого договора у лютеран Германии).

Они требуют от священника и духовенства вообще венчать браки не раньше, чем они будут заключены перед чиновником государства. Но тем самым они ставят обе формы брака на одну ногу, придают формальное значение совершению религиозного обряда и облегчают духовенству его задачу изобразить гражданскую форму брака, как простую и нудную формальность, без которой не обойдешься, а церковную религиозную форму, как торжественную, трогательную и таинственно-поэтическую, привлекательную церемонию (к чиновнику невеста приходит затрапезкой, а белое платье и флер д'оранж обязательны при церковной церемонии).

Буржуазные законодательства, как видим, то подчиняются религии, то мирятся с ней, то признают ее, но порвать с нею окончательно не могут.

А между тем только полный разрыв государственной власти с каноническими, религиозными церковными воззрениями на брак дает возможность освободить в этом отношении народные массы от гнета религии и духовенства. Только такой полный разрыв государства не только с духовенством, но с с религией, влечет за собою возможность унификации, установления единообразного для всего государства брачного права, установления одинаковых норм брачного права для всех граждан, без различия их религиозных убеждений и не считаясь с наличностью или отсутствием у них таких убеждений. Только в этом случае государство получает полную воз-

---

[1]) Я говорю здесь о законодательствах *буржуазной* Франции и Германии, так как при современном темпе развития событий можно надеяться, что к тому времени, когда появится в свет настоящее руководство, а в особенности во время пользования им, порядки в этих странах изменятся, и буржуазного законодательства в них не останется.

можность упростить условия заключения брака, считаться только с теми культурными воззрениями, которые принадлежат современной эпохе, а не коренятся в давно прошедших временах, когда возникали, слагались и укреплялись различные религии и религиозные секты. А между тем даже те буржуазные государства, которые в этом отношении пошли дальше других и вовсе не признают силы за одной только религиозной формой брака, сохраняют религиозное его содержание, заимствуют большей частью у господствующей церкви установленные ею правила, касающиеся препятствий ко вступлению в брак и вообще условий допустимости брака.

А между тем то, что допустимо с точки зрения известной религии, может оказаться совершенно недопустимым с точки зрения государственной власти, стоящей на известной ступени культурного развития, и наоборот. В этих случаях государство может и должно устанавливать свои запреты, совершенно не считаясь с тем, что та или иная религия этих запретов не знает, или может не препятствовать бракам даже в случаях, когда та или иная древняя религия (а религии— все древние) не считает брак допустимым. Лишь государство, совершенно порвавшее с церковью; лишь государство, признавшее религию делом совершенно частным, лишившее религию, как область внутреннего убеждения, всякого принудительного характера, всякого государственного значения; лишь государство, решившее вступить в серьезную борьбу с ослепляющим народные массы религиозным угаром; лишь государство, отнявшее у духовенства какую бы то ни было государственную власть,—лишь такое государство может превратить брак в дело совершенно мирское и светское; лишь такое государство может окончательно эманципировать, освободить брак от всякого влияния и власти духовенства; лишь такое государство может установить свои светские, современные, разумные, не излишне обременительные, для всех одинаковые и с точки зрения государственной власти равно справедливые и необходимые нормы брачного права.

Буржуазия из страха перед народными массами нигде не могла и не хотела окончательно отделить церковь и религию от государства, лишить их всякой формальной власти над людьми; нигде она не выполнила этой задачи раскрепощения

народных масс, умственного их просветления. Эту задачу суждено выполнить окончательно только новому обществу, в котором не будет классов господствующих и классов угнетенных, в котором не будет господ и рабов, в котором не будет разделения на классы, в котором восторжествуют подлинное братство, равенство и свобода всех.

Пролетариату России, ставшему у власти, свергшему и власть средневекового сословно-царского строя и власть буржуазно-капиталистическую, пришлось в этом отношении выполнять работу не только свою, но и ту, которая должна была отчасти выполнить российская буржуазия, если бы ей не мешал в этом страх перед растущим и подымающимся пролетариатом. Буржуазия стала играть роль в общественной и государственной жизни России в тот момент, когда уже существовал организованный пролетариат, будущий могильщик буржуазного строя. Поэтому российская буржуазия из страха перед пролетариатом никогда не была революционным классом: она готова была мириться со всеми пережитками феодального средневековья; она боялась даже затронуть вопросы об отношении между государством и церковью; она ничего не пыталась в этих отношениях изменить.

Поэтому пролетариату России после того, как он захватил власть, пришлось совершить целый ряд таких революционных переворотов, которые должна была совершить буржуазия; ему пришлось вести ожесточенную борьбу не только с нею, но и вместо нее—с остатками, очень крупными остатками и пережитками до-буржуазного строя. В России пролетариату пришлось впервые отнять у церкви и религии, отнять без остатка все их государственное значение. И брак освобожден пролетариатом от всяких и внешних и—что еще важнее—внутренних влияний церкви и религии.

Пролетариат России, свергший капитализм, уничтожающий нетрудовые источники дохода, заменяющий товарное производство производством для непосредственного распределения и потребления, для непосредственного удовлетворения людских потребностей, окончательно и целиком уравнявший в правах женщину с мужчиной, устранивший всякое неравноправие полов, совершенно раскрепощающий женщину, проводящий в жизнь такие меры, как бесплатное питание, воспи-

тание и обучение детей,—этот пролетариат мог бы отказаться и от формальных удостоверений брака, предоставив дело оформления брака на полное усмотрение лиц, вступающих в брак между собою, и полностью отказавшись от всякого «сковывания мужа и жены» [1]).

Но сделать это в России, непосредственно после того, как в ней господствовал исключительно религиозный, церковный брак, означало бы оставить все по старому, предоставить население во власть духовенства. Поэтому, главным образом в целях борьбы с религией и духовенством, пролетарская власть заявила, что брака, оформленного только в церкви, только перед духовенством, она не станет признавать и никаких последствий с таким браком, с такой его формой не станет связывать, что она станет признавать только брак, совершенный не перед лицом священника или вообще представителя духовенства, а только перед лицом советского служащего, записывающего акты гражданского состояния, ведущего запись этих актов.

Но если запись брака светским, советским учреждением требуется только главным образом как средство борьбы с религиозным прямым и косвенным принуждением, то государственная власть во всех случаях, когда вопрос о признании брака не находится в связи с религиозным его оформлением, должна не так строго придерживаться требования обязательного оформления брака перед советским учреждением.

Установив в целях борьбы с религией светское оформление, светскую запись брака, советское законодательство почти совершенно лишило брак связующей, сковывающей силы, вы-

---

[1]) Ср. *K. Kautsky*, Vermehrung und Entwicklung in Natur und Gesellschaft, 1910, стр. 255. „До тех пор, пока сохраняется товарное производство, законное привязывание мужчины к семье всегда будет доставлять лучшие экономические условия для воспитания детей, чем бесформенная, в любое время по воле одной из сторон расторжимая половая связь, не налагающая на отца никаких обязанностей или налагающая на него обязанности только минимальные. Это положение вещей изменится только тогда, когда будет установлено общественное производство и место родительской заботы о детях займет общественная забота о них. Вместе с тем станет излишним законное сковывание мужа и жены. Правда, капиталистическое общество сумело сделать это сковывание невыносимым и во многих случаях невыполнимым, но отнюдь не сумело сделать его излишним".

травило из него все религиозные и церковные пережитки, совершенно уравняло в правах мужа и жену на время, пока продолжается брак, дало им волю прекратить брак, когда он кому-либо из них двоих покажется более нетерпимым или невыносимым, превратило брачный союз в подлинно товарищеское добровольное соединение двух людей разного пола.

Форма заключения брака.

Лица, вступающие в брак между собою, могут совершенно не оформить своего вступления в брак, могут его оформить частным путем, перед свидетелями, в кругу родных, могут его оформить и посредством совершения известного религиозного обряда. Все такие способы дозволены. Такое неоформление или частное оформление не составляет ни преступления, ни проступка. И лица, прибегающие к таким способам, не несут за это никакого наказания, не подвергаются никаким скверным последствиям.

Но государство, рабоче-крестьянская власть, главным образом в целях борьбы с духовенством, не признает никакой особой силы за такими браками, не связывает с ними тех последствий, тех взаимных прав и обязанностей для лиц, в такой брак вступивших, какие связываются с официально оформленным перед органами советской власти, ими записанным, ими зарегистрированным браком. Права и обязанности для супругов порождает «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния» (Брачное право, ст. 52, ч. I, Раздел II, «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве») [1].

Брак же, оформленный только по религиозному обряду, сам по себе совершенно никаких прав для лиц, в такой брак вступивших, не порождает. Государство совершенно не считается с этим религиозным обрядом, никакой силы безусловно не признает за таким обрядом, если он совершен после вступления в силу декрета о браке, после 20 декабря 1917 г. Государство совершенно игнорирует такие обряды,

---

[1]) В дальнейшем будет цитироваться кратко: „Кодекс“.

не позволяет связывать с ними никаких последствий и поэтому совершенно не интересуется временем совершения неимеющего для него значения обряда, который может совершаться и до и после официального оформления брака и даже при нежелании официально брак оформить. Но, повторяю, рабоче-крестьянская власть запрещает связывать какие бы то ни было юридические последствия, какие бы то ни было изменения во взаимных отношениях между людьми на основании совершения того или иного религиозного обряда. «Брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц, не порождает никаких прав и обязанностей для лиц, в него вступивших, если он не зарегистрирован установленным порядком» (ст. 52, ч. 2, «Кодекс») [1].

---

[1]) Эта недопустимость связывать какие бы то ни было юридические последствия с религиозным браком, совершенным после 20 декабря 1917 г., рельефно обозначена в опубликованном Всероссийской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контр-революцией 20 октября 1918 г. („Известия В. Ц. И. К.", № 229) постановлении „О недопустимости пометок в паспортах о церковном браке". Это постановление гласит: „Согласно декрета Совета Народных Комиссаров от 18 декабря 1917 г. о гражданском браке, единственно законным является брак гражданский, церковное же венчание является делом приватным, никаких правовых последствий за собой не влекущим.

„Между тем, в паспортах иногда все еще помечается церковное венчание, а гражданки, повенчавшись, *присваивают* фамилию того, с кем повенчались. Более того: милиция иногда отмечает таковых лиц, как „женатых" и „замужних", а венчавшейся выдается паспорт *на фамилию* того гражданина, с кем она повенчалась.

„Таким образом явно саботируется декрет о гражданском браке, *присваивается чужая фамилия и гражданское состояние женатого или замужней*. Контр-революционные священнослужители, чуя уменьшение своих доходов от совершения так называемого таинства бракосочетания, сознательно и систематически противодействуют декрету о гражданском браке и игнорируют постановления советской власти. Венчающиеся, не зарегистрированные в отделе записей браков, *присвоив звания мужа и жены*, участвуют в этом контр-революционном срыве декретов рабоче-крестьянского правительства. Служащие милиции, сверх того, *совершают преступления по должности*.

„Чрезвычайная Комиссия, стоя настраже декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства, обязана в названных случаях строго преследовать всех участников означенных контр-революционных деяний, *направленных против раскрепощения человеческой личности*".

Более подробно и в общей форме урегулирован этот вопрос в обязательном постановлении Совета Комиссаров Союза Коммун Северной области от

Государств. публичная историческая библиотека России

Но если запрещено, если является преступлением делать в официальных документах ложные отметки об изменившемся юридическом положении, в то время, как совершение «приватного» религиозного обряда не влечет за собою никаких юридических последствий, то вовсе не запрещено, вовсе не преступно самое совершение религиозного обряда—венчания или бракосочетания—в любой момент, как акта, для нашей государственной власти совершенно безразличного и ничтожного, для власти никакого значения не имеющего.

Государственная рабоче-крестьянская власть, совершенно игнорируя совершение или несовершение религиозного обряда, не может брать на себя и не берет на себя задачи указывать служителям культа, когда, в каких случаях они могут, или когда, в каких случаях они должны совершать религиозный обряд венчания. Это—дело чисто-религиозное, которое государственная власть ни прямо ни косвенно не затрогивает и не поддерживает. В отличие от буржуазных западно-европейских законодательств о гражданском браке, наши законы не запрещают служителям культа венчать браки, не придавая им официального значения, и ранее, и до регистрации их перед светской советской властью и даже вне всякой зависимости от того, последует ли затем такая официальная регистрация. Наш закон заявляет только, что такой брак, если он не зарегистрирован установленным порядком (раньше или потом, это—безразлично), не порождает для лиц, в него вступивших, никаких прав и обязанностей (ст. 52, ч. 2, «Кодекс») [1]).

---

2 декабря 1918 г. В примеч. 2 к разделу этого постановления „О расторжении браков" сказано: „В соответствии с воспрещением делать в официальных удостоверяющих личность документах какие-либо отметки, указывающие на принадлежность граждан к тому или иному вероисповеданию, воспрещается кому бы то ни было под страхом наказания отмечать на этих документах о совершении каких-либо религиозных обрядов (крещения, конфирмации, обрезания, *брака*, погребения и т. п., а также о разводе, учиненном служителями культов или учреждениями всех вероисповеданий после 20 декабря 1917 г.). Равной ответственности подвергаются лица, побуждающие тем или иным способом служителей культов или должностных лиц делать подобные указания в официальных документах".

[1]) Необходимо поэтому признать совершенно противоречащим всему духу наших законов о браке и значении религиозных обрядов правило, содержа-

И если наши законы не запрещают духовенству совершать религиозный обряд бракосочетания до официальной регистрации брака, то они, с другой стороны, не требуют и не могут требовать от представителей духовенства, чтобы они совершали религиозные обряды в тех случаях, когда их религия им запрещает это делать. На то церковь и отделена от государства, чтобы ни церковь государству, ни государство церкви не навязывали своих постановлений, не требовали бы признания религиозного значения за актами государственной власти или государственного значения за религиозными обрядами, за актами церкви, как союза частного.

Поступать иначе, приказывать церкви может только государственная власть, не порвавшая с церковью, ей подчиненная. В прежнее время, при царском и царско-думском строе, царская власть устанавливала правила, обязательные для церкви, хотя и не во всем согласные с учениями соответственной и в частности православной религии, воспрещала церкви венчать браки, допускаемые религией (напр., браки недостигших определенного возраста), или заставляла церковь венчать браки, недопускаемые религией (напр., браки женщин старше 60 лет, браки разведенных по прелюбодеянию и т. д.). Эти приказы давались церкви потому, что государство было ей подчинено.

Но советская власть, с самого начала отделившая церковь от государства и религию от власти, переставшая смотреть на представителей духовенства, как на своих чиновников, своих агентов, не могла сохранить за собою возможность давать церкви приказы относительно обязательных религиоз-

---

щееся в прим. 1 к цитированному разделу обязательного постановления Совета Комиссаров Союза Коммун Северной области, в котором сказано: „Крещение, обрезание, *брак*, развод и погребение могут совершаться служителями культов только *по получении соответственных удостоверений о регистрации данных актов гражданского состояния со стороны советской власти*". Устанавливать такое правило означает возвратиться к точке зрения буржуазных законодательств, не могущих порвать с церковью и духовенством, означает придавать религиозным обрядам официальное значение, которого они у нас не имеют и иметь не могут. И характерно то, что авторы этого постановления, став на этот ошибочный путь, помимо своей воли называют религиозные обряды — не только религиозный брак и развод, но и крещение, обрезание и погребение — *актами гражданского состояния*.

ных обрядов. Ни в декрете об отделении церкви от государства, ни в декрете о браке, ни в декрете о расторжении брака, ни в «Кодексе»,—нигде в наших законах не содержится и не могло содержаться ни малейшего указания на возможность принудить церковь венчать браки, недопустимые с религиозной точки зрения. В этом отношении церковь, вовсе не связанная государственным законодательством, стала в действительности независимой и свободной. Ей предоставлена в советской России полная возможность соблюдать каноны, церковные и вообще религиозные постановления без всяких изъятий. Никто, никакая власть не может ее вынудить эти каноны и постановления нарушать. И всякое иное поведение шло бы в разрез со всеми декретами советской власти России, находилось бы в самом непримиримом противоречии со всем духом советского законодательства о церкви, не согласовалось бы с вдохновляющей это законодательство партийной программой, означало бы—если бы такое поведение касалось церковного брака—признание со стороны государственной власти этого церковного брака, придание ему силы и значения.

Вполне правильным и точным следует признать пояснения, данные в пункте 15 циркуляра Народного Комиссара юстиции по вопросу об отделении церкви от государства, который гласит: «С отделением церкви от государства и введением в пределах советской Республики гражданского брака и гражданского развода так называемый церковный брак является лишь известной религиозной церемонией частного характера. Поэтому предъявление служителям культов требования о венчании граждан, расторгнувших церковный брак в порядке только гражданском, и применение репрессий при их отказе венчать—неправильно, являясь вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь религиозных культов. Такое требование не соответствует даже самому принципу отделения церкви от государства и вместе с тем является как бы косвенным признанием со стороны Советской власти так называемого церковного брака» [1]).

---

[1]) Циркуляр опубликован в журнале „Пролетарская революция и право“, 1919 г. № 1 (11).

В полнейшем и самом резком противоречии со всем духом советского зако-

Религиозная форма заключения брака не имеет, таким образом, и не может иметь никакого официального значения.

Какова же форма официальной регистрации брака? Каково то учреждение, которое уполномочено регистрировать заключение браков? Очень долгое время спустя после издания декрета о гражданском браке и даже после издания «Кодекса

нодательства об отделении церкви от государства и с отношением этого законодательства к религиозным обрядам находится постановление декрета о гражданском браке и о ведении книг актов гражданского состояния Украинской Социалистической Советской Республики от 17 февраля 1919 г. (опубликованного в № 49 „Украинских Известий“ от 20 февраля 1919 г.), гласящее: „Священнослужители всех исповеданий под страхом ответственности не могут отказывать в совершении после заключения обязательного гражданского брака религиозного обряда, если того пожелают брачущиеся“. В дальнейшем этот декрет совершенно сравнивает священнослужителей с советскими служащими, ведущими акты гражданского состояния: на отказ этих служащих совершить запись брака допускаются в известном порядке жалобы в Народный Суд. А в примечании говорится: „Такой же порядок соблюдается и при отказе священнослужителя совершать по желанию брачущихся после заключения гражданского брака церковный или религиозный обряд, при чем жалоба приносится в Народный Суд по месту жительства священнослужителя“. Жалоба приносится, следовательно, на действия священнослужителя, *как должностного лица*. Это постановление влечет за собою, таким образом, полное искажение принципов отделения церкви от государства, государственную санкцию церковных обрядов, государственное признание частных лиц — священнослужителей — должностными лицами. Такое правило в действительности имеет своими последствиями не искоренение религиозных предрассудков, а их укрепление и распространение в среде населения. Это правило отменено в Кодексе законов Украинской Советской Республики.

Такое стремление принуждать служителей церкви к совершению обрядов, стремление, коренящееся в недавнем прошлом, являющееся пережитком этого прошлого, когда государственная власть, держа церковь на жалованьи, давала ей принудительные предписания,— это стремление представляет собою весьма распространенное явление. В апреле 1918 г. я застал в Москве проект постановления для всей московской области (тогда еще существовали московские областные комиссариаты) *о привлечении к ответственности* священнослужителей, не желающих венчать браки лиц, не разведшихся по религиозным правилам. Мне удалось очень легко убедить снять этот проект, как противоречащий всему духу советских декретов. Такое требование и теперь еще раздается неоднократно в провинции. Но это требование везде в конечном счете означает укрепление религиозных предрассудков. Вот, напр., один провинциальный народный судья очень смущен тем, что „брак суд расторгает, церковь нет“. Он укоризненно заявляет: „Священники очень хитро указывают, что церковный брак есть частное дело граждан, потому они могут в церковь и не обращаться“. Такая проповедь со стороны священников весьма желательна и менять ее не следует.

законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», учреждения, ведающие этим делом, не были единообразно организованы, далеко не везде были даже учреждены, метрические и брачные книги записей не были изъяты из ведения духовенства. Во многих местах книги записей отобраны от духовенства только к концу 1918 года, а в некоторых местах, даже свободных от белогвардейской оккупации, только к апрелю-маю 1919 года. Там, где книги были изъяты, запись браков велась то в нотариальных отделах, то в отделах записей браков и рождений, то в иных учреждениях. По декрету о гражданском браке эти отделы записей состояли при городской, районной, уездной или волостной земской управе. С того времени строй административных учреждений коренным образом изменился. Исчезли всякие особые земские учреждения. Все административные учреждения вошли в общий состав советского строя, советских учреждений.

На основании «Кодекса» (ст. I) все акты гражданского состояния, в том числе и записи браков, ведутся исключительно гражданской властью: отделами записей актов гражданского состояния. Отделы эти распадаются на местные, окружные и центральный. Местные отделы состоят при волостных и городских, а в крупных городах при районных Совдепах; окружные—при городских Совдепах главных городов, губерний и областей (на практике—во многих местах при губисполкомах); центральный—при отделе местного самоуправления Народного Комиссариата по внутренним делам. Деятельность местных отделов регулируется и объединяется окружными и центральными отделами. Но самая регистрация брака производится только в местных отделах записей актов гражданского состояния. Ни окружные ни тем паче центральный отдел не занимаются непосредственно регистрацией брака. В исключительных случаях, когда брак необходимо зарегистрировать в таком месте или при таких условиях, где нет и не может быть местных отделов записей актов гражданского состояния, регистрация брака может быть совершена определенными указанными в законе должностными лицами. Так, напр., заключение браков российских граждан за границей возлагается на пред-

ставителей России за границей (на их канцелярии), которые о зарегистрированных ими браках обязаны сообщать центральному отделу записей актов гражданского состояния с представлением копии брачного свидетельства; регистрация браков, происшедших на судне во время плавания или в войске во время похода возлагается на капитана судна или на заведующего делопроизводством войсковой части, которые обязаны, сохранив у себя копию акта, подлинную запись брака при первой возможности передать ближайшему отделу записей актов гражданского состояния для представления в надлежащий местный отдел (по последнему местопребыванию вступивших в брак или же в тот отдел, который они укажут, если до похода или до того, как они попали на корабль вступившие в брак жили не в одной и той же местности).

Регистрация браков производится публично, т.-е. вступающие в брак могут привести с собою в отдел записи п у б л и к у, своих родных и знакомых, да и вообще всякий желающий может присутствовать при регистрации брака. Но ничье присутствие, присутствие каких бы то ни было свидетелей, присутствие каких бы то ни было лиц, кроме регистрирующей свой брак пары, не обязательно.

Регистрация брака должна производиться председателем и секретарем отдела записей в присутствии обоих вступающих в брак в особом, специально для регистрации браков предназначенном помещении. Исключение делается только для находящихся на судне во время плавания и для находящихся в войске во время похода, когда запись может быть совершена не в надлежащем помещении и не указанными должностными лицами, и при невозможности для жениха и невесты вследствие болезни, удостоверенной медицинским свидетельством, явиться в помещение отдела записей актов гражданского состояния, когда означенные должностные лица (председатель отдела или его заместитель и секретарь отдела или его помощник) могут явиться на дом к жениху или невесте для регистрации, в присутствии их обоих, брака.

Никакие иные препятствия, кроме болезни, не могут послужить поводом для регистрации брака должностными лицами отдела вне помещения отдела. В частности и нахождение

жениха или невесты под стражей не может быть поводом для явки этих должностных лиц в место заключения одного из регистрирующих свой брак лица или их обоих. Но если жених или невеста находятся в заключении, то они могут получить разрешение от надлежащих должностных лиц (следственной или карательной власти) явиться в отдел записи для зарегистрирования своего брака. В виду того, что наши законы вообще всячески облегчают формальности регистрации браков, карательные или следственные власти не должны в этом отношении чинить заключенным каких-либо препятствий.

Для облегчения формальностей регистрации брака сведено до минимального размера число официально необходимых при регистрации лиц: обязательно участие только двух лиц, не считая жениха с невестой, председателя отдела записей или его заместителя и секретаря отдела или его помощника. Имена тех лиц, которые уполномочены регистрировать браки, должны быть обнародованы, оглашены посредством опубликования в местном органе печати (где таковой имеется) и посредством выставления в помещении, где записываются браки.

Запись браков должна для облегчения населения производиться в определенные дни и часы, заранее устанавливаемые и обнародуемые должностными лицами, которым поручена регистрация браков. Она может производиться не только в обычные присутственные дни и часы, но, считаясь с привычками населения, и в праздничные дни и в вечерние часы.

В отличие от буржуазных законодательств, которые требуют от вступающих в брак огромного количества разного рода удостоверений, разрешений и документов, добывание которых обходится весьма дорого, стоит большого труда и многих хлопот, советское законодательство крайне облегчает лиц, желающих зарегистрировать свой брак, и в этом отношении. Во Франции, напр., соблюдение требуемых при оформлении брака формальностей стоит так дорого, что брак получил там название «предмета роскоши». Образованы во Франции даже специальные общества для облегчения вступающим в брак соблюсти требуемые формальности, для снабжения их средствами, которые необходимо затратить для соблюдения всех этих формальностей.

По нашему закону от лиц, желающих вступить в брак, почти не требуется представления каких бы то ни было особых документов, а требуемые таковы, что они никаких расходов не вызывают. Желающие зарегистрировать свой брак могут обратиться в местный отдел записей актов гражданского состояния по месту своего пребывания с письменным или даже со словесным заявлением. К этому заявлению необходимо присоединить только два документа, из которых один не всегда обязателен, а может быть заменен свидетельскими показаниями и т. д., а второй исходит от самих жениха и невесты: свидетельство о личности и подписка о добровольном вступлении в брак и об отсутствии указанных в законе препятствий к браку.

Таким свидетельством о личности может служить соответственное письменное удостоверение, письменный документ. Но личность регистрирующих свой брак может быть удостоверена и свидетельскими показаниями и всякими другими способами, которые будут признаны достаточными председателем отдела записи или его заместителем, регистрирующим брак. При личной известности последнему регистрирующих свой брак никаких иных свидетельств о личности, разумеется, не требуется.

Точно также не может быть потребовано от регистрирующих свой брак каких-либо особых удостоверений об отсутствии препятствий к браку, напр., доказательств, что они не состоят в другом зарегистрированном браке. Не может быть потребовано у них таких доказательств и в том случае, когда, напр., в представляемых ими паспортах имеется отметка: «женат» или «замужняя». Собственная их подписка (т.-е. заявление, которое за неграмотного может быть подписано и другим лицом) о неимении препятствий к браку является всегда и во всех случаях достаточной. Если они дадут ложную подписку, то они понесут за это ответственность, но никаких доказательств того, что их подписка не ложная, никто от них требовать не может, кроме случая заявления от третьих лиц о наличности препятствий к регистрации брака, когда дело рассматривается судом в порядке, который будет указан ниже (ср. ст. 58, 59 и примеч., ст. 63 сл. «Кодекса»).

Получив заявление о желании зарегистрировать брак, удостоверившись в личности жениха и невесты и взяв с них подписку о неимении препятствий ко вступлению в брак, должностное лицо, регистрирующее брак, осведомляется у брачущихся, какой фамилией они желают впредь именоваться, заносить запись о браке в книгу записей браков, прочитывает ее брачущимся и объявляет брак их в силу закона заключенным.

Никакой платы за совершение записи о браке не установлено. За выдачу свидетельства о браке на практике взимается совершенно ничтожная плата от 1 до 5 рублей, за повторные засвидетельствованные выписи взимается плата по определению центрального отдела записей актов гражданского состояния.

По желанию супругов должностное лицо, совершившее запись брака, немедленно после записи обязано выдать им свидетельство о заключении брака [1]).

Препятствия к регистрации брака.

Все буржуазные законодательства устанавливают многочисленные условия, которым должны удовлетворять лица, вступающие в брак. Отсутствие того или иного условия является препятствием ко вступлению в брак. Но препятствия эти во многих случаях не являются непреодолимыми. В некоторых случаях их можно преодолеть, добившись особого разрешения. А это разрешение дается, разумеется, не даром. Таким образом, эти устранимые препятствия в особенности в странах, где сохранился в той или иной степени церковный брак, служат источником доходов для духовенства. Целый ряд препятствий устраним путем разрешения от среднего и высшего духовенства. Папа римский, т.-е. окружающие его чиновники или папские нунции в разных странах, представляющие такие просьбы благоверных католиков на его усмотрение, может вообще дать диспенса-

---

[1]) Сходные с приведенными в тексте правила относительно формы заключения брака содержатся и в декрете о гражданском браке Украинской Социалистической Советской Республики от 17-го февраля 1919 года.

цию, признать несуществующим, устранить любое препятствие. Во Франции и Германии, где введен исключительно гражданский брак, целый ряд препятствий устраним в случае разрешения главы государства (во Франции, напр., президента республики).

Все многообразные условия и препятствия ко вступлению в брак, установленные во всех буржуазных иностраннных государствах, а в особенности все те условия и препятствия, которые были установлены в дореволюционной России, лишены и лишены были разумного основания, обязаны своим происхождением случайным древним выражениям какого-нибудь малограмотного отца церкви или еще более безграмотного его переписчика. Но все такие условия и препятствия переходили из церковных постановлений в светские, даже в тех случаях, когда законодатели признавали брак делом отнюдь не церковным, а светским, гражданским. И после секуляризации брака, после превращения брака в дело мирское, светское, каноническое, церковное право являлось и является руководящим во всех системах буржуазных законодательств: им руководятся юристы при толковании норм, касающихся брака, хотя бы эти нормы и были установлены не церковным, а якобы порвавшим с церковью светским, буржуазным законодателем.

Светские буржуазные юристы везде еще делят препятствия ко вступлению в брак по тем рубрикам, которые установили канонисты, церковники. Они их делят на такие препятствия ко вступлению в брак: 1) нарушение которых влечет за собою и уголовную кару участников вступления в брак и признание брака недействительным, 2) нарушение которых влечет за собою только недействительность брака (препятствия, расторгающие брак), и 3) нарушение которых, хотя и влечет за собою те или иные штрафы или невыгодные последствия для участников вступления в брак, но оставляет самый брак в силе (препятствия, только мешающие браку. Но какая же это помеха, которая не мешает браку оставаться в силе? Они делят, по образцу церковников, условия вступления в брак на положительные и отрицательные, абсолютные и относительные, не связывая с этим бессмысленным делением никаких особых по-

следствий, а только подражая схоластическим делениям канонистов [1]).

Советское законодательство установило очень немного препятствий ко вступлению в брак или, вернее, к его регистрации. Оно совершенно отказалось от какого бы то ни было требования разрешения начальства, родителей и т. д. Оно

---

[1]) Бессмысленность многих из этих делений очевидна. Напр., положительным условием является: брачущиеся должны достигнуть брачного возраста, а отрицательным: они не должны состоять в браке с другим лицом. Но мы можем, сохранив то же содержание, придать этим условиям как раз обратную форму: брачущиеся не должны быть моложе известного возраста и они должны быть свободны от брака с другим лицом. Какое из этих условий в таком случае будет положительным, какое отрицательным? Так же бессмысленно деление условий на абсолютные, которым должен отвечать каждый из брачущихся сам по себе (напр., достижение известного возраста), и относительные, которым вступающие в брак должны отвечать только в отношении друг друга (напр., двоюродный брат вообще может жениться, но не на своей двоюродной сестре). От этих делений веет к тому же затхлым духом средневековья: в царские времена поляк вообще в польских и западных губерниях покупать землю не мог, а у поляка же мог, еврей вообще мог держать прислугу, но не христианской веры и т. п. Что же касается до деления препятствий на препятствия, расторгающие брак (dirimentia), и препятствия, только мешающие браку (prohibentia), то лишь слепое переписывание светских юристов, почтительное заимствование у канонистов могло заставить этих юристов увидеть здесь какую-то особенность брачного церковного права. Если бы они вспомнили, помимо брачной сделки, другие сделки денежные, они не могли бы забыть, что, согласно их общему учению, нормы, касающиеся условий действительности сделок, по санкции своей, также делятся на такие же категории: нормы более, чем совершенные, нормы совершенные, нормы не совсем совершенные и нормы несовершенные (leges plus quam perfectae, perfectae, minus quam perfectae u. imperfectae). Несоблюдение первых норм влечет за собою и уголовную кару и недействительность сделки, нарушение вторых только недействительность сделки, нарушение третьих—штрафы с признанием сделки все же действительной, нарушение четвертых влечет за собою только косвенные невыгодные последствия. Напр., вексель не должен быть фальшивым, а если он фальшив, то сам вексель недействителен, а подделывателя сажают в тюрьму. Вексель должен быть написан на гербовой бумаге известного достоинства, в противном случае он, как вексель, недействителен. Денежный договор должен быть оплачен пропорциональным гербовым сбором; в противном случае, хотя договор признается действительным, но взыскивается десятикратный штраф. Заемное письмо должно быть явлено у нотариуса; в противном случае оно, будучи вполне действительным, не дает его владельцу права на равное со всеми удовлетворение в случае банкротства должника. Те же деления и те же последствия, как при обыкновенных буржуазных гешефтах и делишках, так и при таком „святом“ деле, каким изображают светские и церковные юристы брачную сделку.

совершенно отказалось санкционировать какое бы то ни было из многочисленных препятствий, которые коренились в постановлениях отцов церкви или иных религиозных догматах. Оно совершенно не установило препятствий, устранение которых зависело бы от усмотрения тех или иных властей.

Но нельзя ограничиться простым изложением только тех препятствий, которые положительно указаны в «Кодексе». Слишком свежи еще в памяти многих те многочисленные рогатки, которые были воздвигнуты царскими законами, которые воздвигнуты в соседних буржуазных странах. Поэтому и в самом законе, и в самом «Кодексе» пришлось указывать не только препятствия к регистрации брака, но и обстоятельства, не служащие таким препятствием, т.-е. в самом «Кодексе» отметить освободительное значение его постановлений. В изложении же, поясняющем освободительное значение постановлений советской власти о препятствиях к заключению или регистрации брака, приходится еще гораздо подробнее перечислять обстоятельства, переставшие служить помехой к соединению двух любящих друг друга лиц, показывать сколько личных трагедий устранены и впредь устраняются этими освободительными постановлениями советской власти.

Какие же препятствия для регистрации брака установлены Кодексом Р. С. Ф. С. Р., или, вернее, при наличности каких обстоятельств не принимаются заявления о регистрации брака.

Лица, желающие зарегистрировать свой брак, должны достигнуть брачного возраста, т.-е. такого возраста, ранее достижения которого брачные отношения были бы вредны и опасны для их здоровья. Таким возрастом признается в «Кодексе» 18 лет для мужчины и 16 лет для женщины. Не от усмотрения лиц, регистрирующих брак, и не от какого-либо их начальства зависит разрешить вступать в брак лицам этого возраста еще не достигшим, как, напр., в дореволюционную эпоху зависело от архиерея разрешить вступать в брак за полгода до достижения брачного возраста. Брачный возраст установлен один для всей советской России. Никаких особых возрастов для различных жителей советской России не установлено. В дореволюционную эпоху законы

царской России содержали в себе особые постановления относительно брачного возраста природных жителей Закавказья. По отношению к ним был установлен брачный возраст в 15 лет для мальчика и 13 лет для девочки. Такой ранний возраст вступления в брак объясняли особо ранним достижением половой зрелости жителей Закавказья. На самом же деле этот брачный возраст для жителей Закавказья был установлен в Кодексе православного грузинского царя Вахтанга, согласно указаниям, имеющимся в Библии. Из Библии это правило было заимствовано отцами церкви, вошло в Кодекс Вахтанга, а из последнего в середине прошлого столетия было переписано в X том свода Законов Российской Империи. Но замечательно то, что этот брачный возраст был установлен отцами церкви для всех верующих чад ее, а в действительности одни и те же царские законы, которые якобы считались с церковными постановлениями, сохранили этот возраст православных грузин и назначили другой возраст для всех остальных православных. И юристы и даже церковники, канонисты, знатоки церковного права готовы были признавать недействительным церковный брак, в который вступили лица, хотя и достигшие церковного, но еще не достигшие установленного светской царской властью (гражданской) брачного возраста.

Так как Советская власть установила брачный возраст (в 18 и 16 лет), считаясь исключительно с физиологическими соображениями (о вреде для здоровья более ранних браков), то, разумеется, при наличности обстоятельств, устраняющих возможность этого вреда, недостижение этого установленного в Кодексе брачного возраста не должно служить препятствием к регистрации брака. И, наоборот, никакие иные соображения (напр., экономической, хозяйственной пользы— в крестьянской среде) не могут устранить запрета регистрировать брак недостигших установленного возраста лиц. Судить о наличности обстоятельств, устраняющих возможность вреда от вступления в брак для лиц, не достигших установленного возраста, могут, разумеется, только компетентные в этих вопросах врачебные учреждения [1]).

[1]) Ср. обсуждение этого вопроса в Ученом Медицинском Совете отчет, помещенный в № 70 „Изв. В. Ц. И. К.“ от 1 апреля 1919 г.: „Вследствие

Так как лица, достигшие брачного возраста, являются в то же время и совершеннолетними (ибо и возраст общего совершеннолетия также равен 18 годам для мужчин и 16 для женщин — ст. 191 «Кодекса»,) то ни в каком случае лица, вступающие в брак, не могут нуждаться в разрешении со стороны кого бы то ни было, в частности и со стороны родителей (родительские права предоставляются родителям в отношении детей мужского пола лишь до 18 и детей женского пола лишь до 16 лет — ст. 149 «Кодекса»). В случае же разрешения вступить в более ранний брак брачущиеся должны быть особым постановлением признаны также и совершеннолетними (сравним прим. к ст. 191 «Кодекса») [2]).

необходимости ввести в хозяйство новую рабочую силу в лице невестки или зятя, в деревнях замечается стремление устраивать ранние браки. Законом установлен возраст—18 лет для жениха и 16 лет для невесты,—но достижение отдельными лицами физического развития, при котором браки не могут оказать вредного влияния на здоровье брачущихся и их потомства, наступает то несколько ранее, то несколько позднее этого возраста, в зависимости от расовых, климатических и индивидуальных условий. В виду принципиального значения вопроса о разрешении зарегистрировать браки в некоторых случаях и ранее достижения брачущимися установленного законом возраста, Ученый Медицинский Совет Комиссариата Здравоохранения высказался за возможность в некоторых случаях таких браков, но признал, что досрочные браки должны быть разрешаемы не иначе, как по представлении брачущимся заключения компетентной врачебной экспертизы, в составе не менее двух врачей, об отсутствии препятствий к браку со стороны именно физического развития лица, не достигшего брачного возраста. Вместе с тем Медицинский Совет подтверждает, что наличность хозяйственно-экономических причин никоим образом сама по себе не может быть признаваема достаточной для заключения ранних браков".

[2]) В иностранных буржуазных законодательствах требуется разрешение родителей на вступление в брак их детей, не только достигших брачного возраста, но даже и совершеннолетних (за границей брачный возраст и общее совершеннолетие не совпадают), а в некоторых—совершенно не считаясь с возрастом „детей". В особенности стеснительны были французские законы по этому вопросу. Дети сначала обязаны были испросить разрешение своих родителей во что бы то ни стало; затем после долгой борьбы дети до достижения известного возраста должны были только трижды через известные промежутки времени и с соблюдением особых церемоний только **просить** у родителей разрешения. Наконец, в настоящее время несовершеннолетние дети обязаны только отправить своим родителям „**почтительный акт**", который в действительности является актом чрезвычайной непочтительности и так как содержание его сводится приблизительно к следующему: „Милые родители, извещаю Вас, что

Никакого особого взаимоотношения между возрастом лиц, регистрирующих свой брак, никаких требований соответствия их по возрасту друг другу, никаких запретов регистрировать браки между престарелым женихом и молоденькой невестой, или наоборот,—в нашем «Кодексе» не установлено.

Точно также не установлено никакого особого предельного возраста—в 80 или 60 лет,—по достижении которого воспрещалось бы вступление в брак. Советскому законодательству чужды поповские увещевания о том, что на старости следует думать о небесном, а не о земном.

Следующим препятствием к регистрации брака является близкое родство между лицами, желающими вступить в брак. Это препятствие к регистрации брака также продиктовано физиологическими соображениями. В медицине доказано, что состояние очень близкого родства между мужем и женою отражается крайне вредно как на их собственном здоровьи, так и на здоровьи их потомства, что половые отношения между близкими родственниками влекут за собою вырождение их потомства.

Степень близости родства, служащая препятствием к регистрации брака, указана в «Кодексе». Не могут вступать между собою в брак родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, т.-е., напр., дед с внучкой, отец с дочерью, мать с сыном, бабка с внуком и т. д., а также братья и сестры как полнородные, т.-е. имеющие общих отца и мать, так и неполнородные, т.-е. происходящие от одного отца, но разных матерей или от одной матери, но разных отцов.

В дальнейшем не установлено никаких ограничений по родству или по отношениям, к родству уподобляемым. Но так как в основу данного ограничения положены соображения физиологические, опасность близости действительного родства, но только действительное родство и притом всякое действительное близкое родство служит таким препятствием. В буржуазных странах, делящих детей на «законных» и «не-

---

я собираюсь вступать в брак; если Вы мне это разрешите, это будет хорошо; если же нет, то я отлично обойдусь и без Вашего разрешения". Жалкое законодательство, цепляющееся за смешные пережитки старины и выдаваемое за самые прогрессивные реформы.

законных», устанавливающих неопровержимые презумпции происхождения детей от их оффициальных, законных, в законном браке состоящих родителей, возможны нередко случаи вступления в брак лиц, действительно происходящих от одного и того же отца (законной дочери с «незаконным» сыном, напр.), или запрещения вступить в брак лицам, в действительности вовсе не состоящим в родстве между собою (напр., оффициальному отцу с дочерью, не от него происходящей). Буржуазные законодательства восприняли опять таки от церкви целый ряд запретов по отношениям, уподобляемым родству. И буржуазные ученые тщетно пытаются объяснить действительные причины таких запретов, напр., запретов вступать в брак свойственникам до известной степени. Трудно, напр., объяснить, почему воспрещен брак между данным лицом и сестрой его покойной жены или братом ее покойного мужа. Нельзя объяснить этого запрета (если вообще возможно такое объяснение) опасением возможной близости между лицами, находящимися под одной кровлей, так как времена большой семьи, совместного проживания под одной кровлей братьев и сестер после их женитьбы или выхода замуж, отошли в область преданий.

В дореволюционном законодательстве России содержались запреты вступать в брак не только двухродным, но даже и трехродным свойственникам до известной степени, а также родственникам (искусственным) по усыновлению, по духовному родству (по восприятию детей из купели).

Советское законодательство знает препятствия к браку только по действительному родству. Ни оффициальное родство, ни искусственное родство не могут служить препятствием к регистрации брака. Как мы увидим дальше, только состояние в браке, признаваемом законом, служит, по «Кодексу» препятствием ко вступлению в новый брак, но таким препятствием не служит и служить не может тот факт, что родственники лиц, желающих вступить между собою в брак, состоят или состояли между собою в браке. Таких нелепых и ничем необъяснимых запретов, заимствованных буржуазными законами из старинных церковных постановлений, советское законодательство не знает.

Но зато советское законодательство, не стесняясь сорвать

лицемерные покровы с человеческих отношений, запрещает браки между всякими действительно близкими родственниками. Препятствием к браку в пределах, указанных выше, служит «всякое, в том числе и внебрачное родство» (Прим. к ст. 69 «Кодекса»). И если можно (любым способом) доказать, что данные лица, хотя оффициально и числящиеся родственниками, в родстве между собою не состоят, то они вступить в брак могут. Равным образом, если можно (любым способом) доказать, что данные лица, хотя оффициально числящиеся чужими друг другу, на самом деле состоят между собою в родстве, в таком близком родстве, которое служит препятствием к регистрации их брака, то им должно быть отказано в регистрации брака. Для советского законодательства не существует ненарушимых и неопровержимых фикций, оно считается только с действительностью.

Третьим препятствием к регистрации брака является душевная болезнь одного из желающих вступить в брак. «Вступающие в брак должны быть в здравом уме» (ст. 67 «Кодекса». Душевная болезнь или отсутствие «здравого ума» исключают возможность требуемого «Кодексом» «взаимного согласия вступающих в брак лиц». Но, кроме того, и это гораздо важнее, душевная болезнь одного из супругов крайне вредно отражается на психическом состоянии другого супруга и на здоровьи могущего от них произойти потомства. Правда, и всякая другая непроходящая болезнь одного из вступающих в брак, в особенности заразительная и передающаяся по наследству болезнь, как напр., чахотка и т. п., столь же вредно может отразиться на здоровьи как другого супруга, так и потомства; но в «Кодексе» не содержится запрещения регистрировать браки больных вообще, физически больных. И наличность физической болезни у одного из вступающих в брак или у обоих не может поэтому служить препятствием для регистрации их брака. Хотя такое постановление отнюдь не может быть названо рациональным, тем не менее в виду того, что в «Кодексе» выделен только один вид болезни (душевная болезнь, отсутствие здравого ума) в качестве препятствия к регистрации брака, следует считать бесспорным, что никакая физическая болезнь препятствием к регистрации брака не служит и служить не может.

Следующим препятствием ко вступлению в брак служит, для всех без различия граждан Российской Советской республики, состояние одного из желающих вступить в брак или их обоих в другом оффициально признаваемом браке. «Не могут вступать в брак лица, уже состоящие в зарегистрированном браке или в браке, имеющем силу зарегистрированного» (ст. 68 «Кодекса», не запрещая последовательной полигамии, последовательного многобрачия, запрещает для всех безусловно многобрачие одновременное, одновременную полигамию. Не ставя никаких препятствий для развода и для вступления разведшихся в новый брак, не запрещая третьих, четвертых, пятых и т. д. браков, Кодекс безусловно запрещает иметь одновременно двух или более мужей или жен, оффициально признаваемых за таковых.

Правда, в виду неприменения законов свергнутых правительств, в том числе и дореволюционного Уложения о наказаниях, в котором установлено было строгое наказание (до $3^1/_2$ лет арестантского отделения) за двоебрачие или многобрачие, двоебрачие является у нас в настоящее время, пожалуй, уголовно ненаказуемым. В виду предоставления полной свободы развода даже по одностороннему желанию, по одностороннему заявлению одного из супругов, можно было бы считать, что заявление о желании вступить в новый брак является достаточным доказательством желания прежний брак расторгнуть. И поэтому, допустив регистрацию второго брака, считать тем самым предыдущий брак расторгнутым. Но, как мы увидим дальше, при изложении последствий недействительности брака, «Кодекс» стоит на другой точке зрения, признавая недействительным не предыдущий, а последующий брак.

Препятствием ко вступлению в новый брак служит не только состояние кого-либо из желающих вступить в брак или их обоих в браке зарегистрированном, т.-е. записанном в отделе записей актов гражданского состояния по правилам «Кодекса», но и состояние кого-либо из них или их обоих в браке, имеющем силу зарегистрированного, т.-е., напр., состояние их в церковном браке, совершенном до издания «Кодекса» или до распространения его действия в данной местности.

Само собою разумеется, что препятствием к новой регистрации брака служит и состояние данных лиц в браке между собою, безразлично зарегистрированном или имеющем силу зарегистрированного. Только в случае невозможности для данных лиц получить удостоверение о том, что они состоят в браке между собою, им предоставляется просить о записи их брака вновь, но с тем, разумеется, чтобы этот брак считался заключенным не с момента новой записи, а с того времени, с которого данные лица состоят действительно в браке между собою.

Статья 45 «Кодекса» гласит: «В случае, если прежние книги записей брака были уничтожены или иным путем погибли, или если по иной причине состоящие в браке лица не имеют возможности получить выписи о своем бракосочетании,— этим лицам предоставляется право подать заявление в соответствующий, по месту жительства обоих супругов или одного из них, отдел записей браков (правильнее—отдел записей актов гражданского состояния) о том, что они состоят в браке с такого-то времени. Такое заявление, подтвержденное подпискою супругов в том, что книга записей действительно погибла или что они по иной уважительной причине не могут получить выписки о браке, служит основанием для записи брака вновь и для выдачи о том копии свидетельства».

Так как требование записей брака в светском правительственном учреждении, в отделе записей актов гражданского состояния, для признания брака действительным, продиктовано, как мы видели выше, исключительно борьбой с религиозными предрассудками и с прежней обязательной церковной или религиозной формой брака, то, разумеется, состояние данных лиц в таком браке, который не признается Советским законодательством, состояние их в браке, заключенном после вступления в данной местности в силу «Кодекса» только в церкви или вообще только по религиозному обряду, не может служить приемлемым основанием для заявления, указанного в ст. 45 Кодекса с целью сделать этот отвергаемый Советским законодательством брак действительным задним числом. Правда, состояние в таком непризнанном (церковном или вообще религиозном) браке не служит препятствием к официальной регистрации брака данных лиц

с признанием его заключенным лишь с момента регистрации.

Но если данные лица не могли оформить своевременно свое состояние в браке, скажем, в силу препятствий, которые были установлены в дореволюционном, царском брачном праве, или даже не хотели в прежнее время оформить своего брака, относясь отрицательно к религиозным обрядам или вообще не руководствуясь соображениями преданности религиозным предрассудкам, то, думается, к таким лицам применима ст. 45 «Кодекса», предоставляющая и им право просить теперь в соответственном отделе записей актов гражданского состояния с указанием соответственных мотивов о записи их брака задним числом с момента действительного их вступления в неоформленный брак [1])

Для регистрации брака, т.-е. добровольного союза двух лиц разного пола, само собою разумеется требуется наличность взаимного согласия вступающих в брак лиц. Наличность такового взаимного согласия требуется в самый момент регистрации брака. Во всяком случае требуется, чтобы вступающие в брак или, вернее, лица, брак которых должен быть зарегистрирован, по крайней мере не возражали против регистрации их брака. Поэтому предварительное их согласие, то, что в общежитии и в других законодательствах называется обручением, само по себе не может служить основанием для регистрации брака. В некоторых американских законодательствах, в финляндском законодательстве, в бывшем прусском законодательстве допускается и допускалась принудительная запись брака в случае обручения, сопровождавшегося беременностью невесты (или объявление ее разведенной женой обольстителя). В германском праве прежних времен допускалось даже в этом случае принуди-

---

[1]) Народному Комиссариату Юстиции пришлось дать указание о возможности записи брака в следующем случае. Умерший N в своих письмах и даже в особом заявлении признавал NN своей женою. После его смерти „вдова" обратилась в отдел с просьбой о записи ее брака с покойным „мужем". В виду несомненной наличности брака, не оформленного отнюдь не из-за приверженности к религиозным предрассудкам, Народный Комиссариат Юстиции счел допустимой запись этого брака после смерти мужа задним числом с момента действительного его заключения.

тельное венчание и соединение супругов. Кодекс не связывает никаких последствий с предварительным согласием на вступление в брак, с обручением, как таковым.

Раз требуется взаимное согласие, т.-е. добровольное согласие на вступление в брак в самый момент его регистрации, то само собою разумеется, что всякое обстоятельство, исключающее такое добровольное согласие, должно считаться препятствием для регистрации брака, а в случае регистрации его, несмотря на наличность такого исключающего добровольное согласие обстоятельства, брак не может считаться действительным. Такими обстоятельствами, исключающими возможность взаимного непринужденного согласия, являются, в частности, бессознательное состояние одного из вступающих в брак или вообще такое его состояние, находясь в котором он не может отвечать за свои действия, свободно определять свои поступки (напр., будучи загипнотизирован); далее, прямое, непосредственное принуждение или даже принуждение косвенное, психическое, вызванное угрозой причинить значительный вред самому принуждаемому или лицам, к которым он привязан, которые ему дороги; наконец, обман или существенная ошибка, определяющим образом подействовавшие на выражение согласия со стороны одного из вступающих в брак.

Само собою разумеется, что наличность такого исключающего возможность взаимного добровольного согласия по отношению не только к одному из вступающих в брак, но к ним обоим (напр., принуждение со стороны третьих лиц), тем более служит препятствием к регистрации брака.

Никаких других препятствий к регистрации брака, кроме перечисленных, в «Кодексе» не содержится. И ни одно из препятствующих заключению брака обстоятельств, содержавшихся в царском законодательстве или содержащихся в церковных или вообще религиозных постановлениях, не может служить препятствием к регистрации брака на основании действующего у нас в Советской России законодательства. Тем не менее в «Кодексе» сочтено необходимым особо подчеркнуть, что некоторые из содержавшихся в царских законах религиозных препятствий ко вступлению в брак вообще или данных лиц—в брак между собою перестали быть препят-

ствием к регистрации брака. Статьи 71—73 Кодекса гласят: «Не служит препятствием для заключения брака разноверие лиц, желающих вступить в брак. Не служит препятствием для вступления в брак монашество и состояние в иерейском или диаконском сане. Не воспрещается вступление в брак лицам, давшим обет безбрачия, даже если лица эти являются представителями духовенства белого (католического) или черного». Но то обстоятельство, что в этих статьях «Кодекса» снова и снова подчеркивается основная идея всего нашего нового брачного права, идея борьбы с религиозными предрассудками; то обстоятельство, что в этих статьях «Кодекса» усиленно подчеркивается, что Советская власть совершенно не считается ни с какими религиозными запретами,—отнюдь не может быть истолковано в том смысле, что только эти препятствия царских законов отвергаются, а какие-либо другие сохраняются в силе.

От лиц, желающих вступить в брак, не требуется представления доказательств того, что не имеется законных препятствий к регистрации их брака. От них требуется только подписка в том, что они вступают в брак добровольно и что отсутствуют, разумеется, поскольку им известно, указанные в «Кодексе» препятствия к регистрации их брака. Но так как в очень многих случаях наличность препятствий может не быть известна самим собирающимся зарегистрировать свой брак лицам (напр., им может быть вовсе неизвестно, что они состоят в близком «внебрачном» родстве), а также во избежание обмана, ложных сообщений со стороны желающих вступить в брак, несмотря на известную им наличность препятствий к их браку, допустимы заявления посторонних лиц о том, что существуют законные препятствия к регистрации данного брака.

Если кто-либо, вплоть до окончания записи брака в книгу сделает заявление в отделе записей о наличности законных препятствий к регистрации данного брака, то должностное лицо, регистрирующее брак, обязано приостановить запись брака до разбора дела местным (теперь народным) судом, который обязан рассматривать дела о протестах против брака вне очереди и в трехдневный срок и решения которого по подобного рода делам окончательны и не подлежат обжало-

ванию. Брак в этих случаях подлежит регистрации лишь тогда, когда суд признает заявление о наличности препятствий к регистрации брака несоответствующим действительности.

Однако для избежания напрасной, хотя бы и недолгой волокиты приняты и в этих случаях некоторые меры. Явно необоснованный протест против регистрации брака может быть оставлен должностным лицом, регистрирующим брак, без всякого внимания. А в случае злостного, умышленно неверного заявления о наличности препятствий с целью помешать регистрации брака, виновные в том несут двоякую ответственность: они отвечают в уголовном порядке за лжесвидетельство и, кроме того, присуждаются к возмещению всех вызванных их поступком убытков (ст. ст. 63 и 64 «Кодекса». Предоставляется возможность безнаказанно делать только основательные и добросовестные заявления о наличности препятствий к регистрации брака. Вообще же на отказ должностного лица, регистрирующего браки, совершить или, вернее, записать данный брак, может быть принесена без ограничения срока жалоба в народный суд, по месту нахождения отдела записей актов гражданского состояния, а на решение, состоявшееся по такому вопросу в народном суде, допускается в общем порядке жалоба в совет народных судей [1]).

---

[1]) Гражданская, светская, противоцерковная, противорелигиозная форма брака, установленная в России Советской властью, повидимому, вполне соответствует желаниям самых разнообразных слоев населения. Уже в течение первого года действия декрета о гражданском браке и Кодекса, количество браков, совершенных, записанных в отделах записей актов гражданского состояния или в других, ранее их заменявших, советских учреждениях, достигло весьма внушительной цифры. Еще разрабатывается сводка данных о количестве таких браков в различных губерниях, в особенности же в среде сельского населения, где такие браки также уже весьма привились, несмотря на то, что во многих местах церковные книги о записи брака были отобраны у причтов не ранее октября—ноября 1918 года. Вполне точные данные имеются относительно гражданских браков, зарегистрированных в Москве и Петрограде,—данные, свидетельствующие о значительном росте числа этих браков с каждым месяцем. Особенно характерны данные, касающиеся, „православной“, „старообрядческой“ Москвы, где, казалось бы, религиозные предрассудки должны быть очень сильны. Количество гражданских браков в Москве, несмотря на опасения реставрации, которая могла эти браки аннулировать, возрастало в течение

Действительность и недействительность браков. Прежние браки.

Действительны, разумеется, браки, которые зарегистрированы в соответственных учреждениях Советской власти, при соблюдении всех условий и отсутствии препятствий, установленных «Кодексом». Браки, хотя и зарегистрированные в отделах записей актов гражданского состояния, но без соблюдения условий, установленнных «Кодексом», или несмотря на наличность препятствий, при которых воспрещена регистрация брака, по общему правилу, являются недействительными. Но не во всех случаях несоблюдение условий, требуемых «Кодексом» для регистрации брака, или регистрация его, несмотря на наличность установленных в «Кодексе» препятствий, влечет за собою его недействительность. Кроме того, признание, по общему правилу, действительными церковных религиозных браков, совершенных до вступления в силу декрета советской власти о гражданском браке, также имеет своим последствием возможность признания действительными браков, которые не считались бы действительными по закону, действовавшему в момент их совершения. Вообще говоря, по «Кодексу», брак

1918 г. в Москве с изумительной быстротой. В январе 1918 г. в Москве было зарегистрировано 8 браков, в феврале (всего в течение 15 дней)—9, в марте—77, в апреле—120, в мае—214, в июне—232, в июле—331, в августе— , в сентябре— , в октябре— , в ноябре— , в декабре— , а всего в течение 1918 г.— . И если в первые месяцы 1918 г. количество гражданских браков в Москве было значительно ниже числа светских разводов, то в следующие месяцы число браков, в чем можно будет убедиться ниже, уже стало весьма значительно превышать число разводов. Количество разводов достигло в Москве своего апогея, своей наивысшей точки в апреле 1918 г., после чего пошло на убыль, а количество браков в Москве возрастало неуклонно в течение всего 1918 г., и кривая его роста постоянно повышалась. Почти такое же неуклонное возрастание количества браков замечалось в Петрограде, в особенности, если принять во внимание панику, господствовавшую в Петрограде в течение марта—июня в связи с его эвакуацией, угрозой приближения немецких империалистов, а также и крайнее обезлюдение Петрограда в течение 1918 г. В январе 1918 г. в Петрограде было зарегистрировано 98 браков, в феврале—153, в марте—238, в апреле—276, в мае—381, в июне—364, в июле—348, в августе—379, в сентябре—393, в октябре—692, в ноябре—858, в декабре—892, а всего за 1918 г.—5072 брака.

может быть признан недействительным только в случаях, положительно предусмотренных законом (ст. 74 «Кодекса». Это постановление относится, разумеется, только к бракам, зарегистрированным компетентным учреждением. Если же брак зарегистрирован неподлежащей властью или даже частными лицами, какими являются в советском строе все и всякие представители духовенства,—то он представляется вовсе не имевшим места, а не только недействительным, и никакого производства о признании брака недействительным в данном случае не требуется.

Мы видели выше, что недостижение брачного возраста (18 лет для лиц мужского пола и 16 для лиц женского пола) является препятствием к регистрации брака. Однако, если брак между такими лицами (не получившими особого врачебного разрешения на брак) был тем не менее зарегистрирован, то он не всегда признается недействительным. Исключение установлено для двух случаев. Во-первых, когда дело о недействительности брака возбуждено уже после достижения мужем и женою брачного возраста (18 и 16 лет). В этом случае отпадает смысл признания брака недействительным, так как признание брака недействительным не является наказанием за нарушение (в свое время) правил, требуемых законом, а имеет своей целью разлучить супругов, брачная жизнь которых представляется недопустимой или опасной. Во-вторых, когда брак имел последствием рождение детей или беременность жены. В этом случае также почти отпадает основание для признания брака недействительным, так как указанные факты служат косвенным подтверждением индивидуального отклонения от общей нормы брачного возраста.

Все остальные препятствия к регистрации брака, как-то: душевная болезнь, состояние в другом действительном браке, отсутствие добровольного согласия, а также указанная выше близость родства [1])—являются также и основанием для признания брака недействительным (ст. ст. 78—81 «Кодекса».

---

[1]) Очевидным пропуском является отсутствие в „Кодексе“ или, вернее, выпадение из него статьи, признающей недействительным брак, совершенный между родственниками в прямой восходящей и нисходящей линии, а также между полнородными братьями и сестрами. Что совершенно не имелось

Недействительны браки, не только заключенные душевнобольными, но и вообще лицами, находившимися в таком состоянии, в котором они не могли действовать рассудительно и понимать значение своих действий. Недействительны браки, не только, когда они совершены без согласия кого-либо из сочетавшихся или их обоих, но и когда согласие дано в бессознательном состоянии либо по принуждению. В случаях обмана или существенной ошибки, наличность которых определяющим образом подействовала на внешнее выражение согласия, следует считать, что согласия вовсе не было дано. Недействителен брак, совершенный в то время, когда один из вступивших в этот брак или оба они состояли еще «в другом браке, действительном и не прекратившемся смертью другого супруга или разводом». В случае признания брака недействительным по причине двоебрачия одного из супругов или их обоих, прежний брак или прежние их браки, как мы уже говорили выше, остаются в силе. Но признание брака недействительным может произойти только вследствие наличности формального двоебрачия, т.-е. наличности двух зарегистрированных или имеющих силу зарегистрированных и притом действительных и непрекратившихся браков. Если прежний брак является недействительным, то хотя бы и не было еще судебного, вошедшего в законную силу решения о признании этого брака недействительным, вступление в этом случае в новый брак не влечет за собою признания этого нового брака недействительным. Точно также не может служить основанием для признания недействительности последующего брака тот факт, что один из супругов или оба они состояли в браке, уже прекратившемся смертью или разводом. Отсюда с несомненностью вытекает, что действительны третьи, четвертые, пятые и т. д. браки, что действительны браки, совершенные даже

в виду делать изъятия для этого препятствия в смысле признания действительным брака, зарегистрированного, несмотря на наличность такого близкого родства,—видно из прим. к ст. 82 „Кодекса“, где признаются недействительными даже религиозные и церковные браки, заключенные до вступления в силу декрета о гражданском браке, между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии либо между полнородными или неполнородными братьями и сестрами.

час спустя после вступления в законную силу судебного решения о разводе вообще или после совершения записи о разводе в отделе записей по обоюдному согласию.

Прежние церковные или религиозные [1]) браки, совершенные до вступления в силу декрета о гражданском браке, признаются вообще действительными, если они удовлетворяют требованиям, какие установлены были в законах, действовавших во время их совершения. Но не во всех случаях, когда подобные браки являлись бы недействительными по прежним законам, они могут быть признаны недействительными и в настоящее время при действии «Кодекса». Так как все дела о признании браков недействительными подлежат рассмотрению исключительно в Народном Суде (а не в каком-либо церковном или религиозном учреждении), то разумеется, суд этот может считаться только с такими основаниями недействительности браков, которые вообще признаются «Кодексом» по отношению к бракам, регистрируемым согласно правилам в нем установленным. Поэтому наличность обстоятельств, которые являлись бы основанием для признания брака недействительным по прежним законам, но которые не являются таковыми по правилам «Кодекса», не могут приниматься во внимание судом и по отношению к тем бракам, которые были заключены при действии прежних законов.

Так, напр., не может в настоящее время быть признан недействительным брак между лицами разной веры (положим, православной и языческой или иудейской), хотя бы этот брак был совершен до 20 декабря 1917 г. по законам, признававшим тогда такой брак недействительным. Точно также не может быть в настоящее время признан недействительным брак между двоюродными братьями, или между дядей и племянницей, или между теткой и племянником, хотя бы брак этот был совершен при действии старых законов, которые признавали подобный брак недействительным, если вступившие в брак принадлежали к известной вере (см. прим. к ст. 82

---

[1]) Сказанное в тексте относится и к бракам, которые на основании царских законов, регистрировалось в полиции, как, напр., браки неприемлющих священства и анабаптистов.

«Кодекса»). Вообще, прежние браки могут быть признаны недействительными только в тех случаях, когда при их совершении имелись на лицо такие препятствия, которые являлись бы материальными, (а не формальными только) препятствиями к регистрации подобного брака и в настоящее время (ср. ст. 82 «Кодекса»).

Дела о признании браков недействительными рассматриваются Народными Судами по общим правилам о местной подсудности. Дела о признании брака недействительным могут быть возбуждаемы не только самими супругами, но и лицами, интересы которых этим браком нарушены (напр., детьми, бывшими или настоящими супругами от других браков и т. д.), а также, в виду того, что сохранение недействительного брака затрогивает интересы всего общества, представителями государственной власти (напр., отделами записей, органами государственного контроля, местными отделами управления).

В отличие от развода, от расторжения брака, при котором брак считается прекратившимся лишь с момента вступления в силу постановления или с момента записи о разводе и, при котором, как мы увидим ниже, не все последствия брака прекращаются, признание брака недействительным влечет за собою такие последствия, как если бы этот брак никогда вовсе не был заключен, никогда вовсе не существовал. По вступлении в законную силу решения о признании брака недействительным, брак аннулируется с самого момента его совершения, брак считается недействительным не с момента вступления в силу соответственного судебного решения, а со времени его совершения.

Если препятствие к регистрации брака отпало после признания брака недействительным, то тот факт, что брак данных лиц был в свое время признан недействительным, не может сам по себе служить основанием для запрещения вновь зарегистрировать брачный союз между этими лицами. Если, напр., прекратится прежний брак Иванова, на основании которого его последующий брак с Петровой был признан недействительным, то Иванов может вновь заключить брак с тою же Петровой, несмотря на то, что в свое время их брак был признан недействительным. «Лица, брак которых при-

знан недействительным, могут вновь вступить в брачный между собою союз, на основании общих правил» (ст. 84 «Кодекса»).

Отметим еще два случая, связанных с браками, совершенными не по правилам декрета о гражданском браке (от 18 дек. 1917 г.) или не по правилам заменившего его «Кодекса». Декрет о гражданском браке и заменивший его «Кодекс» были изданы для всей Советской России Соответственный декрет о гражданском браке был издан для всей Советской Украины. Но пределы Советской России в особенности, а также и пределы Советской Украины все время изменялись и продолжают изменяться, то расширяясь, то суживаясь. Имеются в настоящее время области Советской России, находившиеся во вражеской—иностранной или белогвардейской (иноклассовой)—оккупации. Имеются области, в которых Советская власть функционировала в момент издания декрета о гражданском браке, но которые ныне находятся во вражеской оккупации. И, наконец, имеются области, в которых только что указанная вражеская оккупация уже опять прекратилась.

И если в областях, продолжающих находиться во вражеской оккупации или еще от нее не освобожденных, вопрос о силе заключенных в них браках не представляет особо практического интереса, то по отношению к областям, освобожденным от вражеской оккупации, вопрос этот имеет особо жгучее значение. Спрашивается, какова сила церковных или религиозных браков, совершенных в этих областях за период оккупации после 20 декабря 1917 г. Или еще точнее: в виду того, что в данных областях не функционировали или временно перестали функционировать советские учреждения—отделы записей актов гражданского состояния, то спрашивается, с какого момента следует считать вступившим в силу в данных областях декрет о гражданском браке или заменивший его «Кодекс».

Думается, что следует делать различие между теми областями, которые в момент вступления декрета о гражданском браке в силу находились во вражеской оккупации, и теми, которые в этот момент были от нее свободны. В последних декрет о гражданском браке вступил в силу

20 декабря 1917 г., и к ним вполне применимо постановление «Кодекса» о непризнании церковных или религиозных браков, совершенных после 20 декабря 1917 г., независимо от того, имело ли после этого место вторжение врага в данную область и временный захват ее, оккупация. Население должно было считаться с декретами Советской власти и не рассчитывать на прочность реставраторов (все равно, царских ли, или императорских, королевских или республиканских). Что же касается до тех областей, в которых в момент вступления в силу декрета о гражданском браке Советская власть не функционировала, то вопрос представляется крайне спорным. С одной стороны, вражеская оккупация, как установлено в лицемерно-буржуазном международном праве, не затрогивает законов, действующих или изданных в государстве, части которого оккупированы врагом. С другой стороны, оккупация применительно к областям Советских государств фактически сбрасывала с себя все фиговые листки так называемого международного права, и советские декреты в такие области не могли получить никакого доступа. Согласно первой предпосылке следовало бы склониться к тому решению, что и в этих областях церковные и религиозные браки, совершенные после 20 декабря 1917 г., лишены всякого официального значения и не влекут за собою никаких юридических последствий. Вторая предпосылка заставляет склоняться к иному решению.

В виду крайней спорности этого вопроса чрезвычайной практической важности необходимо было бы издание особого декрета относительно браков в оккупированных областях. До издания же подобного декрета следует скорее склониться к признанию всех подобных браков, как таковых, лишенными официального значения. Для придания же каждому такому браку в отдельности силы зарегистрированного брака и при том с момента его совершения, желающие такой брак сохранить могли бы, думается, прибегнуть к способу, указанному в приведенной выше ст. 45 «Кодекса», предоставляющей возможность просить о новой записи брака с момента его совершения, если по уважительной причине нельзя получить выписки о браке. А отсутствие в свое время в данной области органов Советской власти, регистрирующих

браки, должно, кажется, признаваться такою уважительною причиною [1]).

Второй случай касается прежних гражданских браков, совершенных русскими гражданами перед светской властью за границей. Как мы уже указывали выше, царские представители не хотели подписывать гаагской конвенции о браке, в силу которой признавались в каждой стране гражданские браки, совершенные в другой стране, согласно с законами этой последней. Правда, подобные браки, пожалуй, не признавались бы законными не только в России, но и в других странах, так как по отношению к браку применяются национальные законы лица, вступившего в брак. А так как «национальные» царские законы не признавали, по общему правилу, никакой силы за гражданскими браками, совершенными перед лицом светской, а не духовной власти, то, повидимому, даже если бы гаагская конвенция была подписана представителями царской России, то гражданский брак, совершенный русским подданным даже в стране, где гражданские браки допустимы или даже обязательны, не признавался бы законным при царском режиме. Но так как правила об обязательном совершении брака перед учреждением Советской власти продиктованы у нас исключительно требованиями борьбы с религиозными предрассудками, а русские граждане, заключившие, ранее вступления в силу нашего декрета о гражданском браке, гражданский брак за границею, тем самым доказывали, что они в этом отношении освободились от религиозных предрассудков и даже активно с ними борются, то подобные прежние браки, которые признавались бы незаконными при царском режиме, должны быть в настоящее время в Советской России признаваемы вполне законными и действительными [2]).

---

[1]) Допущение этого способа аппробации (скрепления) церковного или религиозного брака явилось бы, пожалуй, косвенным допущением религиозного брака по нужде (Notkirchenehe), в противоположность тем буржуазным законодательствам, напр., австрийскому, которые прямо допускают только гражданский брак по нужде (Notcivilehe) в тех случаях, когда для данных лиц невозможно заключение брака по религиозному обряду.

[2]) Подобное разъяснение пришлось дать Народному Комиссариату Юстиции по поводу гражданского брака сына одного из известнейших русских толстовцев,

Взаимоотношения между супругами.

Советское законодательство не только сделало брак союзом вполне добровольным и, как дальше мы увидим, свободно расторжимым, но и во время существования этого союза отношения между лицами, в него вступившими, превращены в поистине равноправные. В нем, в советском законодательстве, не осталось и следа тех взглядов на женщину, в силу которых буржуазные законы в действительности не могут говорить о взаимоотношениях между супругами. В буржуазных законах эти отношения неэ взаимны, члены супружеского союза неравны, одна часть властвует над другой, жена в той или иной степени подвластна мужу, мужняя власть кажется буржуазным законам чем-то столь же вечным и неистребимым, как и родительская власть, и хозяйская власть, и государственная власть.

И подобно тому как буржуазные законы не могут отказаться вполне от религиозного авторитета в делах брака, они не могут отказаться и от авторитета мужчины в делах брака, они не могут отказаться от взгляда на жену, как на некий придаток своего мужа, как на нечто несамостоятельное. Жена обязана следовать за мужем, если он меняет свое место жительства. Жена обязана, изменив свою добрачную фамилию, носить фамилию мужа. Жена автоматически меняет свое подданство при всякой перемене подданства ее мужа и, выходя замуж за подданного или гражданина другой страны, тем самым, самым фактом своего выхода замуж меняет свое подданство и гражданство и т. д. Везде муж—самодель, жена—подчиненный придаток. Ее личность скрывается за личностью ее мужа. В Англии жена до недавнего времени так и характеризовалась как прикрытая мужем женщина, femina viro cooperta, feme covert. Ее личность ни во

брака, заключенного им несколько лет тому назад в Англии перед английской светской властью. Учреждения, выдававшие данному лицу и его жене удостоверения личности, затруднялись именовать их мужем и женою. Отдел записей актов гражданского состояния, разумеется, отказывался зарегистрировать этот брак вновь и вдобавок задним числом. Разъяснение было дано в том смысле, что все советские учреждения должны признавать этот брак вполне законным с момента его совершения в Англии.

что не ставилась. Ее воли, отдельной от воли ее мужа, не существовало (по закону). Если поэтому она добровольно уходила от мужа к другому человеку, то мужу против этого другого давался иск о насильственном похищении его жены, так как раз жена ушла, хотя и по своей воле, но против воли мужа, то она, значит, насильно уведена. Если жена кого-либо оскорбляла, то за оскорбление это отвечал муж, ибо у жены нет своей воли, отдельной от воли мужа.

В дореволюционной России жена не только вписывалась в паспорт мужа, как его принадлежность, она не только жила при муже. Но в самом языке глубоко запечатлелся характер жены, как существа не самостоятельного, придатка мужа. Она—замужем, он—женатый, все равно как говорят: бородатый, носатый, рогатый, т.-е. имеющий известные придаточные части.

Советское законодательство вполне устранило этот несамостоятельный и придаточный характер жены, оно сделало из супругов, как таковых, вполне равноправных членов брачного союза, оно никому из них не предоставило львиной доли прав. Оно содержит в себе гораздо больше освобождающих (по сравнению с прошлым), чем связывающих правил. Оно и в этой области гораздо больше борется с прежними цепями, а не стремится само налагать новые цепи. Оно сделало то, чего не может сделать ни одно, даже самое передовое, буржуазное законодательство: оно вполне и последовательно отвергло без остатка начало власти в отношениях между лицами, вступившими в брачный союз. Вот почему мы вполне в праве говорить, излагая советское законодательство, о взаимоотношениях между супругами, об их равенстве, о взаимном предоставлении им одинаковых прав и обязанностей.

В отличие от целого ряда буржуазных иностранных законодательств наш «Кодекс» не содержит в себе ни малейшего указания на наличность мужней власти, мужней опеки над женою, на обязанность жены в какой бы то ни было степени повиноваться своему мужу. Все почти буржуазные юристы признают, на основании буржуазных законов, за мужем право наблюдать за поведением своей жены, следить за ее знакомствами, просматривать ее корреспонденцию, делать

ей указания насчет ее политической и общественной деятельности. Замечательно, что даже самые прогрессивные буржуазные юристы не признают такого права контроля и наблюдения в каких бы то ни было случаях за женою. Они, следовательно, считают женщину, жену всегда легкомысленным, ограниченным, приниженным существом. В них живы еще пережитки старого римского права, ставившего на одну доску женщин, детей и сумасшедших. При полном равноправии мужа и жены совершенно недопустим какой бы то ни было особый контроль, особая опека над нею со стороны мужа. Муж, разумеется, не в праве контролировать переписки своей жены. За вскрытие ее писем без ее явного или предполагаемого согласия он должен отвечать так же, как за вскрытие чужого письма вообще. Муж не в праве воспрещать жене вести знакомство, с кем ей угодно. И если бы соответственные его действия по адресу другого лица явились наказуемыми, то они должны быть наказуемы, когда они адресованы к жене. Несмотря на признаваемое в теории равенство мужа и жены, многие юристы по вопросу о контроле со стороны мужа над действиями, поступками и поведением жены не могут отказаться от устарелых деспотических взглядов и предоставляют мужу в этом отношении широчайшие права. Во многих юристах жив еще солдатский взгляд Наполеона, провозгласившего: «Природа создала женщин нашими рабынями! Муж в праве сказать своей жене: Мадам, вы не выйдете на улицу! Мадам, вы не пойдете в театр! Мадам, вы не увидитесь с таким-то лицом! Одним словом, мадам, вы мне принадлежите душой и телом!»

Но все эти пережитки старины совершенно непримиримы с новым правом, не на словах, а на деле признающим полную равноправность полов. Никакого особого права контроля и наблюдения за женою наш «Кодекс» мужу не предоставляет. Он не предоставляет таких унижающих и унизительных прав никому из супругов. Вступив в брачный товарищеский союз, супруги не умаляют, не уменьшают своей самостоятельности, как равноправных и независимых личностей [1]).

---

[1]) У нас, разумеется, не требуется никаких разрешений от мужа для поступления его жены в учебное заведение, для поступления ее на ту или иную службу или работу.

Не признает наш «Кодекс» и обязанности жены следовать за мужем при всякой перемене им своего местожительства. Многие иностранные буржуазные законы просто заявляют, что местожительством жены считается местожительство ее мужа, хотя бы она вместе с мужем не проживала. Здесь особенно рельефно сказывается приниженный, несамостоятельный, придаточный характер жены, которая, по признанию закона, не может иметь иного местожительства, кроме местожительства своего мужа, что она всегда находится при муже, как его придаточная часть. Некоторые, наиболее прогрессивные буржуазные законодательства, требуя, чтобы жена всегда следовала за мужем, признают за женою возможность не подчиниться этому требованию мужа, если оно представляется с его стороны злоупотреблением своим правом, т.-е., иными словами, если муж шантажирует свою жену таким требованием, если он заставляет ее подчиняться его пустому капризу или злостному желанию причинить ей большие неприятности и невыгоды, не приносящие ему к тому же никакой пользы. Хорош вечный и священный брачный союз, при наличности которого жене приходится давать такие гарантии против ее супруга!

Наш «Кодекс» не знает ни фикции (выдуманного) местожительства жены (по местожительству ее мужа), ни обязанности жены следовать за мужем. «Перемена местожительства одним из супругов не создает для другого обязанности следовать за ним», гласит ст. 104 «Кодекса». Те последствия, какие юридически связываются с местожительством человека, связываются, по нашему «Кодексу», с действительным, а не вымышленным местожительством каждого из супругов. Иски к жене, всякие заявления, подлежащие адресованию по месту ее жительства, должны обращаться по тому месту, где она действительно проживает, а не по местожительству ее мужа, где все подобного рода извещения могли бы ей остаться неизвестными и причинять таким образом большие невыгоды. Точно также даже и в случае не капризной, а вызванной основательными причинами перемены мужем места его жительства (напр., по причине служебного перевода или пересылки для работы в другое место), жена не обязана сопровождать его в новое место. Никакого принуждения в

этой области не допускается. Супруги могут только добровольно согласиться следовать друг за другом при перемене местожительства любого из них.

Разумеется, что нет никакой необходимости включать жену в «паспорт» мужа или в иное удостоверение его личности, что жена может при всех обстоятельствах требовать и получить отдельный «вид на жительство», самостоятельное удостоверение личности. А сколько страданий и мучений было связано в прежние времена с получением этого «отдельного вида на жительство», какие издевательства по адресу жены позволял себе благородный представитель сильного пола, которого закон развращал, ставя в зависимость от его усмотрения—давать или не давать своей жене этот вид на жительство!

Этим требованием совместного жительства или, вернее, жительства жены при муже, объяснялось раньше право мужа запретить жене поступление в высшее учебное заведение, наем на работу, что могло повлечь за собою отдельное жительство жены (или даже выдавать векселя, так как при неуплате по векселю возможно было личное задержание или задержание в месте пребывания). Удивительно, почему не постановлено было, что жене запрещается совершать преступления без разрешения мужа, так как ведь и преступления могут повлечь за собою личное задержание жены и отдельное ее от мужа жительство (в тюрьме). Как неправильно было ставить в связь эти постановления с необходимостью совместного жительства мужа и жены, видно из того, что для мужа не содержалось никаких запретов поступать в высшее учебное заведение или на место, находящееся не в том городе, где живет его жена (он мог свободно оставить жену и детей в одном городе и уехать в другой). Эти разрешения со стороны мужа являлись непосредственным последствием только мужней власти и подчиненности, приниженности жены.

По действующим в Советской России декретам поступление в высшие учебные заведения свободно для всех, достигших шестнадцатилетнего возраста, и ничьих разрешений (ни мужей, ни родителей, ни опекунов) для такого поступления не требуется. Поступление на службу или на работу определяется постановлениями «Кодекса» законов о труде, совершается

через отделы распределения рабочей силы или в порядке выборном, и ни о каком разрешении частного лица—мужа—здесь также не может быть речи.

Буржуазные законодательства возлагают на супругов обязанность сожительства друг с другом и вытекающую отсюда обязанность соблюдать верность по отношению к супругу, т.-е. не изменять ему. Выполнение этой интимной обязанности вынуждается карами за ее нарушение и другими способами. Но почти везде эта обязанность строже диктуется жене, нежели мужу. Во многих буржуазных уголовных законодательствах жена за прелюбодеяние, т.-е. за нарушение супружеской верности, карается гораздо строже, нежели муж. Точно также и условия, при наличности которых нарушение супружеской верности считается уголовно наказуемым прелюбодеянием, гораздо льготнее для мужа. В виду наличности обязанности сожительства буржуазные законы не признают преступлением изнасилование собственной жены, так как в подобном случае насилия муж только пользуется своим правом.

Наш «Кодекс» не устанавливает для супругов обязанности сожительства и верности. Супруги сожительствуют только по доброй своей воле. Насилие в этом отношении по адресу одного из них со стороны другого столь же преступно и наказуемо, как и всякое другое изнасилование со стороны не супруга. Брак, как мы уже знаем, влечет за собою только запрещение вступать в новый, официально регистрируемый брак. И даже в случае нарушения такового запрета никакого уголовного наказания за такое нарушение не полагается: только последующий брак признается недействительным. Тем более не может явиться уголовно-наказуемым несоблюдение супругом верности. Прелюбодеяние перестало быть уголовно-наказуемым. В случае обнаружения одним из супругов факта неверности со стороны другого супруга он волен сделать тот или иной вывод, он может счесть это достаточным поводом для возбуждения дела о разводе; он может примириться с этим фактом. Но звать по этому поводу полицию, пускать в ход всю машину правосудия бесполезно, а восстанавливать супружескую «честь» при помощи тюремного заключения другого супруга глупо и бесцельно. В особенности бес-

смысленными были постановления царских законов по этому вопросу. Согласно этим законам возбуждение уголовного преследования против супруга за прелюбодеяние лишало возможности требовать развода по тому же поводу. Сначала один из супругов мог засадить другого в тюрьму, а по освобождении его из тюрьмы супруги должны были вновь начать мирную совместную жизнь во славу высокой идеи святости брачных уз... впредь до новой измены и т. д.

По нашему «Кодексу» из брака, как такового, вытекают следующие четыре последствия: 1) супруги во время брака обязаны носить одинаковую фамилию, 2) наличность брака служит препятствием для регистрации нового брака, 3) супруги, по общему правилу, не могут служить в одном и том же советском учреждении или отделе этого учреждения и 4) нуждающийся (т.-е. нетрудоспособный и не имеющий прожиточного минимума) супруг имеет право на получение содержания от другого (или из имущества бывшего) супруга, если последний в состоянии оказывать ему поддержку.

Ст. 100 «Кодекса» гласит: «Лица, состоящие в браке, носят общую фамилию (брачная фамилия). При бракосочетании им предоставляется определить, будут ли они именоваться фамилией мужа (жениха) или жены (невесты), или соединенною их фамилиею». Только эти три фамилии предоставляются им на выбор. Если желают зарегистрировать свой брак, скажем, Бельский и Петрова, то они могут получить брачную фамилию либо Бельских, либо Петровых, либо Бельских-Петровых. Но они не могут продолжать именоваться каждый своей прежней добрачной фамилией, либо выбирать себе во время регистрации брака совершенно новую фамилию. Так как введение у нас обязательной формы гражданского брака, официально регистрируемого, продиктовано борьбой с религиозными предрассудками, борьбой с церковными или религиозными браками, которые, по «Кодексу», признаются никакой силы не имеющими и никаких последствий за собой не влекущими, то предоставление супругам права именоваться каждому своей прежней добрачной фамилией означало бы в этом отношении притупить оружие борьбы. В самом деле, при такой возможности население не поощрялось бы к отказу от церковной формы брака и к заключению

его по форме светской. Лишенный силы церковный брак имел бы своим последствием то, что «супруги», заключившие брак в такой форме, продолжали бы именоваться каждый своей старой фамилией. Но такие же последствия мог бы повлечь за собою и официально признаваемый гражданский брак. Поэтому лица, весьма еще считающиеся с «общественным мнением», не отказывались бы от церковного брака. Такие же последствия могли бы получиться и в случае предоставления супругам права, в силу брака, именоваться хотя и общей, но совершенно им чужой фамилией, какую они (каждый в отдельности) могли бы получить на основании декрета о перемене фамилии (и после заключения брака в религиозной форме). Наш «Кодекс» поэтому заявляет: Я не признаю церковных и религиозных форм брака. Я поэтому устанавливаю такую внешнюю отличительную черту супружества, какой нельзя получить иным путем, кроме регистрации их брака по светской форме. Я требую именования их общей, но не произвольной, а брачной фамилией, которая может быть либо добрачной фамилией одного из них, либо же их соединенною добрачною фамилиею. Никакого примата, никакого первенства мужчины, мужа, и в этом отношении также не сохранено. И в этом отношении установлено полное равенство обоих вступающих в брак лиц.

Буржуазные законодательства требуют, чтобы жена всегда носила фамилию мужа, всегда теряла свою добрачную фамилию. Наиболее прогрессивные из них допускают, чтобы жена присоединяла к неизменной фамилии мужа свою добрачную фамилию, если эта фамилия имеет для нее особую экономическую или иную ценность (напр., приобрела известность в качестве фамилии художницы, музыкантши, писательницы, врача и т. д.). Но мысль о равноправии мужа и жены в этом отношении и в голову не приходила ни буржуазному законодателю, ни буржуазным юристам.

Подобно тому как буржуазные законодательства, принижая жену, требуют, чтобы она всегда теряла свою добрачную фамилию, всегда носила, всегда разделяла его фамилию (была бы по древне-римскому образцу filiae loco, на положении дочери его), они точно также требуют, чтобы женщина, выходя замуж, немедленно в силу факта замужества теряла (если

муж ее подданный или гражданин иной страны) свое добрачное подданство или гражданство. И в этом отношении буржуазные законодательства не допускают уже никаких послаблений и изъятий. И француженка, вышедшая замуж сначала за германца, а затем за бельгийца, должна, по требованию буржуазных законов, поочередно чувствовать себя то французской гражданкой, то германской, то бельгийской подданной, и не только чувствовать, но сообразно с этим и поступать. Ее, француженку, могут судить за измену германскому отечеству и т. д., несмотря на то, что от ее воли прямо не зависело, перестанет ли она быть француженкой, или нет, хотя у нее вовсе и не осведомлялись о том, желает ли она разделять подданство своего мужа, или нет. Здесь опять весьма ярко сказывался взгляд на жену, как на существо не самостоятельное, как на придаточную часть своего мужа.

Наш «Кодекс» вовсе не признает необходимости одноподданства мужа и жены, т.-е. необходимости того, чтобы оба супруга непременно считались подданными или гражданами одной и той же страны, и тем более не требует, чтобы жена всегда теряла свое подданство в пользу подданства ее мужа. В виду облегченных форм выхода из русского гражданства и приобретения российского гражданства любой из супругов может при желании приобресть подданство или гражданство другого супруга на общем основании. Ст. 103 «Кодекса» так и гласит: «При разногражданстве вступающих в брак (если одна из сторон состоит в русском гражданстве [1]) перемена гражданства может последовать только по специально выраженному желанию жениха или невесты, на общем основании».

Выше, излагая препятствия ко вступлению в брак, мы уже подробно говорили о втором последствии брака, как такового, о недопустимости регистрации последующего брака ранее прекращения предыдущего.

Третье последствие, вытекающее из брака, как такового, не указано в «Кодексе», а предписано особым декретом, которым воспрещается служить в одном и том же советском учре-

---

[1]) Если вступающие в брак являются гражданами разных стран вообще, но не русскими гражданами, то перемена их гражданства регулируется не „Кодексом", а общими началами частного международного права.

ждении или его отделе родственникам и супругам [1]), в одном и том же отделе учреждения вообще и в одном и том же учреждении, если один из супругов занимает должность руководителя. Запрещение это не распространяется на должности выборные и может быть отменено начальством по отношению к специалистам. Постановление это вызвано преходящими обстоятельствами и теперь должно, пожалуй, считаться уже утратившим свою силу. Оно вызвано злоупотреблениями, распространившимися в хаотический период развития советской службы, когда еще не существовало правил о приеме и поступлении на советскую службу и когда каждый поступивший на эту службу всячески стремился «пристроить» около себя своих родственников и супруга, только числившихся на службе и никакого дела не выполнявших. В настоящее же время на советскую службу, как и на всякую работу, поступают, по общему правилу, через отдел распределения рабочей силы, в порядке записи, чем исключается возможность указанных выше злоупотреблений. Что же касается до поступления на службу не в порядке очереди—специалистов и по выборам,—то по отношению к этим случаям в самом декрете нет абсолютного запрета о совместной службе супругов.

Четвертое и последнее последствие брака, как такового, есть взаимное право нетрудоспособного супруга на получение содержания от другого или, вернее, из имущества другого состоятельного супруга.

Буржуазные законодательства, для которых брак, несмотря на всю выставляемую на показ святость его, является не столько соединением двух лиц, сколько соединением двух капиталов, двух имуществ, предоставляют мужу не только права на личность жены, но и права на ее имущество. Он под тем или иным видом, согласно этим законодательствам, если не пользуется имуществом жены, то все же им управляет. Буржуазные законодательства знают различные системы брачно-имущественных отношений, от полного

---

[1]) В декрете говорится только о родственниках и свойственниках. Под последним, очевидно, понимаются в первую голову супруги, хотя, строго говоря, супруги ни родственниками, ни свойственниками друг другу не являются.

устранения жены в деле пользования и управления ее имуществом до частичного ее допущения к управлению имуществом. Мы не станем останавливаться на этих сложных и сложнейших, запутанных и запутаннейших отношениях, которые установлены буржуазными законодательствами в имущественных интересах мужа и для улучшения положения его кредиторов (в интересах оборота, в интересах капиталистического оборота). Укажем только, что некоторые юристы требуют распространения этих отношений в интересах капиталистических кредиторов (которым некогда разбираться в действительных отношениях между людьми) и на людей, которых по внешним признакам можно принять за мужа и жену (напр., на мужчину и женщину, занявших совместно номер в гостинице), что один французский юрист в подтверждение правильности этой мысли ссылается и на «народную» мудрость, на слова поговорки-песенки: «boire, mangez, coucher ensemble, s'est mariage, il me semble» (вот к чему в конце-концов сводится «священный брачный союз»). Нам нет необходимости подробно останавливаться на сложных буржуазных системах брачно-имущественных отношений (хотя бы для сравнения), тем более, что в виду отмены в советском строе крупной частной собственности не только такие сложные системы, но и самый вопрос о брачно-имущественных отношениях или, вернее, о правах мужа и его кредиторов на имущество жены и связанные с этими правами системы записи и брачных контрактов представлялись бы чисто академическими. К тому же, по счастливой случайности, и царское законодательство также не признавало так называемой «общности имущества» супругов или, что то же самое, особых прав мужа на имущество его жены.

Наш «Кодекс» не признает этой общности имущества супруга и по отношению к сохранившейся частной собственности. «Брак не создает общности имущества супругов», гласит ст. 105 «Кодекса». Но этого мало. «Кодекс» идет дальше. Не только в силу самого закона муж не становится управляющим имуществом жены с устранением ее от пользования и управления ее имуществом, но он не может получить таких прав ни по добрачному, ни по послебрачному договору с женою. В имущественных отношениях супруги

вполне независимы и приравнены к посторонним лицам. Они могут вступать друг с другом в любые сделки, которые допустимы между посторонними, но не больше. Сделки, которые не были бы обязательны для посторонних, необязательны и для супругов. И подобно тому, как никто вообще не может добровольно, только по своей воле отдать себя другому под опеку, отказаться от права распоряжения своим имуществом, неотъемлемо (хотя бы на время) предоставить это право другому лицу, точно также не могут сделать этого— с обязательною силою—и супруги. Поэтому не может иметь силы и соглашение между супругами, направленное на создание общности имущества с лишением, напр., жены участия в управлении этим имуществом, с предоставлением мужу таких исключительных прав в отношении управления этим имуществом, какие недопустимы по общим началам в пользу посторонних лиц. Муж и жена вольны заключить между собою полное товарищество, сделать часть своего имущества или даже все свое имущество общим, но не иначе, не на иных началах, как равноправные члены товарищества вообще. Всякое иное соглашение между ними, как добрачное, так и заключенное после брака, направленное на умаление прав жены или мужа, не обязательно для посторонних лиц, не обязательно, как совершенно недействительное, и для самих супругов, которые в любой момент могут от этого соглашения отказаться.

Супруги могут организовать свое хозяйство на товарищеских или артельных началах. Муж может управлять имуществом жены под ее руководством, точно так же, как жена может управлять имуществом мужа под его руководством, при чем каждый из них может «дать расчет» своему управляющему-супругу на тех же началах, что и постороннему. Наконец, муж и жена могут совершенно не вмешиваться в управление имуществом, принадлежащим жене и мужу. Но ни из закона, ни даже из добровольного соглашения между супругами не может вытекать такое обязательное для них обоих положение, в силу которого имущественная правоспособность и дееспособность любого из супругов подвергалась бы ограничениям, недопустимым в отношениях между посторонними лицами.

Словом, и в этой области, и в области имущественных отношений, наш «Кодекс» не на словах, а на деле (поскольку, разумеется, то в силах сделать закон) устанавливает полное равенство мужчины и женщины, мужа и жены, вполне раскрепощает слабейшего члена брачного союза—жену.

Целые десятки сложнейших статей буржуазных законов, устанавливающих брачно-имущественные отношения супругов, заменены двумя краткими статьями нашего «Кодекса», ст. ст. 105 и 106, из которых первая уже приведена выше, а последняя гласит: «Супруги могут вступать между собою во все дозволенные законом имущественно-договорные отношения. Соглашения между супругами, направленные к умалению имущественных прав жены или мужа, недействительны и необязательны как для третьих лиц, так и для супругов, которым предоставляется в любой момент от исполнения их отказаться».

Но если супругу не предоставлено никаких особых прав на имущество другого супруга, как таковое, то все же не следует упускать из виду того, что брак есть союз взаимной помощи и поддержки и что поэтому, если один из супругов нуждается в поддержке, а другой в состоянии эту поддержку оказать, то поддержка эта должна быть оказана, а при нежелании оказать ее добровольно может быть получена принудительно. Правда, поддержка эта носит случайный характер, так как зависит от того, в состоянии ли другой супруг ее оказать. Гораздо целесообразнее поэтому создать такие условия, при которых оказание имущественной поддержки нуждающимся не зависело от подобных случайностей. Это будет достигнуто при введении в жизнь всеобщего социального обеспечения. Тогда не будет разницы в положении, скажем, нуждающейся женщины, муж которой может давать ей средства к жизни, нуждающейся женщины, муж которой этих средств не имеет, и нуждающейся женщины, у которой мужа вовсе не имеется. Это уже достигнуто по отношению к тем лицам, единственное имущество которых составляет их рабочая сила (и вследствие этого получаемая ими заработная плата [1]), по отношению к трудящимся. На осно-

[1]) Так как при определении размера вознаграждения за применение рабочей, при установлении размера заработной платы совершенно не принимается

вании декрета о социальном обеспечении трудящихся трудящиеся муж и жена, лишившиеся трудоспособности или работы, получают от государства поддержку в размере не меньше прожиточного минимума и, следовательно, не являются и не могут являться нуждающимися, могущими требовать содержания от другого супруга.

Но до введения в жизнь всеобщего социального обеспечения приходится по отношению к лицам, обладающим имуществом, прибегнуть к суррогату социального обеспечения. Ст. 107 «Кодекса» гласит: «Нуждающийся (т.-е. не имеющий прожиточного минимума и нетрудоспособный) супруг имеет право на получение содержания от другого супруга, если последний в состоянии оказывать ему поддержку». Право на получение содержания предоставляется только нуждающемуся супругу и только по отношению к состоятельному супругу. Это право является взаимным и при наличности требуемых условий предоставляется одинаково как жене, так и мужу.

Буржуазные законодательства, проникнутые идеей мужней власти, едва ли могут примириться с этим началом взаимности, иначе равноправия. То они умалчивают о правах мужа, то, как, напр., германский закон, предоставляют право жене требовать от мужа содержания, хотя бы она и не нуждалась, в то время как муж может требовать содержания от жены только в том случае, если он нуждается. Царские законы склонялись к безусловному лишению мужа права требовать содержания от жены, считая, повидимому, такое право унизительным для мужа, хозяина, «главы семьи», склоняясь в то же время к столь же безусловному предоставлению жене права требовать содержания от мужа, хотя бы она

во внимание наличность или отсутствие супруга или детей, то вполне правильными являются постановления ст. ст. 68 и 69 „Кодекса“ законов о труде, по которым из заработной платы не допускаются никакие вычеты по принудительным судебным взысканиям и, в частности, по взысканию содержания. Статьи эти гласят: „Из вознаграждения, получаемого трудящимся, допускается удержание полученного вопреки постановлению ст. 65 дополнительного вознаграждения, заработанного трудящимся во время отпуска (ст. 111), а также производство вычетов за прогул“. „Никакие иные, кроме указанных в ст. 68 удержания и вычеты, в какой бы форме и под каким бы предлогом они ни производились, безусловно не допускаются“.

в содержании не нуждалась [1]), а муж получал содержание недостаточное.

По нашему «Кодексу» характер этого права на содержание, его не обычный, кредиторский характер, а именно алиментарный характер, подчеркивается тем, что с соответственным требованием следует обращаться не прямо в суд, а в отдел социального обеспечения. Царский сенат, совершенно не считаясь с характером этого требования, приравнивал жену к обычной злобной кредиторше, которая может объявить своего неплатящего должника банкротом, объявить его несостоятельным должником, заключить его, следовательно, в тюрьму по случаю невозможности для него выплачивать ей присужденное содержание. Наш «Кодекс признает право на содержание только по отношению к состоятельному супругу, который, следовательно, несостоятельным должником оказаться не может.

Только в случае нежелания состоятельного супруга выдавать содержание другому нуждающемуся и нетрудоспособному супругу последнему предоставляется право обращаться в отдел социального обеспечения при губернском Совдепе (теперь исполнительном комитете совета) по месту жительства супруга-ответчика с заявлением о принуждении другого супруга к выдаче содержания. Эти заявления о выдаче содержания свободны от всяких пошлин, могут подаваться лично или присылаться по почте, могут быть как письменными, так и устными с занесением их в последнем случае в протокол. Отдел социального обеспечения, получив подобное заявление, вызывает в свое присутствие обоих супругов, и заявителя и ответчика, или же, по соображениям их удобства, сносится с ними по почте. Убедившись в справедливости заявленного требования, т.-е. не только в том, что супруг-заявитель нуждается [2]), а супруг-ответчик состоятелен, но и вообще в том, что требование не продиктовано желанием

---

[1]) Отступление от этого правила было сделано только в законе 1914 г. о раздельном жительстве супругов, по которому жене, живущей отдельно от мужа, право на содержание давалось только в том случае, если она в содержании нуждалась.

[2]) Нетрудоспособными признаются без представления каких-либо доказательств мужчины, достигшие 55, а женщины, достигшие—50 лет.

поставить другого супруга в очень неудобное положение, напр., несвоевременностью заявления, накоплением требований за очень долгий период и т. п., и по производстве в случае надобности надлежащего расследования, отдел социального обеспечения в публичном заседании не позже месяца со дня получения заявления должен вынести постановление о выдаче содержания в известном размере и в указываемой в этом постановлении форме.

При установлении размера и формы содержания, подлежащего выдаче состоятельным супругом нуждающемуся, отдел социального обеспечения руководствуется степенью нужды и трудоспособности заявителя и размерами прожиточного минимума, установленного для данной местности (в коллективных договорах между рабочими и предпринимателями или особыми постановлениями органов центральной советской власти). Размер назначаемого содержания совместно со средствами, находящимися в распоряжении супруга-заявителя, не должен в общем превышать установленного для данной местности прожиточного минимума. Что касается до формы присуждаемого содержания, то оно должно выдаваться в виде периодических выдач или платежей (пожалуй, по образцу заработной платы—через каждые две недели), которые во всяком случае не могут быть заменены единовременно выдаваемой капитализированной суммой этих платежей или выдач.

Постановления отдела социального обеспечения по вопросу о выдаче содержания, о его размере и форме вступают в силу немедленно, обязательны для всех лиц и учреждений, имеют силу судебного решения и приводятся в исполнение на общем основании (через отделы управления исполкомов). Но на эти постановления могут быть приносимы жалобы, без ограничения срока, в народный суд, который при рассмотрении этих дел руководится теми же правилами, что и отдел социального обеспечения, и общими началами судопроизводства. Постановления народного суда по указанным спорам могут быть обжалованы на общем основании в совет народных судей.

Взаимное право нуждающегося супруга на получение содержания из имущества другого супруга не уничтожается и в случае прекращения брака смертью (или приравниваемым

к смерти событием) или разводом. Подробнее об этом будет сказано ниже, при рассмотрении последствий прекращения брака.

Прекращение брака.

Некоторые из последствий, связанных с браком, остаются в силе и по прекращении брачных отношений между супругами. Поэтому говорить о прекращении брака в смысле прекращения всех его последствий можно только в случае смерти обоих супругов. Только со смертью их обоих прекращаются все четыре последствия, связанные с браком, как таковым. Смерть же одного из них или развод не влекут за собою прекращения всех последствий, связанных с браком. Вследствие этого смерть одного из супругов и обстоятельства, к такой смерти приравниваемые, а также развод могут быть названы случаями прекращения брака только в смысле прекращения некоторых из последствий, вытекающих из брака, как такого. В этом смысле следует понимать постановления статей 85 и 86 Кодекса, говорящих о прекращении брака и гласящих: «Брак прекращается смертью одного из супругов, а равно и судебным объявлением его умершим. Брак при жизни супругов может быть прекращен разводом». Право на получение содержания из имущества другого супруга сохраняется и при таком «прекращении» брака. Общая брачная фамилия может быть сохранена. Только препятствие ко вступлению в новый брак (и к совместной службе) устраняется этим прекращением брака.

Мы приступим сейчас к рассмотрению условий и последствий прекращения брака разводом, отложив рассмотрение последствий прекращения брака по случаю смерти одного из супругов, что будет изложено нами ниже в связи с отменою советским законодательством всякого права наследования как по завещанию, так и по закону.

В деле развода особенно ярко проявилось освобождающее действие советских декретов и Кодекса. Брак, по советскому законодательству, перестал быть той клеткой, дверца в которую наглухо захлопывалась, как только в нее вступали, перестал быть тою тюрьмою, которая имела довольно свободный вход и крайне узенький выход. Супруги перестали быть

прикованными к одной тачке каторжниками, обязанными влачить постылые цепи, во имя чего—неведомо. Брак, по советскому законодательству, перестал быть принципиально пожизненным, на всю жизнь заключенным, нерасторжимым союзом.

Государство, совершенно отделившее себя от церкви, не признающее обязательными для себя ее догматы, суеверия и утратившие всякий смысл и разум взгляды, не может, само собою разумеется, сохранить церковный, католический взгляд на брак, как на мистическое таинство, как на союз, освященный сверхъестественной силой и нерасторжимый при жизни супругов, по их воле («что Господь соединил, человек да не разлучает»). Этого взгляда на полную нерасторжимость брака во всех случаях и для всех религиозных исповеданий не придерживаются, перестали придерживаться и многие законодательства буржуазных стран как (частично) порвавших с церковью, так и совершенно не отделившихся от церкви. Во время французской буржуазной революции в конце XVIII столетия законом был допущен развод даже по обоюдному согласию обоих супругов и по причине несходства их характеров. Кодекс Наполеона также включил обоюдное согласие в число поводов к разводу. Реставрация Бурбонов в 1814 г. вовсе воспретила развод. И во Франции в течение 70 лет при режимах королевском, императорском и республиканском закон не допускал развода ни в каких случаях. И только в 1884 во Франции опять был допущен развод, но только при наличности известной вины со стороны одного из супругов (прелюбодеяния, жестокого обращения с другим супругом и тяжкого его оскорбления). Из этого начала вины исходят и другие буржуазные законодательства, допускающие развод и не признающие возможности развестись для супругов, совместная жизнь которых стала невыносимою по обстоятельствам, которые не могут быть приписаны тяжкой вине одного из них. И когда в конце XIX века в Германии предложили допустить развод по причине неизлечимой душевной болезни, неизлечимого сумасшествия одного из супругов, то это предложение только с большими трудностями и на основании случайного голосования (крайне незначительным большинством) получило

силу закона. По мнению буржуазных законодателей и юристов, нельзя допустить освобождения от тягчайших цепей, от вечной привязанности к существу, навсегда потерявшему всякий человеческий облик, дошедшему до границ животной жизни!

На католической точке зрения полной и безусловной нерасторжимости брака при жизни супругов не стояли и законы царской России, с церковью отнюдь не порвавшей. Эти законы во многом санкционировали, подтверждали все постановления соответственных религий, относящиеся к брачному праву и разводу. А так как колебания этих религиозных постановлений по вопросу о случаях допустимости развода чрезвычайно широки—от полного запрещения развода до допустимости развода по воле одного из супругов,—то и практика развода в царской России представляла собою самую пеструю картину в зависимости от вероисповедания супругов. И никакого разумного объяснения, почему в данном случае для одних допустим, а для других недопустим развод, дать было совершенно невозможно. Признавая нерасторжимым безусловно только брак католиков, царские законы допускали расторжение брака, развод по воле одного из супругов при наличности известных обстоятельств (главным образом, вины другого супруга) не только по отношению к лицам, формально принадлежавшим к лютеранскому вероисповеданию, но и по отношению к представителям господствовавшей православной церкви. Сама православная церковь, в особенности за последнее время, готова была весьма расширить поводы к разводу, совершенно почти не считаясь с каноническими церковными правилами. Царские законы признавали допустимым развод по одному взаимному соглашению супругов (без всяких иных мотивов), по отношению к лицам, принадлежавшим к иудейской религии. А для магометан те же царские законы допускали развод не только по обоюдному согласию супругов (римское divortium), но и по желанию одного только м у ж а (римское repudium).

Допущение развода по причине известной вины одного из супругов фактически всегда означает возможность развода по обоюдному согласию. Поэтому при допущении развода в тех случаях, когда он допускается буржуазными законода-

тельствами, отнюдь нельзя говорить о недопустимости развода по обоюдному согласию. Супруги, которые пожелают развестись, которые несогласны продолжать ставшую для них невыносимой супружескую жизнь, всегда могут инсценировать, по взаимному уговору создать те внешние объективные условия, из которых можно заключить о требуемой вине одного из них, считающейся достаточным поводом для развода. Эти супруги, при желании развестись, разыгрывали отвратительную и гнусную комедию, заранее расписывали между собою роли, торговались насчет того, кому из них «взять на себя вину», в частности, кому из них считаться виновником того нарушения, того грубого нарушения супружеской верности, той телесной измены, которая, по царским законам для православных, главным образом, требовалась для получения возможности развестись.

Всем еще памятны омерзительные дела о разводах православных супругов по причине прелюбодеяния одного из них. Всем еще памятны специалисты-ходатаи по этим делам, консисторские адвокаты, бракоразводных дел мастера, имевшие в своем распоряжении, у себя на жалованьи целые штаты достовернейших лжесвидетелей, которые должны были удостоверить, засвидетельствовать факт не имевшего места или для виду созданного прелюбодеяния. Сами государственные законы одобряли такое поведение, такие искусственные прелюбодеяния, готовы были, считая преступным прелюбодеяние вообще, считать его непреступным, если оно совершалось для развода, в целях получения развода, так как просьба о разводе по причине прелюбодеяния уже исключала возможность требовать в уголовном порядке наказания (тюрьмою) виновного в прелюбодеянии супруга, и, наоборот, возбуждение уголовного дела по просьбе супруга о наказании другого, прелюбы сотворившего, уже не давало возможности просить о разводе по той же причине.

Я уже не говорю про то, что, по царским законам, главнейший повод к разводу, прелюбодеяние, как таковое, само по себе, вовсе не являлось поводом к разводу. Это видно не только из того, что виновный в прелюбодеянии, нарушивший супружескую верность, своим поведением доказавший невозможность сохранения, с точки зрения царских зако-

нов, супружеской связи, сам не мог просить развода, доказывая свое прелюбодеяние. Наиболее рельефным и ярким (чтобы не сказать отвратительным) доказательством того, что прелюбодеяние само по себе или хотя бы дюжина прелюбодеяний не являлись поводом к разводу, служил и служит признававшийся в России и признаваемый за границей «зачет прелюбодеяний». Если супружескую верность нарушил не один только супруг, но они оба, если оба они таким образом воочию доказали, что они—совершенно чужие друг другу, если оба они совершенно неисправимым образом расшатали и расторгли свою супружескую жизнь, то они тем не менее обрекались оставаться супругами, совершенно лишались права просить о разводе, об оформлении того, что произошло на самом деле, а не было только для виду и искусственно создано: действительные прелюбодеяния обоих супругов, не по взаимному уговору совершаемые, взаимно зачитывались и никаких последствий за собою не влекли, подобно тому, как взаимно зачитываются в уголовном суде оскорбления, нанесенные друг другу, когда обвиняемые оправдываются по взаимности оскорблений, с тою только разницею, что обвиняемые из суда отправляются не в тюрьму, а в разные стороны, а при взаимном прелюбодеянии лица, его совершившие, отправляются не в разные стороны, а в общую тюрьму, возвращаются под совместный супружеский кров. Следует подчеркнуть еще большее поощрение прелюбодеяний, которые вызываются взаимным зачетом прелюбодеяний. Так как супруг, нарушивший верность, сам не может просить о разводе по этой причине, а такая просьба о разводе зависит от другого супруга, а, с другой стороны, взаимность прелюбодеяния не влечет за собою никаких последствий (при чем под прелюбодеянием понимается не один только случай нарушения супружеской верности, а вся совокупность таких случаев, сколько бы их ни было), то прелюбодеяние одного из супругов давало в России и даеть за границей carte-blanche другому супругу на свободную измену без всяких ограничений. В случае этой взаимной измены первому супругу также уже нечего терять. И тем не менее наличность бесчисленных взаимных измен не может служить поводом к разводу, к

оформлению действительно происшедшего непоправимого разрыва. Вот к чему ведет лицемерие буржуазных законов, вот как они поддерживают «святость» брачных уз.

Итак, царские законы даже по отношению к православным вовсе не закрывали глаз на то, что они допускают разводы по взаимному согласию, а, наоборот, установлением формальных доказательств в консисторской процедуре развода по прелюбодеянию, где единогласное и непротиворечивое показание под присягой двух свидетелей исключало проверку их показаний, прямо такие разводы поощряло. Но, допуская разводы по обоюдному согласию по существу, царские законы лицемерно скрывали это свое разрешение, отнюдь не соглашаясь прямо заявить, что обоюдного согласия супругов достаточно для того, чтобы они могли развестись друг с другом.

Точно так же, допуская для некоторых вероисповеданий развод по причине непреодолимого отвращения, внушаемого одним из супругов другому, т.-е., в сущности, в случае решительного желания одного из супругов, царские законы не хотели прямо это признать и заявить, что для развода достаточно решительного желания одного из супругов.

В этом отношении царские законы сходились с законами буржуазных стран, вообще признающих расторжимость брака. Эти законы (за исключением отмененных законов французской революции и Кодекса Наполеона) не допускают формально (и лицемерно) развода по обоюдному согласию супругов или по несходству их характеров, т.-е. в случае решительного нежелания одного из супругов продолжать нести брачные узы.

Но далеко не все даже буржуазные юристы, не говоря уже о социалистах, отстаивали и отстаивают правильность, целесообразность и справедливость такого формального принуждения сохранять оболочку супружеского союза, совершенно сгнившего изнутри, лишившегося всякого внутреннего

---

[1]) Ср. напр., весьма талантливые страницы, посвященные И. А. Покровским защите полной свободы разводов как по обоюдному согласию супругов, так и по решительному желанию одного из них (И. А. Покровский—Основные проблемы гражданского права. Изд. 1916 г., стр. 136—140. „Что говорит

содержания [1]). Но все их рассуждения, все их доказательства оказывались неубедительными для буржуазного законодателя, не могли склонить его к допущению развода, как по обоюдному согласию обоих супругов, так и—еще в большей мере—по желанию одного из них.

Но если признать, что достаточными поводами для прекращения столь интимно-личного союза, как брак, являются как обоюдное согласие обоих супругов, так и решительное желание одного из них развестись, то всякие иные поводы к разводу, указание каких-либо особых проступков или недостатков одного из супругов становятся излишними и ненужными. В этом случае нет необходимости раскрывать перед судом или вообще гласно и публично те нежелатель-

---

против расторжения брака не только при взаимном согласии обоих супругов, но даже и в случае решительного желания одного из них? Может ли государство принудительно создать другому надлежащее, достойное этого имени брачное сожительство, может ли оно вдохнуть в брачную связь ее отлетевшую душу? Не только душу, но даже и внешности брака оно восстановить не может: было, правда, время, когда государство путем насильственного привода водворяло жену в дом мужа, но ныне во всех культурных государствах этот привод оставлен. Таким образом муж может уйти от жены, жена от мужа, и право не берет на себя восстановления даже формы супружеского сожительства. Что же остается? Только некоторая юридическая связь между разошедшимися супругами, некоторая тяжелая цепь, которая, как каторжные наручники, тянется затем за обоими всю жизнь. Для чего и для кого она нужна? Ни для кого: ее единственное значение может заключаться только в том, что ни тот ни другой из супругов не может вступить в новый брак. Но сторона, неповинная в расхождении, страдает от этого без вины; сторона, пожелавшая уйти, страдает как бы в отместку. Однако, едва ли такая отместка достойна культурного законодательства, едва ли превращение брачной связи в пожизненное наказание способно возвысить идею брака...

„Наконец, возьмем и тот случай, когда есть дети. Действительно ли принудительное продолжение брака соответствует интересам детей? И в этом позволительно усомниться. Если естественное чувство любви к детям оказывается бессильным, чтобы удержать родителей от разрыва, то думается, что и здесь принудительные меры ничему не помогут. Думается, что мирная жизнь с одним из родителей все же здоровее для душевного развития детей, чем пребывание с обоими, но в атмосфере постоянной холодности, разражения, а, может быть, и крайне тяжелых сцен. Кто знает, какие мучительные конфликты могут возникать в душе ребенка, невольного свидетеля всяческих столкновений между отцом и матерью? Кто может учесть их влияние на все миросозерцание, на всю психологию формирующейся души? Во всяком случае и здесь, что может

ные отношения, какие создались между супругами, те оскорбления, то жестокое обращение, те крайне интимные и неудобные к огласке обстоятельства, которые раньше служили поводами к разводу в России и продолжают служить такими поводами в остальной Европе. Нет необходимости назначать и особые сроки на размышление, пробные, испытательные сроки для супругов, согласившихся развестись. Нет необходимости назначать такие сроки и в случае решительного желания одного из супругов, так как в этом случае дело о разводе (в Советской России) обязательно должно рассматриваться в народном суде, а судья, если видит в этом на-

---

сделать государство для восстановления нормального семейного строя? Может ли оно переделать душу супруга, утратившего супружескую привязанность? Может ли оно даже вернуть его физически в семью, если оно ее оставит? Ни то, ни другое: семья все равно будет фактически разрушена, оставив после себя только ту же юридическую каторжную цепь, о которой только что было сказано. Нужна ли она детям? Очевидно, нет. Старое зло останется неисправленным, к нему прибавится только новое... Но говорят, легкость разводов будет способствовать легкомысленному заключению браков. Как будто легкомыслие считается с какими-нибудь соображениями! Но и кроме того, с этой точки зрения принудительное продолжение брака является какою-то карою за легкомыслие и устрашительным средством воздействия на других. А можно ли говорить о высокой идее брака, о его нравственном значении, раз мы превращаем его в какое-то своеобразное карательное средство? Безсомненно установление свободы разводов вызовет известное, (а первое время, быть может, даже значительное) увеличение их количества. В ряду аргументов против такой свободы довольно видное место занимает статистика вообще и в частности статистика разводов во Франции в ближайшие годы после закона 1792. Но что обозначают все подобные статистические данные? Они только раскрывают перед нами подлинные размеры уже существующей семейной расшатанности, и было бы большой наивностью думать, что запрещение разводов эту расшатанность устраняет. Оно только вгоняет болезнь внутрь, оно только скрывает ее от глаз закона, создавая обманчивое впечатление большего или меньшего социального благополучия. Но не следует принимать этого впечатления за реальность. Сочтите все брачные союзы, фактически расторгнутые, сочтите все незаконные сожительства,—и только тогда вы получите подлинную картину семейной жизни в каждом данном обществе. Юридическая квалификация этих сожительств ни на одну иоту не может изменить реального положения дел; продолжая считать браки, фактически прекратившиеся, за существующие и фактически существующие за ничто, мы только тешим себя вредной иллюзией". Однако, все подобные доказательства и рассуждения оставались гласом вопиющего в пустыне буржуазного лицемерия.

добность, должен предложить спорящим сторонам, должен уговаривать их помириться. Если же просящий о разводе совершенно не соглашается внять умиротворяющему голосу судьи, убеждающего его помириться с супругом, то это свидетельствует о непреклонном желании просителя развестись во что бы то ни стало.

Советское законодательство признает поводами или основаниями для развода как обоюдное согласие обоих супругов, так и желание одного из них. Никаких иных требований к желающим или желающему развестись не предъявляется и не может быть предъявлено. Как в декрете о расторжении брака, так и в Кодексе указаны только эти два основания для развода и никаких других. Первая статья декрета о расторжении брака (распубликованного в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 19 декабря 1917 года) гласила: «Брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них». Ст. 87 Кодекса гласит: «Основанием для развода может служить как обоюдное согласие обоих супругов, так и желание одного из них развестись».

Эта полная и безусловная свобода разводов установлена для всех граждан Российской Советской Республики (а также и Украинской Социалистической Советской Республики [1]) без всякого исключения вне какой бы то ни было зависимости от их принадлежности к тому или иному вероисповедному культу, будь они язычники, магометане, иудеи, реформаты, лютеране, православные или даже католики. Эта полная и безусловная свобода разводов распространяется не только на новые, гражданские, зарегистрированные по советским законам браки, но и на старые, прежние браки, заключенные по церковным или вообще религиозным обрядам до вступления в силу советского декрета о гражданском браке: эти прежние религиозные или церковные браки, признаваемые действительными, впредь могут быть расторгнуты только в совет-

---

[1]) Статья первая декрета Украинской Социалистической Советской Республики о разводе, распубликованного 20 февр. 1919 г., также гласит: „Брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них".

ском порядке, установленном декретом о расторжении брака (в Украинской республике—декретом о разводе) и заменившем его Кодексом. Расторжение этих браков в порядке церковных или религиозных правил после вступления в силу советского декрета о расторжении брака (о разводе) является для государственной власти чем-то совершенно безразличным, никакого значения не имеющим; государственная (советская) власть совершенно игнорирует подобный развод, считает его вовсе не имевшим места с точки зрения светского законодательства, ничем не отличая его, напр., от церковного развода, который был бы применен к гражданскому браку. Примечание к ст. 86 Кодекса гласит: «Все постановления настоящего закона о разводе распространяются и на действительные церковные и религиозные браки, заключенные до 20 декабря 1917 г.» [1]).

Если бы поэтому супруг, получивший развод исключительно в порядке церковных или религиозных правил, захотел зарегистрировать свой новый брак и явился бы с просьбой об этом в соответственный отдел записей актов гражданского состояния, то ему должно было бы быть отказано в просьбе о записи его брака, как лицу, состоящему в браке, имеющем силу зарегистрированного и законно не расторгнутом. Но, с другой стороны, в виду полной допустимости, по советским законам церковного (исключительно религиозного) брака для лиц, не желающих заключать единственно признаваемый законом гражданский, светский брак, супруг, получивший такой развод, мог бы вступить в брак исключительно по церковному обряду. Правда, такой брак, с точки зрения государственного нашего законодательства, вовсе браком не считался бы и никаких юридических последствий за собою бы не влек, но именно поэтому вступление в такой не признаваемый государственной властью брак, являясь, с юридической точки зрения, чем-то совершенно безразличным, являлось бы в то же время и чем-то совершенно ненаказуемым как для духовенства, такой брак повенчавшего, так

---

[1]) Относительно значения религиозных или церковных разводов, полученных во время вражеской оккупации, ср. сказанное выше о значении и силе церковных или религиозных браков, заключенных во время такой же оккупации.

и для самих вступивших в этот неофициальный, непризнаваемый брак.

Но подобно тому, как, не придавая никакого значения религиозным обрядам, советская власть отказывается признавать какую бы то ни было силу за религиозным разводом, а равно и за заключенным по таком разводе религиозным браком, она точно так же не может придавать никакого значения религиозным обрядам и в том смысле, чтобы предписывать церкви, чтобы принуждать церковь расторгать браки при отсутствии требуемых церковью поводов для развода или венчать браки лиц, не расторгших еще своего прежнего брака, с точки зрения церковной. Такое принуждение по адресу церкви совершенно чуждо всему духу советскаго законодательства и означало бы на деле придание церкви государственного значения, отказ от полного игнорирования внутренних дел церкви, ее обрядов. Церкви предоставлена ныне полная возможность соблюдать каноны и чисто-религиозные постановления без всяких изъятий. Никто не может ее вынудить эти постановления и каноны нарушать. И только долгая, упорно вкоренившаяся привычка отожествлять церковь с государством может давать повод требовать, как то делают некоторые провинциальные судьи, чтобы церковь венчала лиц, религиозные браки которых расторгнуты только в светском порядке, но не расторгнуты духовенством и не могли быть им расторгнуты в виду отсутствия тех поводов к разводу, которые требуются религиозными правилами.

Порядок расторжения браков, как новых гражданских, так и прежних церковных, а равно и тех, относительно которых до вступления в силу декрета о расторжении браков (о разводе) было возбуждено дело о разводе в порядке религиозных правил, один и тот же и отличается (в Российской Советской Республике) в зависимости от того, имеется ли налицо обоюдное согласие супругов, или только просьба (желание) одного из них.

При наличности обоюдного соглашения супругов просьба о расторжении их брака может быть подана ими как в народный суд по месту жительства любого из них, так и в отдел записей актов гражданского состояния, в котором хранится запись о заключении данного брака. Если подлежит растор-

жению брак, зарегистрированный на основании советского законодательства, то запись о нем, разумеется, не может не храниться в каком-либо отделе записей актов гражданского состояния. Что же касается до прежних церковных или вообще религиозных браков, то записи многих из них также должны находиться в тех или иных отделах записей актов гражданского состояния, куда в конце-концов должны быть переведены все прежние, в пределах советской России совершонные церковные записи [1]).

Следовательно, относительно расторжения (развода) по обоюдному соглашению супругов таких браков, записи которых уже переданы соответственным отделам записей актов гражданского состояния или вообще в них хранятся, возможно сделать заявление о расторжении брака непосредственно в тот отдел, в котором была совершена запись о данном браке или в который она была передана. Заведующий отделом записей актов гражданского состояния, убедившись в том, что просьба о расторжении браков действительно исходит от обоих супругов (при чем вовсе не требуется представления особых доказательств, что данные лица именно супруги, достаточно любого удостоверения их личности, а запись об их браке хранится у этого же заведующего отделом), делает запись о разводе и выдаст каждому из бывших супругов, по их желанию, свидетельство о разводе.

Если же запись брака, подлежащего расторжению, еще не передана в соответственный отдел записей актов гражданского состояния или хранится в таком учреждении, на которое юридически (Финляндия, Польша) или фактически (не возвращенные местности, оккупированные врагом) не распространя-

---

[1]) Согласно ст. 14-й декрета о гражданском браке от 18 декабря 1917 г., „всем духовным и административным учреждениям, коим ранее была подведомственна регистрация браков, рождений и смерти по обрядам каких бы то ни было вероисповедных культов,—предписывается **незамедлительно** эти регистрационные книги для дальнейшего их **хранения** пересылать в соответствующие городские, уездные и волостные земские управы". Несмотря на предписание незамедлительной пересылки во многих местах церковные записи и спустя год еще не были переданы в светские учреждения. Затем земские учреждения были упразднены и заменены **советскими**. Нотариальные отделы (или отделы записей браков) этих учреждений были заменены отделами записей актов гражданского состояния.

ются постановления советской власти, то, разумеется, просьба о расторжении брака, хотя бы и по обоюдному соглашению супругов, не может быть подана непосредственно в тот отдел, в котором эта запись хранится. В этих случаях, а также вообще, когда того пожелают разводящиеся, просьба о расторжении брака подается в письменной или устной форме в народный суд, согласно правилам о местной подсудности, т.-е. по месту жительства обоих супругов или вообще в избранный ими обоими суд. Дела о разводе, как бесспорные, разбираются народным судьей не при участии заседателей, а единолично. Так как никаких интимных обстоятельств, которые должны служить поводом к разводу, не приходится приводить, то разбор дел о разводе производится гласно, публично. Определенные часы дня, не менее одного раза в неделю, назначаются каждым народным судьею, в видах удобства разводящихся, для разбора дел о расторжении браков.

По получении просьбы о разводе по обоюдному соглашению супругов народный судья назначает особый день для рассмотрения этой просьбы и вызывает в суд к этому дню обоих супругов (или их представителей). Но неявка в суд их обоих или одного из них не останавливает рассмотрения дела о разводе, которое, по общим началам судопроизводства, может быть решено и заочно. Если же оба супруга или их представители явятся (с просьбою о разводе) к народному судье одновременно и совместно, то судья может рассмотреть их просьбу немедленно, не нарушая, однако, очереди дел, назначенных на этот день.

Никаких особых доказательств о состоянии их в браке от разводящихся супругов не требуется. Если свидетельство о браке у них имеется, они его прилагают к просьбе о разводе или представляют одновременно с заявлением устной просьбы о разводе. Если же у них этого свидетельства по тем или иным причинам не имеется, то им достаточно сослаться на отсутствие этого свидетельства с указанием причины отсутствия и одновременно с представлением удостоверения их личности или засвидетельствованной подписи их под просьбой о разводе, приложить подписку об их состоянии в браке и указать местность и учреждение, где их брак был совершен, с принятием на себя ответственности за правильность сообщаемых

сведений. Никаких непреодолимых или вообще формальных затруднений для разводящихся советские законы не предписывают, и подобные придирчивые затруднения ясно направлялись бы против всего духа советского законодательства о свободе разводов и против того социалистического правосознания, которым вообще должен руководиться советский судья. Указание на местность и учреждение, где расторгаемый брак был совершен или где хранится запись о нем, необходимо для возможности отсылки в это учреждение извещения о состоявшемся разводе.

Если же просьба о разводе подается только по желанию одного из супругов, то она обязательно должна быть направлена в народный суд по местожительству супруга-ответчика или супруга-истца, по усмотрению последнего. Но если просьба о разводе подается истцом по его месту жительства, а также в случае, когда истцу неизвестно местожительство другого супруга, вызов другого супруга производится в порядке и с соблюдением сроков, установленных для случаев неизвестности местожительства ответчика.

И при подаче просьбы о разводе только одним супругом разбор дела в остальном производится в том же порядке, что и при обоюдном соглашении обоих супругов на развод, т.-е. единолично судьей, публично, без требования особых доказательств от супруга-истца о его состоянии в браке (достаточно его подписки о состоянии в браке и о месте совершения брака, с принятием на себя ответственности за правильность сообщаемых сведений—ст. 89 Кодекса), с возможностью заочного решения.

Дело о разводе не может быть начато после смерти одного из супругов или признания их брака недействительным. В случае смерти одного из супругов или признания их брака недействительным начатое ранее этого дело о разводе прекращается.

Постановление народного судьи о расторжении брака подлежит кассационному обжалованию в соответственный совет народных судей на общем основании и, до истечения срока на кассационную жалобу, если стороны от кассации не отказались, не может считаться вступившим в законную силу. Но если стороны от кассации отказываются, то оно вступает в

силу немедленно. По вынесении определения о расторжении брака (как сказано в ст. 97 Кодекса) или, точнее, по вступлении этого определения в законную силу судья выдает бывшим супругам, если они того пожелают, свидетельства о разводе и не позже чем в трехдневный срок по вступлении определения о разводе в законную силу сообщает копию определения своего в тот местный отдел записей актов гражданского состояния или в то заменяющее его учреждение, где хранится запись о заключении этого брака [1]).

В Украинской Советской Республике просьба о расторжении брака во всех случаях, и при разводе по обоюдному соглашению супругов, и при разводе по желанию только одного из них, подается не в суд [2]), а в местный подотдел записей актов гражданского состояния, который при разборе дела во всех случаях руководится правилами, указанными выше для советской России при рассмотрении дел о разводе по обоюдному соглашению супругов. В случае неизвестности местожительства одного из супругов или ненахождения одного из них в пределах города или уезда к заявлению (просьбе) о разводе должна быть приложена квитанция относительно публикации о вызове в местной правительственной газете, при чем в этом случае запись о разводе производится не ранее, чем через два месяца со дня опубликования о вызове. Виновные в ложном заявлении о неизвестности местожительства другого супруга подлежат уголовной ответственности, как за ложное показание, сделанное правительственному учреждению. Смысл этого строгого предписания непонятен. Какие особые выгоды может иметь для заявителя ложное указание на неизвестность местожительства другого супруга, также определить невозможно. Ведь и при явке и при неявке (и вообще появлении) в

---

[1]) Выполнение этого требования невозможно для судьи в тех случаях, когда запись о заключении расторгаемого брака хранится в учреждениях, на которых юридически или фактически не распространяется действие советского законодательства. В этих случаях правильно было бы, думается, для достижения своевременной и надлежащей регистрации разводов, возложенной на отделы записей актов гражданского состояния, отсылать копию определения о разводе в отдел записей по месту нахождения народного суда, расторгшего брак.

[2]) Впрочем, впредь до окончания организации местных подотделов записей актов гражданского состояния просьба о разводе может подаваться и в народный суд.

суд другого супруга развод одинаково должен быть дан. Что же касается до других спорных вопросов, о детях, о содержании и т. д., то они все равно подлежат с у д е б н о м у разбору, и подобные судебные споры могут быть начаты как одновременно с возбуждением дела о разводе, так и позднее, и даже после записи о разводе. За что же грозить карами супругу-заявителю? [1])

Все без исключения дела о расторжении браков, производившиеся в каких бы то ни было учреждениях и не законченные к 19 декабря 1917 г. (или вообще ко дню вступления в силу декрета о разводе) признаются уничтоженными. Ст. 12 декрета о расторжении браков гласит: «Все ныне производящиеся в духовных консисториях ведомства православного и прочих исповеданий, в правительствующем синоде и всяких учреждениях иных христианских и иноверных исповеданий и у должностных лиц по управлению ду-

---

[1]) Эта установленная советскими законами полная свобода разводов, возможность освобождения от невыносимых пут, из которых раньше, в царские времена, почти невозможно было вырваться, повидимому, весьма и весьма благосклонно встречены самыми широкими слоями населения, в том числе и такими, которые, казалось, совершенно погрязли в религиозных предрассудках. Доказательством тому может служить распространение разводов в Москве, в „православной", старообрядческой Москве и деревне. Декрет о расторжении браков был издан 20-го декабря 1917 года. И уже в январе 1918 г. во всех судебных районах Москвы было подано 98 заявлений о разводе, в феврале—384, в марте—981 в апреле—1053, в мае—980, в июне—804, в июле—611. Кроме того в нотариальных отделах (заменявших отделы записей актов гражданского состояния) состоялось разводов по обоюдному соглашению супругов за май—8, за июнь—9, за июль—14. Итого за 7 только первых месяцев действия освободительного декрета о разводе к нему прибегло около 5000 супругов, при чем необходимо добавить, что просьбы о разводе исходили не только от сильного пола, от мужей, но почти в равной мере и от „слабых" женщин, что свидетельствует об уровне развития столичных женщин (подробнее об этом смотри в моем сборнике „Пролетариат и право", изд. 1919 г., статья „О браках и разводах", стр. 58 сл.). После июля 1918 г., когда, повидимому, прошел наиболее острый период разрешения супружеских кризисов, накоплявшихся в течение многих лет, цифра ежемесячных разводов стала более или менее равномерной и колеблется от 400 до 500 разводов в месяц. Еще более показательны данные о разводах в провинции и в особенности в волостях (в деревне). У нас имеются в распоряжении следующие данные о бракоразводных делах, возникших в народных судах за первые три месяца (январь—март 1919 г.) по 18 губерниям и городам Москве и Петрограду:

ховных дел всяких исповеданий дела о расторжении браков, по коим не постановлено решений или постановленные решения еще не вступили в законную силу, признаются силою сего закона уничтоженными и подлежащими со всеми архивами находящихся в производстве вышеназванных учреждений и лиц бракоразводных дел немедленной передаче для хранения в местные окружные суды».

Таким образом имеют силу только вполне законченные и вступившие в свое время в законную силу прежние разводы. По всяким же незаконченным делам о разводе супруги, буде пожелают развестись, должны обратиться к новому, установленному декретом о расторжении брака и Кодексом порядку.

Губернии (или города).	В губернских городах.	В уездных городах.	В волостях.	Всего.
Витебская.	38	112	181	331
Владимирская . . .	34	292	248	574
Вологодская	75	48	255	378
Вятская.	67	289	1.087	1.443
Иваново-Вознесенская.	149	146	201	496
Калужская.	80	262	720	1.062
Курская.	—	—	—	2.175
Москва	1.048	—	—	1.048
Московская	—	—	—	852
Нижегородская. . .	118	209	953	1.280
Новгородская . . .	37	69	167	273
Орловская.	185	476	1.312	1.973
Пензенская	179	474	1.486	2.139
Петроград	907	—	—	907
Псковская.	60	160	305	525
Рязанская.	92	414	1.189	1.695
Тверская	72	200	625	897
Тульская	118	259	924	1.301
Череповецкая . . .	37	51	219	307
Ярославская. . . .	101	304	481	886
Итого. .	3.697	3.765	10.853	20.542

Итого только в волостях 16 губерний за три месяца более 10,000 разводов. А за год в 18 губерниях и двух крупнейших городах получится более 80,000 разводов. На всю Советскую Россию, не считая даже Украины,— около 200,000 разводов в год. Какой закон мог когда-либо претендовать на большую популярность.

Но хотя бы указанная в декрете о расторжении брака передача прежних дел еще и не состоялась, супругам, дело о расторжении брака которых производилось и не было закончено до вступления в силу декрета о расторжении браков, предоставляется право, не выжидая окончательного прекращения прежнего дела, признанного уничтоженным силою самого закона, немедленно подать новую просьбу о расторжении их брака, по правилам советского законодательства, т.-е. в отдел записи актов гражданского состояния или в народный суд по принадлежности. По отношению к таким просьбам совершенно недопустимы отводы о производстве того же дела в другом учреждении. Подобные просьбы о разводе должны рассматриваться и решаться во всем согласно правилам, приведенным выше для просьб о расторжении брака вообще. Единственное изъятие установлено для того случая, когда новая такая просьба подается не с обоюдного согласия супругов, а только по желанию одного из них, местожительство же или пребывание другого неизвестно. В этом случае новая публикация о вызове в суд отсутствующего супруга не обязательна, если такая публикация была уже произведена в прежнем порядке. Но и в этом случае дело не может быть назначено к слушанию до истечения двух месяцев со дня публикации, и повестка о вызове в суд должна быть послана по указанному просителем последнему известному местожительству супруга-ответчика.

Аналогичные постановления о силе прежних разводов и об уничтожении всех прежних незаконченных дел о разводе содержатся и в декрете о разводе Украинской Советской республики [1]).

---

[1]) Ст. 10 этого декрета гласит: „Все ныне производящиеся в духовных консисториях ведомства православного и других вероисповеданий, в Киевском синоде и всяких учреждениях иных христианских и иноверческих исповеданий и у должностных лиц по управлению духовных дел всяких исповеданий дела о расторжении брака, по коим не вынесено решений или постановленное решение не вступило в законную силу, признаются силою сего закона уничтоженными и подлежащими со всеми архивами охране, возлагаемой на местные подотделы записей актов гражданского состояния. Сторонам же предоставляется заявить новую просьбу о расторжении брака по настоящему декрету, при чем относительно отсутствующих новая публикация не обязательна, если таковая была уже произведена в прежнем порядке".

Развод влечет или может повлечь за собою известные последствия как для самих разведшихся супругов, так и для могущих иметься у них детей. Первые мы рассмотрим сейчас, а последние—при изложении отношений родителей и детей.

Немедленно после записи развода в отделе записей актов гражданского состояния (в случае обращения супругов по взаимному их соглашению с просьбою о разводе в отдел) или по вступлении в законную силу определения народного судьи о расторжении брака супруги, брак которых расторгнут, получают каждый в отдельности право вступить в новый брак. Никаких выжидательных, карательных или «траурных» сроков для возможности вступить в новый брак не установлено. Не установлено этого изъятия и для мелких имуществ брак и (вновь) между собою как непосредственно после развода, так и после того, как один из них или оба они побывают в новом браке (что воспрещается, напр., французским законом). Вступление разведшихся супругов вновь в брак между собою не влечет за собою никаких отягчающих условий (как, напр., во Франции) для новой возможности развестись.

Тот факт, что данные лица состояли раньше в браке между собою, никоим образом не может служить препятствием для совместной их службы в советском учреждении.

Что касается фамилии разведшихся супругов, то от их соглашения зависит как им именоваться, т.-е. сохранить ли им свою прежнюю брачную фамилию или вернуться каждому к добрачной фамилии; о таком состоявшемся соглашении следует указать в просьбе о разводе. В таком смысле следует понимать содержание ст. 102 Кодекса, в которой говорится: «При расторжении брака разводом в просьбе о разводе указывается, какой фамилией супруги впредь желают именоваться» (а не в смысле выбора ими любой и притом одинаковой фамилии). Если же соглашения между ними по этому вопросу не состоится, то каждому из них возвращается (бракоразведенные супруги сохраняют, как сказано в ст. 102 Кодекса) его добрачная фамилия. К тому же сводится и постановление ст. 3 Украинского декрета о разводе, в которой между прочим говорится: «При расторжении брака по взаимному согласию супруги обязаны указать в

поданном заявлении, какие фамилии впредь будут носить разведенные супруги... При разводе по заявлению одного из супругов и при отсутствии у супругов по сему предмету соглашения бракоразведенные супруги сохраняют свою добрачную фамилию...»

Что касается до права нуждающегося супруга на получение от другого супруга содержания, то такое право, безотносительно к вопросу о вине того или другого супруга, не утрачивается и при разводе и сохраняется впредь до изменения положения нуждающегося бывшего супруга, напр., до его вступления в брак с другим состоятельным лицом, что вытекает из ст. 130 Кодекса, с имеющейся в ней ссылкой на ст. 107. Статьи эти гласят: 130. «Право нуждающегося и нетрудоспособного супруга на получение содержания от другого супруга сохраняется и при прекращении брака разводом, до изменения условий, служащих основанием для получения содержания» (ст. 107). А ст. 107: «Нуждающийся (т.-е. не имеющий прожиточного минимума и нетрудоспособный) супруг имеет право на получение содержания от другого супруга, если последний в состоянии оказывать ему поддержку». Если нуждающемуся супругу в состоянии оказывать поддержку и бывший и настоящий супруг, то обязанность эта не падает на бывшего супруга. Вопрос о доставлении содержания нуждающемуся разведенному супругу может быть урегулирован добровольным соглашением, которому судья единолично, одновременно с постановлением о разводе, придает исполнительную силу. По ст. 131 Кодекса, «если по вопросу о доставлении содержания между разводящимися супругами состоится соглашение, то судья одновременно с постановлением о расторжении брака определяет, в каком размере и форме один из супругов обязуется доставлять другому содержание. Если же между разводящимися не достигнуто соглашения по этому вопросу, то спор о содержании решается общесковым порядком в народном суде, при чем до разрешения спора судом судья единолично одновременно с постановлением о разводе может постановить о временной выдаче содержания в известном размере и форме. Дело о выдаче содержания разведенному супругу может быть возбуждено не

только во время производства дела о разводе, но и после вступления в силу постановления о разводе [1]).

Право на получение содержания из имущества состоятельного супруга сохраняется за нуждающимся супругом и в случае смерти первого. В отличие от всех буржуазных законодательств это право на посмертное содержание принципиально ничем не отличается от права на прижизненное содержание. Буржуазные законодательства, которые признают и освящают совершенно неразумный институт наследства, легко мирятся со следующими нелепыми явлениями. При жизни, скажем, мужа жена имеет право на получение содержания сообразно тому социальному положению, которое муж этот занимает. Размер этого содержания определяется соответственными расходами, потребными для «приличной» жизни. Но стоит только этому мужу закрыть глаза навеки, и положение меняется радикально. Жена—необходимый наследник. Ей должна быть, по одним буржуазным законодательствам, выдана известная часть имущества или все имущество умершего, безотносительно к доходам, какие от этой части получаются, хотя бы доходы эти и в десять, и во сто раз превышали требуемое для «приличной» жизни, а по другим буржуазным законодательствам все или часть имущества ее мужа должны быть ей предоставлены для извлечения всех доходов в пожизненное владение, опять-таки без всякого внимания к размерам этих доходов.

Объяснения этого неожиданного скачка буржуазных законодательств от одного права к совершенно иному от права на содержание к праву на имущество, напрасно искать у буржуазных юристов.

---

[1]) В том же смысле должно быть истолковано и постановление украинского декрета о разводе, отсылающее супругов к добровольному соглашению или к общеисковому судебному порядку, но изложенное весьма неудачно, без указания на сохранение самого права на получение содержания, несмотря на развод. Ст. 6 украинского декрета гласит: „Вопросы о правовых отношениях (каких?), вытекающих из расторжения брака, разрешаются соглашением между супругами в форме договора нотариального явочного, либо домашнего (к чему это указание на форму соглашения?), а в случае спора между ними народным судом в общеисковом порядке".

Советское законодательство совершенно отменило всякое частное наследование как по закону, так и по завещанию, и дает как нуждающимся супругам по отношению друг к другу, так и детям по отношению к родителям и наоборот одинаковое право на прижизненное и посмертное содержание. И хотя отмена наследования касается в большей мере детей, родителей и родственников, нежели супругов, тем не менее уместнее изложить все, что относится к отмене наследования здесь, перед изложением положения бывшего супруга в случае смерти другого супруга, чем будет закончено изложение всего брачного права, всех последствий, связанных с браком.

Еще более 70 лет тому назад Маркс и Энгельс указали в «Коммунистическом Манифесте», что пролетариат, достигнув господства, может в наиболее передовых странах принять ряд мер, ведущих к социализму, в том числе и отмену права наследования. Эта отмена права наследования рекомендовалась на-ряду с экпроприацией поземельной собственности, прогрессивно-подоходным налогом, конфискацией собственности всех эмигрантов и повстанцев, централизацией в руках государства кредита и путей сообщения, трудовой повинностью, бесплатным общественным воспитанием всех детей и т. п. Словом, имелся при этом в виду строй, отнюдь еще не социалистический, а только переходный от буржуазного к социалистическому, и именно в этот переходный период рекомендовалось пролетарской власти отменить право наследования, иными словами, сделать частную собственность, самое большее, только пожизненною, лишь не дольше, как до смерти данного лица сохраняющеюся, а затем переходящею в руки пролетарского государства.

Маркс и Энгельс говорили тогда о возможности отмены права наследования в более передовых странах, но несомненно, что 70 лет тому назад наиболее передовые страны уступали в своем развитии современной России или во всяком случае не стояли выше ее. Поэтому пролетариат России, получив в 1917 г. господство, власть в свои руки, не замедлил выполнить завет своих учителей и отменил декретом Центрального Исполнительного Комитета всякое наследование.

И к тому же надо добавить, что протекшие со времени

«Коммунистического Манифеста» 70 лет не прошли бесследно и для буржуазной мысли, как равно и для буржуазных законодателей, которые за это время значительно двинулись вперед в вопросе о наследственном праве, хотя, правда, только в направлении ограничения его, но не полной отмены. Однако идея ограничения права наследования, развернутая до своего логического конца, превращается в идею полной отмены частного права наследования. С другой стороны, те ограничения, какие признавали буржуазная наука и буржуазные законодательства, являли собою образец беспринципности, не исходили из какой-либо определенной идеи, не были последовательным выражением определенных требований, представляли собою нечто хаотическое, не находящее себе научного оправдания.

Я уже не говорю про лишенные всякого социального смысла постановления царских законов о полной и неограниченной свободе завещания благоприобретенного имущества (главнейшего, капиталов), о полном запрещении завещать родовые имущества, замененном в 1912 г. столь же беспринципным правом завещать его в любом размере любому из нескольких законных наследников с полным лишением всех остальных всякой поддержки. Возьмем другое. Возьмем иностранные буржуазные «передовые» законодательства. Возьмем, напр., существующее в них ограничение свободы завещаний. Против отмены наследования нередко выставляют то возражение, что невозможность распорядиться своим имуществом по своему усмотрению на случай своей смерти отобьет всякую охоту имущество собирать, дома строить, капиталы накоплять и т. д. Это возражение вряд ли применимо в том строе, который не очень заинтересован в буржуазном способе накопления имуществ. Но именно в буржуазном строе, на который рассчитано это возражение, буржуазные законодательства, при наличности известного количества детей, почти полностью (на $^3/_4$) отменяют свободу завещаний: если у данного лица имеется, скажем, трое детей, то он может распорядиться в пользу посторонних не более, как $^1/_4$ своего имущества. Что же при этих условиях может служить для данного лица стимулом, побуждением к накоплению имущества? Свобода распоряжения этим имуществом на случай

своей смерти? Но ведь она почти сведена к нулю. Желание обеспечить после своей смерти своих детей? Но ведь сам буржуазный законодатель исходит из той мысли, что завещатель детей-то своих именно и не желает обеспечить, и он вынуждает их не отдавать своего имущества на сторону, а предоставлять его, вопреки их воле, остающимся в живых детям.

А царские законы с их полной свободой завещания вовсе не считались с желанием обеспечить детей.

Да и затем само здоровое ядро ограничения буржуазными законодателями свободы завещаний—желание обеспечить детей—как нелепо применяется оно на практике! Что кладется в основу обеспечения детей? Быть может, их несостоятельность или размер имущества родителей? Ничего подобного. В основу расчета той части имущества родителей, которая должна оставаться неприкосновенною для детей, кладется число детей, т.-е. нечто совершенно случайное, никакого отношения ни к имущественному положению детей, ни к размеру имущества родителей не имеющее. Таким образом при небольшом имуществе умершего ограничение свободы завещаний может—при большом количестве его детей—не дать им почти никакого обеспечения, а при больших или огромных размерах этого имущества или при состоятельности самих детей ограничение свободы завещаний, как видно, вовсе и не может иметь своею целью дать обеспечение и без этого обеспеченным детям или же дает им во много раз больше того, что нужно для их обеспечения. Так, напр., если после умершего остается один ребенок, то за ним неотъемлемо должна быть оставлена $^1/_4$ имущества отца безразлично, оценивается ли это имущество в 1000 франков (когда не только одна четверть имущества, но и все имущество не может служить каким бы то ни было обеспечением ребенку) или в сотни миллионов франков (когда предоставление одной четверти этого имущества одному человеку служит уже не только обеспечению его, но и чему-то другому). При этом, повторяю, эта определенная доля имущества умершего гарантируется его ребенку или супругу шаблонно, безотносительно к состоятельности самого наследника.

Необходимо подчеркнуть вдобавок, уже слегка отмеченную выше, еще одну непоследовательность буржуазных законодательств. При жизни состоятельные родители или супруги обязаны доставлять только необходимое для жизни содержание своим детям или другому супругу. Жены по многим буржуазным законодательствам вовсе не обязаны при жизни давать содержание своим мужьям. По германским законам, жена обязана давать содержание мужу при своей жизни только в том случае, если он нуждается. Но стоит только умереть родителю или супругу, и вся картина меняется, смерть весьма улучшает положение оставшихся, права остающихся детей или другого супруга возрастают до чрезвычайности: еще вчера они не имели никакого права на имущество живого, а сегодня у них появляются огромные права на имущество умершего, они приобретают неотъемлемое право на известную долю имущества умершего, хотя бы при жизни его они вообще или, как люди состоятельные, никакого содержания из его имущества получать права не имели. Отсюда нередко порождаются стимулы к искусственному ускорению смерти родителей или супругов, отсюда тайные убийства, отравления и т. д., в особенности легко и безнаказанно осуществимые, благодаря совместной жизни этих лиц. Разумеется, никаких таких преступных побуждений не может появиться, если и при жизни и после смерти близкие пользуются одинаковым правом на получение содержания.

Несмотря на все это, буржуазные ученые готовы отстаивать этот порядок наследования, готовы считать его безусловно необходимым для самого существования «общества», хотя редко где вы найдете у них хотя бы малейшие попытки доказать справедливость или целесообразность этого порядка.

Буржуазные экономисты, финансисты и государствоведы не остановились, однако, только на ограничении частного права наследования в пользу индивидуальных прав детей и супруга. Они давно уже, и в особенности за последнее двадцатипятилетие, обнаруживали попытки ограничить частное право наследования в пользу коллектива—государства. В этом направлении идут попытки ограничить круг лиц, призываемых к наследованию по закону только супругами

и самыми близкими родственниками, напр., только детьми, родителями да братьями и сестрами, за отсутствием которых наследственное имущество должно перейти к государству. В этом направлении идут попытки ограничить право завещания в пользу посторонних лиц или более далеких родственников установлением обязательной, неотъемлемой никаким завещательным распоряжением доли государства в имуществе умершего. В этом направлении идут, наконец, попытки построить налог на наследства на таких началах, при которых увеличение налоговых ставок находилось в связи не только с близостью родства наследников, но и с размерами наследственного имущества и со степенью состоятельности самих наследников. Последнее течение в особенности знаменательно тем, что оно в тенденции, в своем дальнейшем развитии содержит в себе идею о переходе имущества умершего в руки коллектива—государства за вычетом средств, необходимых для обеспечения ближайших нуждающихся родственников и супруга умершего лица.

Но все подобные попытки наталкиваются в буржуазном обществе на решительное противодействие охранительных элементов, крайне опасающихся нарушения идеи святости, неприкосновенности и вечности частной собственности, каковое нарушение может дать лишнее оружие в руки неимущих. И, напр., когда в конце XIX столетия в Германии вырабатывалось новое гражданское уложение и в нескольких проектах этого уложения содержались те или иные, впрочем, очень незначительные и смехотворные ограничения круга лиц, призываемых к наследованию по закону, то консерваторы подняли шум, и в конце концов в уложении появилась статья, гласящая, что к наследованию по закону призываются родственники без какого бы то ни было ограничения степени родства. (Такая же статья содержалась, в общем, и в царских законах.) Эта статья дала повод Антону Менгеру шутливо заметить, что случаев выморочного наследства, перехода наследства к государству, которые также предусматриваются германским уложением при отсутствии родственников—законных наследников, быть не может. В самом деле, говорит он, при неявлении иных родственников умершего стоит появиться

в суд любому богобоязненному крестьянину с библией в руках (которая для германского судьи должна же служить неоспоримым доказательством) и заявить: я законный наследник умершего, я его родственник, ибо оба мы происходим от одного родоначальника, от Адама, а родственники призываются к наследованию по закону без какого бы то ни было ограничения степенью родства,—и наследство умершего должно быть присуждено этому ближайшему из явившихся родственников.

Такой же крах потерпели, напр., и последующие попытки ограничить наследственное право в Германии (вызвавшие даже министерский кризис, уход в отставку канцлера)—я имею в виду в особенности знаменательные вносившиеся в германский рейхстаг в 1908 и 1913 г. правительством проекты ограничения права наследования, по которым допускались к наследованию только дети, родители, супруги да братья и сестры. Хотя эти проекты, по настоянию консервативных элементов, опять-таки провалились, но они вызвали оживленный обмен мнений в буржуазной юридической литературе, и многие буржуазные юристы, в противовес охранителям, не желавшим и слышать о подобных проектах, пошли еще дальше по пути ограничения права наследования [1]). Так, например, берлинский председатель судебной палаты (Senatspräsident) Ринг мог в 1917 г. констатировать единогласие только относительно сохранения наследственных прав за нисходящими (т.-е. детьми, внуками и т. д.), родителями и супругом [2]). Тот же Ринг свидетельствует: «опыт войны показал, что во всех слоях населения муж гораздо сильнее беспокоится о судьбе «внебрачной» своей жены, чем об участи братьев да сестер и их потомства» [3]). Уже более 25 лет ратующий за коренную реформу (но только реформу) наследственного права буржуазный немецкий юрист Бамбергер в своем недавно вышедшем сочинении заявляет: «Вместо боковых родственников

---

[1]) Хотя я в этом руководстве для удобства, по возможности, избегаю цитат и ссылок, но по этому вопросу позволяю себе отступление и приведу несколько таких ссылок и цитат.

[2]) V. King, Erbe sei das Vaterland, „Recht und Wirtschaft", март 1917 г.

[3]) Там же.

(т.-е. в том числе братьев и сестер) наследником должно стать государство» [1]).

В виду возможности отнять у государства его права на имущество умерших путем завещательных распоряжений в пользу отдельных посторонних лиц или родственников, многие пошли дальше и требуют установления неотъемлемой доли наследства в пользу государства, как ближайшего наследника [2]).

И против ограничения круга наследников и против установления неотъемлемой доли государства в каждом наследстве яростно восстают сторонники наследственной монархии и незыблемости буржуазного строя. Первые страшатся, что ограничение круга наследников (при распространении этой идеи не только на наследование богатств, но и на наследование тронов и престолов) может поколебать трон и порядок престолонаследия [3]). Вторые боятся домогательств неимущих, которые могут захотеть все более и более расширять права государства в этом направлении вплоть до превращения государства в единственного наследника. Так, напр., отвечая цитированному выше Гейму, утверждавшему, что установление обязательной, неотъемлемой наследственной доли государства окажет воспитательное действие на население, Герман Шелер заявляет: «Воспитательное действие, правда, скажется, но не так, как это рисует себе Гейм. Гейм желает «воспитать» ту горсточку людей, которые не имеют законных наследников, но имеют, что оставить в наследство. На самом же деле получат воспитание все те, у которых никакого наследства ни для оставления, ни для получения,

---

[1]) G. Bamberger, Erbrecht des Reiches und Erbschaftssteuer, 1917 г.

[2]) Ср., напр., Der Staatspflichtteil, 1909 г.; Heim, Zur Reform des Frbrechts, „Deutsche Juristenzeitung", 1916 г., стр. 296; Kuczynski und Massfeld, Der Pflichtteil des Reiches, 1917 г. Социал-демократ-ревизионист Лео Ароне в газете „Форвертс" от 31 декабря 1916 г. повторяет свой проект уже изложенный им в 1909 г. в журнале „Sozialistische Monatshefte" и сводящийся к тому, чтобы, в замену существующих наследственных пошлин, установить правило, по которому при всяком открытии наследства государство признавалось бы призванным в первую очередь наследником в определенной неотъемлемой доле.

[3]) Ср., напр., Hermes, Der Gesetzentwurfbüber des Staates, 1913 г., цитирующего опасения графа Йорка фон-Вартенберга.

которые взирают недружелюбно на капитал, как на представителя исторически неправильного, а посему и несправедливого государственного и общественного строя, и которые, в особенности при наличности чувствительного для них налогового бремени и спорного распределения налоговых тягот, не поймут, почему государство должно быть только наследником в обязательной доле и то лишь в узко ограниченном числе исключительных случаев, а не главным или единственным наследником во всех случаях» [1]).

Другие буржуазные противники назначения государства обязательным наследником в известной доле, руководствуясь, повидимому, теми же страхами и опасениями, предлагают заменить обязательную наследственную долю государства особо повышенным налогом на наследства; прогрессивно увеличиваемым в соответствии с размерами наследства и состоятельностью самих наследников (ср., напр., цитированные выше работы Бамбергера и Ринга). Они предлагают то же самое, но в менее «страшной», по их мнению, форме. Для этих буржуазных юристов, повидимому, самое важное—не задевать института частной собственности, непрекращающейся, вечной, из рода в род переходящей целиком, а не перестающей существовать со смертью собственника хотя бы в части своей. Они готовы на косвенные, хотя бы и большие жертвы, но без прямого удара самой идее частной собственности. Они за налог, за установление некоего обязательства нового собственника-наследника, получающего наследство в собственность целиком, но не за обязательную долю коллектива-государства в самом наследстве. Но эти буржуазные юристы не видят, что предлагаемый ими в данной форме прогрессивный наследственный налог намечает ясные пути к отмене буржуазного права наследования частных лиц и к замене его переходом имущества умершего в руки общества с действительным обеспечением возможного содержания, за счет этого имущества, нуждающимся близким этого умершего. В самом деле если в основу повышения ставок этого наследственного налога кладется как размер собственного имущества наслед-

---

[1]) Hermann Schöler, Erbschaftssteuerfragen, „Deutsche juristenzeitung“ 1917 г. № 13—14.

ников, так и размер наследства, то в идее мы здесь имеем отмену наследования для нуждающихся наследников (размер имущества которых достаточен для их содержания) и предоставления нуждающимся из наследства только части, необходимой для того, чтобы они не нуждались.

И если такие идеи начали уже появляться и даже господствовать в среде буржуазных юристов передовых капиталистических стран, то мудрено ли, что достигший господства пролетариат («у которого нет никакого наследства ни для оставления ни для получения»), что пролетарская власть, которая отнюдь не страшится вызвать шатание тронов и потрясение буржуазного строя, довела до конца заложенную в отмеченных выше направлениях тенденцию, что она отменила целиком и без всякого остатка частное право наследования как по закону, так и по завещанию. Таково именно содержание приведенного уже выше декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 27 апреля 1918 г. об отмене наследования.

Этим декретом наносится поражающий на смерть удар институту частной собственности. Она перестает быть чем то по идее своей вечным, из поколения в поколение, из рода в род переходящим, по началам индивидуального права. Частная собственность, в силу этого декрета, превращается в— самое большее — пожизненное владение: имущество остается прикрепленным к отдельному лицу самое большее на срок его жизни и никак не дольше. После же смерти каждого индивидуального обладателя, оно становится достоянием не какого-либо или каких-либо индивидуумов, а коллективо-пролетарского или рабоче-крестьянского государства. Благодаря отмене частного права наследования, над институтом частной собственности нависает дамоклов меч кратковременного существования и преходящего значения. Эта отмена частного права наследования должна, следовательно, иметь чрезвычайно важное для дела социализма социально-психологическое воспитательное действие, она в весьма значительной степени должна содействовать искоренению собственнических, индивидуалистических инстинктов. Поэтому пролетарская власть, не объявившая еще социализации всех (крупных даже) состояний, постепенно только объявлявшая на-

ционализированными (или вернее социализированными) только крупные капиталистические предприятия, провозгласила отмену передачи или перехода частной собственности по наследству без всяких изъятий.

Необходимо твердо запомнить, что после издания декрета об отмене наследования у нас от института частного наследования не осталось ничего, институт этот не сохранился нисколько, ни под каким видом и ни в какой своей части: все и всякое имущество умершего становится достоянием Российской Советской Социалистической Республики. И никакого изъятия из этого общего правила у нас не установлено. Не установлено этого изъятия и для мелких имуществ в частности (предметов домашней обстановки, орудий труда в городе и деревне) [1]). Только в виду крайнего неудобства для государства брать в свое управление всю огромную массу таких мелких имуществ, государство освобождает себя от этой обузы, и такие мелкие имущества поступают в непосредственное управление и распоряжение супруга или близких родственников умершего или тех и других вместе. Государство вынуждено совершенно пренебречь этими мелкими имуществами: minima non curat praetor.

Когда в германской буржуазной юридической литературе обсуждались приведенные выше проекты ограничения круга наследников, призываемых к наследованию по закону, и когда, следовательно, предвидилось, что в руки государства может перейти большое количество наследств, хотя и бесконечно меньшее, чем то количество имуществ, которое должно достаться государству, согласно нашему декрету об отмене наследования, то и тогда также раздавались голоса, что «государству необходимо будет предоставить возможность отказываться от мелких наследств в пользу родственников» [2]). У нас же государство самим декретом освобождено от этих мелких имуществ в пользу супруга умершего или его близких родственников (безотносительно к тому, трудоспособны

---

[1]) В декрете об отмене наследования говорится об имуществе стоимостью до 10,000 р. Но в виду крайнего повышения цен следует толковать это постановление не буквально и во всяком случае оценивать имущество по ценам, существующим во время издания декрета.

[2]) См. напр., V. Ring, цит. работа.

ли последние, или нет, нуждаются ли они, или нет, так как в основу этого правила положена идея неудобства этих имуществ для государства, а не идея обеспечения нуждающихся близких умершего).

Но, отменяя частное право наследования, нельзя было не считаться с тем, что пока еще существует индивидуалистическая семья, что пока еще не проводятся и не могут быть проведены полностью в жизнь меры по бесплатному общественному воспитанию детей (хотя питание детей—нормированными продуктами в особенности—уже бесплатно, образование—также бесплатно), что пока еще не осуществлено на деле всеобщее социальное обеспечение, обеспечение всех без исключения нуждающихся нетрудоспособных членов общества. Поэтому впредь до полного проведения в жизнь всех указанных и уже отчасти начатых мер социального обеспечения сохранен некоторый суррогат случайного, кустарного, индивидуального обеспечения из имущества умершего его ближайших нуждающихся и нетрудоспособных родственников, а также и супруга. При этом обеспечение дается гораздо более широкому кругу действительно нуждающихся и с гораздо большей вероятностью, чем на основании царских или вообще буржуазных законов о наследовании.

Правда, это обеспечение дается только нуждающимся и нетрудоспособным. Трудоспособные супруги и родственники, хотя бы и привыкшие к безделью, права на содержание не имеют. Пролетарское, трудовое законодательство не может принимать во внимание привычку бездельничать, не может считаться с этой привычкой иначе, как искореняя ее во всех способных к труду. Паразитов оно не поощряет. Все трудоспособные обязаны выполнять трудовую повинность и этим путем снискивать себе средства к жизни.

Но за то, во-первых, не делается никакой разницы между родством брачным и внебрачным. По царским законам, внебрачный ребенок имевший кое-какие права на поддержку со стороны отца при жизни последнего, немедленно лишался всех этих прав в случае смерти отца. (Подробнее о правах внебрачных детей, по царским законам и по буржуазным законодательствам, см. в отделе семейного права). По декрету об

отмене наследования, такой ребенок не лишается права на получение содержания и из имущества умершего отца своего.

Во-вторых, раньше кредиторы умершего получали свои долги в первую очередь, и наследники, даже нуждающиеся, могли уйти ни с чем. По декрету же об отмене наследования, право неимущих и нетрудоспособных родственников или супруга умершего на получение содержания из его имущества, их право на поддержание своей жизни вполне справедливо признается более предпочтительным, если угодно, более священным, нежели право кредиторов: последние отступают на задний план перед нуждающимися близкими умершего и удовлетворяются только в том случае, если притязания нуждающихся и нетрудоспособных родственников или супруга на содержание могут быть удовлетворены. К тому же при удовлетворении самих нуждающихся указанных в декрете родственников или супруга принимается во внимание в первую голову не близость их родства, а с т е п е н ь и х н у ж д ы.

Если отменяется вообще какой-нибудь правовой институт целиком и без остатка, то недопустимо было бы требовать, чтобы эта отмена не распространялась на все неурегулированные еще окончательно соответственные отношения, чтобы эта отмена не имела, как выражаются, обратной силы, насколько возможно это начало обратного действия закона применить на практике, ибо, разумеется, что с воза упало, то пропало, окончательно установившихся в прошедшем, закончившихся совершенно отношений ворошить крайне неудобно: quieta non movere. Если, напр., отменяется крепостное право, то смешно требовать, чтобы эта отмена означала только воспрещение устанавливать крепостные отношения в будущем, а все прежние «приобретенные» крепостные права оставались бы незатронутыми. Если отменяется рабство, то отмена эта имеет обратную силу по отношению ко всем приобретенным на рабов «правами». Если отменяется частная собственность на землю, то, разумеется, отменяются и все связанные с этой частной собственностью притязания, прекращаются и уничтожаются все прежние судебные споры, которые были связаны с этим бывшим правом частной собственности на землю. Точно также, если отменяется право наследования, как институт права, то смешно требовать, чтобы суды в чем бы то

ни было подтверждали частно-правные притязания, вытекавшие из этого отмененного, уничтоженного правового института, как такового. Вот почему ст. X декрета об отмене наследования постановляет: «Настоящий декрет имеет обратную силу по отношению ко всем наследствам, открывшимся до его издания, если они еще не приобретены наследниками, или хотя и приобретены, но еще не поступили в их владение».

Таковы основные начала, на которых построен социалистический декрет об отмене наследования, постановления которого о праве на содержания из имущества умершего некоторых лиц, в том числе и его супруга, подробнее развиты в Кодексе.

В случае смерти одного из супругов (к смерти приравнивается и судебное объявление лица умершим по причине пропажи или отсутствия), другой супруг получает право немедленно вступить в брак с другим лицом. Никаких особенных «траурных» сроков советским законодательством не установлено. Едва ли уместно вынуждать кого-либо оказывать почтение умершему, если нет желания такое почтение оказывать. Что же касается до возможности так называемого смешения крови (turbatio sanduinis) или, вернее, невозможности точно установить (при смерти первого мужа), кто является отцом ребенка родившегося в первый год после смерти первого мужа, то это опасение не может играть роли при установленной, по советскому законодательству, полной свободе доказывания действительного происхождения.

Брачная фамилия сохраняется за оставшимся в живых супругом и в случае прекращения брака по причине смерти или судебного объявления умершим другого супруга.

При прекращении брака смертью или судебным признанием одного из супругов умершим (а также и в случае признания его по суду отсутствующим), другой супруг имеет право, если он нуждается и нетрудоспособен, получать содержание из имущества, оставшегося после другого супруга. Если это имущество состоит из торгового или промышленного

предприятия, то выдача содержания супругу умершего производится из доходов предприятия, переходящего в заведывание местного совдепа. Вообще же заявления о выдаче содержания подаются в отдел социального обеспечения при губернском Совдепе (теперь—Исполнительном Комитете) по последнему известному местожительству умершего (объявленного по суду умершим или отсутствующим). Установлено строгое разделение функций между отделом социального обеспечения, который только назначает известное содержание, и другими советскими органами, которым оставшееся после умершего имущество передается в заведывание и распоряжение и которые из этого имущества выплачивают содержание, согласно постановлениям отдела социального обеспечения. Содержание назначается только губернским органом советской власти, губернским отделом социального обеспечения (во избежание местных влияний в более мелких органах), а имущество может находиться и в руках более мелких—уездных и волостных органов.

Вообще содержание назначается только губернским отделом социального обеспечения, но в виду того, что должно пройти некоторое время до разрешения этого вопроса в губернском отделе, в особенности в виду возможной отдаленности отдела от местожительства умершего, допускается изъятие для случаев, нетерпящих отлагательства. В этих случаях содержание супругу временно может быть выдаваемо по распоряжению того учреждения, которое совершает опись и оценку оставшегося после умершего имущества. Но о таком распоряжении временно выдавать содержание оставшемуся супругу учреждение, сделавшее такое распоряжение, должно немедленно сообщить губернскому отделу социального обеспечения по последнему местожительству умершего, который в случае его несогласия на продолжение такой выдачи, передает дело в народный суд. Однако, до отмены этого распоряжения судом временно назначенные выдачи должны производиться беспрепятственно.

Отдел социального обеспечения при разрешении вопроса как о самой выдаче содержания, так и о его размерах и форме руководствуется теми же правилами, что и в случае назначения содержания супругу при жизни другого супруга, т.-е.

применительно к ст. ст. 109—114 Кодекса [1]). Иными словами, эти заявления о выдаче содержания также свободны от всяких пошлин, могут подаваться лично и устно или присылаться по почте, отдел может либо вызвать заявителя в свое присутствие либо сноситься с ним по почте, должен вынести свое определение о выдаче содержания в публичном заседании и не позже месяца со дня поступления к нему заявления о выдаче содержания, должен руководиться при назначении содержания размерами трудоспособности заявителя и местным прожиточным минимумом, не может заменить периодических платежей или выдач единовременно выдаваемой капитализируемой суммой этих выдач или платежей.

Постановление отдела о назначении или неназначении выдачи может быть обжаловано недовольным супругом умершего в общеисковом порядке в народный суд без ограничения срока, при чем ответчиком в этом случае должен быть не отдел социального обеспечения, а то учреждение или те учреждения, в заведывании и распоряжении которых находится оставшееся после умершего имущество, из которого эвентуально, в случае присуждения, должна производиться выдача содержания. (Отдел социального обеспечения, повторяю, не имеет в своем распоряжении никакого имущества умершего и потому в случае присуждения с него, как с ответчика, не мог бы выплачивать содержания.) Но в случае, если разногласие или спор между заявителем и отделом социального обеспечения касается только размера или формы содержания, а не самого права на содержание, т.-е. если отдел назначил заявителю содержание в меньшем размере или в иной форме, чем того желал сам заявитель, то в интересах удобства нуждающегося супруга считается спорною только та часть, которая ему не доназна-

---

[1]) В ст. 124 Кодекса, очевидно, по ошибке, имеется ссылка только на ст. ст. 109, 111 и 114. Ссылка только на эти три статьи имеется в ст. 117 Кодекса по отношению к суду. Но для суда правил пропущенных статей добавлять не требовалось, так как их содержания покрывается общими началами судопроизводства, которыми суд руководится. Никакого же различия между теми и другими случаями назначения содержания супругу отделом социального обеспечения нет. И поэтому не следует обращать внимание на ошибочное указание только трех (109, 111 и 114) вместо 6 (109—114) статей.

чена и до окончательного разрешения спора судом содержание выдается ему в том размере и в той форме, на которые согласен отдел социального обеспечения, при чем принятие содержания в указанном размере и форме не означает отказа от дальнейшего спора.

Но и представители того имущества, из которого должно выдаваться содержание, также имеют право контроля над назначением содержания и могут оспаривать назначения, представляющиеся им превышающими справедливые требования супруга. Учреждение, в заведывании или управлении которого находится оставшееся после умершего, может в месячный срок обжаловать состоявшееся между супругом-заявителем и отделом социального обеспечения соглашение о выдаче содержания в Народный Комиссариат Социального обеспечения. (Здесь опять-таки видно, что органы социального обеспечения никаким образом не могут иметь в своем заведывании или управлении имущество умершего, так как им в этом случае приходилось бы обжаловать свое собственное постановление, что, очевидно, невозможно.) В случае отмены Народным Комиссариатом Социального обеспечения состоявшегося соглашения, спор передается на разрешение народного суда. Но обжалование соглашения само по себе не служит основанием для приостановления выдачи того содержания, которое назначено было отделом социального обеспечения, впредь до окончательного решения вопроса Народным Комиссариатом Социального обеспечения или народным судом. Если Народный Комиссариат оставит без последствий жалобу учреждения, в заведывании которого находится имущество, оставшееся после умершего, то никакие дальнейшие жалобы недопустимы.

Супруг умершего получает содержание на равных основаниях с родственниками умершего, также имеющими право на получение содержания из его имущества, т.-е. никакого предпочтения родственникам, как таковым, при какой бы то ни было близости их родства, не оказывается. И подобно тому, как родственники умершего могут, при известном размере оставшегося после умершего имущества, получать все доходы с этого имущества, точно также могут достаться все доходы с этого имущества супругу, если не осталось близ-

ких нуждающихся родственников [1]). Но если бы даже имелись налицо такие родственники, то супруг, если он более их нуждается, мог бы получить предпочтение перед ними, так как при назначении содержания из имущества умершего предпочтение отдается большей нужде, а не большей близости родства.

Право супруга на получение содержания из имущества, оставшегося после умершего его супруга, пользуется предпочтением перед требованиями кредиторов умершего. Лица, имеющие право на получение содержания из имущества, оставшегося после умершего, являются п е р в ы м и его кредиторами. Всякие другие кредиторы могут получить удовлетворение только в следующую очередь, только после полного удовлетворения этих первых кредиторов.

Если имущество умершего не превышает десяти тысяч, в частности, состоит из усадьбы, домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства в городе и деревне, то, по указанным выше соображениям, оно не переходит в заведывание и управление органов государства, а поступает в непосредственное управление и распоряжение оставшегося в живых супруга, если он один и нет у умершего близких родственников, или же в совместное его с родственниками умершего управление и распоряжение, если остались также и родственники умершего, имеющие право на получение этого имущества в управление и распоряжение. В виду указанных выше причин отказа государства от подобных мелких имуществ, такие имущества поступают в заведывание и распоряжение в с я к о г о оставшегося в живых, а не только нуждающегося и нетрудоспособного супруга.

Управление и распоряжение указанным имуществом в тех

---

[1]) Буржуазные законодательства автоматически определяют наследственную долю супруга в зависимости от наличности и количества детей или других законных наследников. Царские законы нелепо устанавливали точную дробь имущества умершего супруга, в качестве неизменной наследственной доли другого супруга ($^1/_7$ недвижимого и $^1/_4$ движимого имущества) даже при отсутствии всяких других наследников. И сообщались такие факты, например: за умершим унтер-офицером осталось недополученного жалованья 200 рублей, что и составляло все оставшееся после него наследство. Вдове его выдали законную долю, одну четверть, 50 рублей, а остальная часть, за отсутствием других наследников, пошла или должна была пойти в казну.

случаях, когда оно передается не одному только супругу, а ему же совместно с родственниками умершего, должно производиться по соглашению между ними. В случае же спора между этими родственниками и супругом по вопросу о порядке управления и распоряжения указанным имуществом умершего, спор этот подлежит разрешению в народном суде в общем порядке.

Если же указанное имущество передается одному только супругу (или вообще одному только лицу), то оно подлежит его бесконтрольному управлению и распоряжению.

II.

Семейное право.

Общие замечания.

Советское законодательство о семейных отношениях проникнуто теми же освободительными началами, теми же началами раскрепощения и равноправия детей в отношении их родителей, что и советское брачное законодательство по отношению к жене. Мало того, отказавшись от фикций, выдумок, от лживого скрывания действительно существующих отношений, от столь же лживого выдавания несуществующего за действительно существующее, отказавшись от всей лжи и лицемерия буржуазных законодательств о «законном» и «незаконном» происхождении, советское законодательство признает семейные отношения, т.-е. отношения близкого родства между данными лицами во всех случаях, когда эти родственные отношения на самом деле существуют.

Советское законодательство совершенно отделяет семейные отношения от брачных. Семейные отношения, т.-е. родство признается им безотносительно к тому, каков был союз родителей, был ли он оформлен, или нет, был ли он зарегистрирован надлежащим образом, имел ли силу зарегистрированного, или нет. Никакого различия не делается между детьми и вообще между родственниками, происходящими как от действительных браков, признаваемых государственной властью, так и от браков недействительных, а равно от браков, государством игнорируемых или вовсе им не признаваемых, каковы, напр., браки, заключенные только по религиозному или церковному обряду после вступления в силу законов о гражданском браке.

Родство или семейные отношения основываются на действительном происхождении, на действительной, как

принято выражаться, общности крови. Советское законодательство, отменившее титулы и сословия, не могло удержать тех различий, которые были установлены в пользу «благородных» сословий, представители которых могли одних своих детей желать сделать продолжателями своего рода, а других предать забвению и даже не считаться с ними вовсе в родстве. Для достижения первого им достаточно было обвенчаться с будущей матерью своего ребенка или даже прикрыть свадьбой чужой «грех».

Родство в настоящее время не зависит от произвола родителя, а от действительной наличности происхождения одного лица от другого или общего, совместного их происхождения от одного и того же лица. Кровное родство, близость по крови, действительно, зависит, по советскому законодательству, от общности крови, а не от условных выдумок, не от записи, не от «прикрытия» чужих детей и от произвольного отказа признавать других детей своими.

Все сложные и запутанные системы буржуазных и феодальных (в том числе и царских) законов относительно установления действительного (т.-е. скорее условно-лицемерного) происхождения были продиктованы тем общественным строем, в котором признанная, условно признанная семья являлась продолжательницей рода (в помещичье-феодальном строе) или хранителем и дальнейшим собирателем «накопленных», т.-е. награбленных имуществ, капиталов. Если же подобный строй отношений власти и отношений имущественных уничтожен, если нет «благородных» и «подлых» родов, если отменены различия сословий и самые сословия, если исключается возможность «накопления», т.-е. сосредоточения в руках отдельных лиц богатств и средств, могущих служить для угнетения многих других лиц, то можно себе позволить роскошь отказаться в семейных отношениях от всякой фальши, лжи, и лицемерия, говорить то, что есть в действительности, не смущаться фактами, правдиво признавать родством всякую действительную общность крови между данными лицами, без всяких изъятий. И даже более того: необходимо не только ограничиться одним провозглашением подобного принципа, но и постараться всячески облегчить на практике возможность установления действительного про-

исхождения данного лица не только от определенной матери, но и от определенного отца. Мало провозгласить принцип равноправия. При трудности осуществления его на практике такое провозглашение принципа являлось бы не более, как издевательством. Советское законодательство и в этом отношении отличается от буржуазных законодательств тем, что оно не ограничивается провозглашением принципа, а больше всего стремится дать на практике, дать в действительности возможность осуществить этот принцип со всеми вытекающими из него последствиями.

Внебрачные дети.

Ст. 133 нашего Кодекса и примечания к ней весьма немногословны, но они кладут конец как на будущее, так и на прошедшее время всему тому мучительному, всем тем нравственным пыткам и издевательствам, всем тем возможным материальным лишениям, которым подвергало, так называемое, общество людей ни в чем неповинных, без вины страдавших, родившихся без предварительного соблюдения требуемых формальностей... со стороны их родителей. Буржуазное общество хвасталось тем, что оно отменило позорный институт семейного наказания, т.-е. наказания детей совместно с родителями за преступления, совершенные исключительно одними родителями. Но в отношениях буржуазных законов, а еще больше в отношениях буржуазного «общества» (в законах можно найти хотя и редкие исключения) к внебрачным, к «незаконнорожденным» детям видны явственные следы ухудшенного применения этого института семейного наказания и даже приемов гораздо более отдаленных времен варварской эпохи. Здесь очень часто даже и не за преступления, а только за «грехи», совершенные исключичительно родителями, последние вовсе никакой каре не подвергаются, а караются одни только ни в чем неповинные дети. Тут же прибавим, что принятый в буржуазных законодательствах, с легкой руки французского сугубо буржуазного Кодекса Наполеона, институт признания внебрачных детей весьма напоминает те древние времена

варварства, когда к отцу приносили новорожденного, и от его воли зависело либо признать его достойным жизни, либо приказать выбросить его на съедение диким зверям: по французскому Кодексу и по другим из него заимствованным буржуазным законам, такой «непризнанный» отцом ребенок также выбрасывался на улицу и ему навсегда воспрещалось даже и попытаться найти своего отца (знаменитое правило: «la recherche de la paternité est interdite»).

Всем этим несправедливостям, всему этому незаслуженному издевательству кладет конец наш Кодекс, статья 133 которого гласить: «Основой семьи признается действительное происхождение. Никакого различия между родством брачным и внебрачным не устанавливается». А два примечания к этой статье подкрепляют и разъясняют ее значение. Примечание первое гласит: «Дети, родители которых не состоят в браке между собою, во всем уравниваются в правах с детьми, родившимися от лиц, состоящих в зарегистрированном браке между собою». А в примечании втором сказано: «Постановление настоящей статьи распространяется и на внебрачных детей, родившихся до опубликования декрета о гражданском браке (20-го декабря 1917 г.), по которому внебрачные дети были уравнены в правах с детьми, родившимися в браке.

Царские законы в течение всего XIX столетия совершенно не признавали кровного родства, как такового. До 1902 г., по законам России, совершенно не признавалось никакой связи между отцом и даже матерью и их детьми, родившимися не в браке или в неправильном (недействительном) браке. Общность крови, происхождение совершенно игнорировались законом. Родители, оба родителя—и отец и мать—не несли никаких обязанностей и не имели никаких прав по отношению к таким «незаконнорожденным» детям (как будто возможно незаконное рождение, рождение вопреки законам природы). Даже никакого «признания» подобных детей со стороны отца или даже матери также не допускалось. Незаконные или незаконнорожденные дети, хотя бы они и были воспитаны теми, росли, как бесспорные члены семьи тех, кто именовался их родителями, не имели права на фамилию отца и законное после него или после

матери своей наследство в их имуществе. Они не приобретали прав состояния не только отца, но даже и матери. Словом, они были без рода и племени.

И только в XX столетии царские законы внесли некоторые изменения в положение «незаконнорожденных» детей, получивших неоскорбительное название внебрачных детей (закон 1902 года). Но и после издания этого закона внебрачный ребенок не мог быть признан своим отцом, не мог быть включен в семью отца, несмотря даже на все желание последнего. Такое признание со стороны отца, которое, по заграничным буржуазным законам, значительно увеличивает права внебрачного ребенка в отношении его отца, в царской России не могло повлечь за собою никакого правового улучшения положения ребенка. Внебрачный ребенок получил право на скудное содержание от отца, если ему удастся доказать свое происхождение от него. Но ни прав его состояния, ни его фамилии он не получал. Он после смерти своего отца немедленно терял всякую связь с ним. Он не считался родственником его родственников. И если смерть отца неожиданно чрезвычайно расширяла права его «законных» детей (в случаях, когда отец их упустит распорядиться иначе своим имуществом), расширяла эти права от права на содержание в случае нужды до права на все его имущество безотносительно к их собственной состоятельности, то внебрачный ребенок со смертью своего отца лишался, по царским законам, всякой поддержки из его имущества. Внебрачный ребенок не пользовался никаким правом наследования ни после своего отца, ни после родственников его, а из родового имущества отец даже и ничего завещать ему не мог.

Мало того: внебрачный ребенок считался в родстве только со своею матерью, а не с ее родственниками. К этим родственникам ее он никакого отношения не имел, правом наследования после них не пользовался. Он считался каким-то странным, частичным, ублюдочным родственником даже своей матери. После ее смерти он наследовал только в благоприобретенном, а не в ее родовом имуществе. Он был ее родственником, но не принадлежал к ее роду. И это несмотря на то, что по царским законам внебрачный ребенок считался родственником своей матери только в том случае если она письменно признала его за своего ребенка.

Нелепость и противоречивость царских законов достигали в этой области крайних пределов. Мы видели, что отец не мог признать своего внебрачного ребенка, иными словами, своим признанием не мог улучшить его правового положения, но зато допускались всякие доказательства происхождения внебрачного ребенка от данного отца против его воли для возможности получения от него содержания. По отношению же к матери внебрачного ребенка—наоборот: не допускалось, при отсутствии письменного признания ею внебрачного ребенка, никаких иных доказательств его происхождения от нее, но зато ее признание улучшало правовое положение ребенка, делало его личным родственником его матери (как-будто мыслимо быть только личным родственником данного лица, не будучи родственником и всех родственников этого лица). Даже в издании 1914 г. в X томе Свода Законов содержалась статья 132[15], которая гласила: «При требовании от матери содержания внебрачному ее ребенку, а также при предъявлении его наследственных либо иных прав, доказательством происхождения ребенка от матери служит метрическая запись о его рождении. Если в этой записи не поименована мать или если невозможно представить метрическую запись о рождении внебрачного ребенка, то в доказательство происхождения его от матери принимаются только исходящие от нее самой письменные о сем удостоверения».

Чем можно было объяснить непризнание внебрачным ребенком наследственных прав по отношению к родственникам матери или к ее родовому имуществу? Тем, быть может, что она без согласия рода не могла ввести в него нового члена? Но ведь при выходе ее замуж вовсе не требовалось согласия всего рода. Требовалось только согласие родителей, если они находились в живых. Да и то вступление в брак без согласия родителей не влекло за собою недействительности брака, и дети, от такого брака родившиеся, являлись наследниками по отношению ко всем родственникам матери и ко всякому ее имуществу. Правда, родители могли лишить наследства тех детей, которые вступили в брак без их согласия. Но они, по царским законам, могли лишить наследства своих детей по своему

усмотрению почти всегда и при отсутствии такого нарушения родительской воли. Более нелепых законов, чем царские законы о внебрачных детях, нельзя себе и представить. Но столь же нелепы и законы буржуазных стран вообще, которые не дают внебрачным детям полных наследственных прав даже и в случае признания их со стороны родителей.

Вообще буржуазные законы никак, за редкими исключениями, не могут допустить уравнения внебрачных детей в правах с детьми, родившимися в браке. Только закон революционной буржуазии, только декрет конвента в свое время вполне уравнял в наследственных правах всех детей, безразлично родились ли они в браке или вне брака. Но оставлять право наследования, построенное на идее о желании родителей передать свое имущество своему потомству, и допускать к наследству всех детей безразлично как тех, появление которых было желательно родителям, так и нежелательных детей, являлось очевидным противоречием. И вместо того, чтобы отменить буржуазное право наследования, буржуазия отменила революционное равноправие внебрачных детей. Она пошла еще дальше и отменила всякое право внебрачного ребенка на отыскание своего отца. Она разрешила таким образом людям «высших» классов безобразничать в среде «низших» классов, ограждая эти «высшие» классы от всяких разоблачений, от всякого возможного «скандала», от всякой расплаты за свое поведение, избавляя их от всякой поддержки своего неравноправного потомства. «Почтенные» буржуазные семьи получили полную гарантию против возможности появления перед ними, в их среде бедных матерей, предъявляющих требования за своих детей. «La recherche de la paternité est interdite», «воспрещается отыскивать своего отца», провозгласил более ста лет тому назад французский Кодекс, Кодекс Наполеона, и вслед за ним многочисленные, с него списанные Кодексы.

И французский Кодекс упорно перенес это правило и в XX век. И только в 1912 г. была сделана некоторая уступка. Дозволено было «отыскивать» отца в особо возмутительных случаях, в случаях преступления, насилия, обольщения, обмана и т. п., т.-е. именно в таких случаях, когда,

кстати сказать, ожидать родственных чувств ни со стороны отца, ни со стороны матери почти не приходится.

Вообще же буржуазные законодательства делают различие между положением и правами внебрачных детей в зависимости от произвола их родителей, в зависимости от того, угодно или неугодно родителям признать своих детей. Усмотрение родителей для этих анархических законодательств важнее естественного факта происхождения. Несколько бо́льшая близость к родителям, несколько больше прав по их адресу устанавливается для случаев признания, для признанных внебрачных детей. Но до уравнения их в правах с «законными» детьми еще очень и очень далеко.

И только законом, недавним законом одной из скандинавских стран, норвежским законом 1916 года внебрачные дети вполне уравнены в правах с детьми, родившимися в браке. Некоторые постановления этого норвежского закона «о детях, родители которых не вступили в брак между собою», относительно способов доказательства происхождения от данного отца заимствованы нашим Кодексом (о них будет сказано ниже в отделе о действительном происхождении).

Действительное происхождение.

Если мы только что в особом отделе говорили о внебрачных детях, то мы это делали отнюдь не потому, что в нашем Кодексе сохранились какие бы то ни было остатки различения детей на «законных» и «внебрачных». Наш Кодекс не сохранил никаких таких остатков ни для будущего, ни для прошедшего времени. Он не ставит никаких препятствий доказательству действительного происхождения от определенных лиц ни для тех, кто родился после его издания, ни для тех, кто родился задолго до этого. Он не знает различных детей. Все дети для него одинаковы. Основой родства признается им естественный факт происхождения, а не искусственные, ложные или выдуманные явления. В этом его отличие от всех лживо-лицемерных буржуазных законодательств, которые в угоду условностям, «приличиям» готовы признавать детьми данного лица вовсе не его детей и не

признавать его родных детей его родственниками. Наш Кодекс, отбрасывая в этой области всякие фикции, ставя на первый план действительное положение вещей, действительное происхождение и только с таковым считаясь, приучает людей к правдивости, освобождает их от предрассудков, которые такою тяжестью упадали на головы невинных детей и их матерей, не на словах, а на деле уравнивает в положении и правах всех детей, без различия их происхождения, устанавливая для них весьма облегченные доказательства их происхождения, весьма легкую возможность это равноправие осуществить.

Если, как мы видим, законы буржуазные и царские законы готовы были при отсутствии брака во многих случаях совершенно игнорировать действительное родство, готовы были несомненных детей определенных лиц вовсе не признавать их детьми; если царские законы прямо заявляли (ст. 1113, т. X, ч. 1 Св. зак., изд. 1914 г.), что «к роду причисляются те токмо члены оного, кои рождены в законном браке», т.-е. что к роду причисляются не все действительные члены рода, что к нему не причисляются все, действительно к нему принадлежащие, а только искусственно отобранная часть их,—то, с другой стороны, при наличности брака те же законы склонны были навязывать посторонних детей, чужих детей формальному отцу, склонны были заставлять признавать заведомо чужих детей за родных и не давать возможности действительным родным отцам открыться своим детям. Иными словами, законы эти готовы были, перевернув только что приведенную нелепую формулу царских законов, «причислять к роду и тех не членов оного, кои рождены в законном браке». Родные дети не причисляются к роду, а не родные к нему причисляются!

В самом деле, существование брака создавало, по царским законам, и создает по буржуазным законодательствам вообще, во многих случаях неопровержимое или почти неопровержимое предположение о происхождении детей, рожденных во время существования брака и даже после его прекращения от законного мужа. По этим законам, никакие посторонние люди, хотя бы таким «посторонним» человеком

являлся и действительный отец ребенка, не имели и не имеют права оспаривать законнорожденности ребенка, т.-е. его происхождения от лица, с которым мать его состояла в браке. Не имел такого права не только действительный отец, но и мать ребенка, хотя бы для нее, по причине крайней вражды к бывшему мужу, невыносима была и мысль о том, что ребенок другого, любимого человека приписывается ненавистному мужу. Не имели такого права и сами дети, вынужденные мириться с тем, что их отец признавался им чужим, а чужой человек признавался их отцом.

Право оспаривать законность рождения принадлежала и принадлежит, по этим законам, только «главе семьи», только мужу. Но даже и этому официальному отцу ребенка также далеко не всегда предоставляется оспаривать законность рождения детей, во время существования брака рожденных женою. По царским законам, напр., он лишался этого права, если при записи ребенка не отказывался признать его своим. Устанавливалась кроме того краткая годовая давность для возбуждения споров о законности рождения. Допускались только определенные доказательства невозможности происхождения ребенка от мужа его матери.

В редких случаях право опровержения законности рождения, не осуществленное мужем при его жизни, могло быть использовано в трехмесячный срок его наследниками. Закон признавал ребенка рожденным от мужа, хотя бы ребенок родился на второй день после брака. Закон и практика склонны были признавать ребенка рожденным от мужа, хотя бы ребенок этот родился долгое время (даже несколько лет) спустя после смерти мужа или после развода супругов. Ст. 131, т. X, ч. 1 Св. зак., изд. 1914 г. гласила: «Законность лица, рожденного по истечении 306 дней после прекращения брака смертью мужа или после расторжения сего брака установленным на то порядком, могут оспаривать все те, коих права личные или по имуществу были бы нарушены чрез признание его законнорожденным, но не позднее, как через шесть месяцев после рождения младенца».

Вся эта официальная ложь, которая допускалась и допускается в угоду буржуазным приличиям, для сохранения

«святости» брака, во издержание огласки, совершенно чужда нашему Кодексу, который стоит на почве правды, на почве действительности. Для него важнее всего не выдумка, а действительная общность крови, действительное происхождение. Он поэтому принципиально не может закрывать пути к отыскиванию детьми подлинных отца и матери или к отыскиванию действительными отцами своих детей; он не может создавать заведомо противоречащих действительности фикций; он не может навязывать мужу чужих детей, он не может лишить действительного отца права требовать, чтобы его родной ребенок не записывался за чужим лицом; он не хочет провозглашать неправду неопровержимой истиной.

И эта приверженность истине никому вреда не причиняет. Царские и буржуазные законы провозглашали неправду в угоду приличиям. Но, устанавливая по отношению к детям, родившимся от женщины, состоящей или состоявшей в браке, фикцию, неопровержимое предположение об их происхождении от законного мужа, они могли говорить, что руководствуются при этом отчасти и интересами детей. При том бесправии, которое доставалось на долю детям, признаваемым «незаконными» или внебрачными, для детей гораздо выгоднее было числиться «законными» и пользоваться правами законнорожденных детей. И авторы буржуазных законов могли говорить: «Пускай страдает истина, пускай приписываются чужие дети к мнимым отцам, пускай родные отцы отстраняются от своих настоящих детей, но зато дети будут пользоваться бо́льшими правами».

Наш Кодекс с тем бо́льшим основанием может позволить себе торжество истины по вопросу о происхождении детей, что для него именно действительность (происхождение), а не форма (брак) служит основой семьи и родства, и дети, действительно происходящие от определенных отца с матерью, все без различия пользуются одинаковыми правами, с тою, пожалуй, только разницею, что в случае рождения ребенка женщиною, состоящею в браке, муж, если нет никаких возражений, п р е д п о л а г а е т с я его отцом, а для внебрачного ребенка, при отсутствии признания его со стороны отца, требуется представление доказательств о том, кто его отец.

Согласно Кодексу, отцом и матерью ребенка считаются лица, записанные его родителями в книге записей рождений (ст. 134 Кодекса). Но только считаются. Запись эта не неоспорима. Ее можно опровергнуть. Как при ее отсутствии, так и при ее наличности возможно доказывать всеми способами действительное происхождение данного лица. «При отсутствии записи о родителях, неправильности или неполноте ее, заинтересованным лицам предоставляется право доказывать отцовство и материнство судебным порядком», гласит 135 статья Кодекса.

Это право доказывать действительное происхождение данного лица принадлежит всем заинтересованным лицам во всех случаях, и даже тогда, когда его родителями записаны лица, в момент рождения или даже зачатия его состоявшие между собою в зарегистрированном браке или в браке, имеющем силу зарегистрированного. Никаких привилегий официальному или официально записанному отцу не предоставляется. Вопреки записи, с фактами в руках могут доказывать происхождение ребенка не от официального отца, не только он сам (хотя бы он и принимал участие в совершении той записи, в которой обозначено, что данный ребенок от него происходит), но и мать ребенка, и сам ребенок, и действительный отец его, и вообще всякое лицо, заинтересованное в установлении действительного происхождения. Спор этот, спор о происхождении не ограничен никаким сроком и может быть начат во всякое время, в том числе и при жизни официального лица.

Если официальный отец знает, что ребенок происходит не от него, то он, под страхом уголовной ответственности, не должен записывать его своим. Гораздо чаще, разумеется, случаи, когда матери известно, что ребенок не происходит от официального отца. Она также подвергается уголовной ответственности за сознательно ложную запись, которая к тому же не может быть признана действительной. От воли официального мужа не зависит присвоение себе ребенка, рожденного его женою. Но и от воли жены не зависит выдача ребенка одного за ребенка другого, хотя бы этот другой и был ее официальным мужем. Кодекс требует правды и от отца и от матери. «Если при рассмотрении дела судом будет

установлено, что запись неверна и основана на ложных показаниях лиц, выдававших себя за родителей, то виновные за ложное показание привлекаются к уголовной ответственности, а запись признается недействительной. Иными словами, запись недействительна всегда, когда она неверна. Но если она основана на ложных показаниях отца, записавшего себя отцом, хотя оно знало, что оно не является отцом, или матери, знавшей, что то лицо (муж ее), которое записывается отцом ребенка, не отец этого ребенка, то в этом случае, сверх недействительности записи, виновные в заведомо ложных показаниях о происхождении ребенка подвергаются уголовному наказанию.

Кодексом принят целый ряд мер к тому, чтобы ребенок был записан происходящим от тех именно лиц, от которых он действительно происходит. Заявление о рождении ребенка должно быть в трехдневный срок со дня его рождения подано в отдел записи актов гражданского состояния по месту рождения ребенка его родителями или (чаще) одним из них (т.-е. отцом), или другими лицами, на попечении которых, вследствие смерти, отсутствия или болезни родителей ребенок находится. К заявлению должна быть приложена подписка каждого из родителей о том, что ребенок действительно происходит от них. Факт рождения должен быть засвидетельствован двумя лицами, считая в том числе и заявителей. Если запись признается впоследствии судом недействительной по случаю установления действительного происхождения данного лица, не совпадающего с записью, то суд не позже 3 дней со дня вступления в законную силу соответственного своего решения извещает тот отдел записей актов гражданского состояния, где хранится запись о рождении. И немедленно по получении подобного извещения делается соответственное изменение в графе особых примечаний того листа книги записей рождения, где помещены сведения о рождении данного лица.

Предполагается, что в большинстве случаев дети происходят от официальных родителей. Поэтому можно сказать, что при наличности брака предполагается, что отцом является муж матери. Он как будто заранее признает имеющих родиться от его жены детей своими. Но если мать не со-

стоит в официально признаваемом браке? Кто отец? Он может сам себя назвать, он может признать данного ребенка своим в любой форме, любыми действиями. Если же такого признания со стороны отца не будет, то допускается судебное установление действительного отцовства. Но для облегчения положения внебрачного ребенка, для действительного с самого начала уравнения его в правах с ребенком, родители которого надлежащим образом оформили свои отношения, допускается, по Кодексу, облегченная процедура, заимствованная из приведенного выше норвежского закона 1916 г. А именно, забеременевшая и несостоящая в браке женщина может, не позднее как за три месяца до разрешения от бремени (дабы дело могло закончиться до рождения ребенка), подать заявление в местный отдел записей актов гражданского состояния по своему местожительству, указав в нем время зачатия, имя и местожительство отца. Но, в отличие от буржуазного закона, такое же заявление может быть подано и женщиной, состоящей в браке, если зачатый ею ребенок происходит не от зарегистрированного ее мужа. О поступлении подобного заявления отдел записей актов гражданского состояния извещает лицо, названное в заявлении беременной отцом, и последнему предоставляется в двухнедельный со дня получения им извещения срок возбудить судебный спор против матери о неправильности ее заявления. Но если в указанный двухнедельный срок подобного спора не будет возбуждено, то это молчание приравнивается к признанию ребенка своим.

Если же спор возбуждается, то дело рассматривается обычным судебным порядком, но с одним изъятием. Истцы и ответчики по обыкновенным делам за неверные заявления в суде не подвергаются (в отличие от свидетелей) уголовной ответственности. Но мы видели, что Кодекс требует правды от официальных родителей, подвергая их за сознательную ложь по вопросу о происхождении детей уголовной ответственности. В такой же мере Кодекс требует этой правды и от лиц, участвующих в этом споре о происхождении, и от матери и от предполагаемого отца. Требование правды от матери является в этом случае также и гарантией против злонамеренного желания причинить неприятность путем

неверного приписывания отцовства данному лицу. «Дела об удостоверении отцовства,—сказано в ст. 142 Кодекса,—рассматриваются в общем порядке, но стороны обязаны говорить правду, и при неисполнении этой обязанности отвечают, как за лжесвидетельство».

Кроме того по делам об отцовстве нельзя требовать точных и совершенно бесспорных доказательств. Приходится здесь ограничиться косвенными указаниями. Суд, найдя, что отношения ответчика к матери ребенка были таковы, что по естественному ходу вещей именно он является отцом ребенка, выносит определение о признании его отцом.

Наконец, необходимо указать на то, что возможны случаи, когда нельзя в точности установить, кто именно родители данного ребенка (подкидыши, найденные дети), или, при известности матери, кто именно его отец. В частности, эта невозможность налицо, когда ко времени зачатия ребенка мать «сожительствовала» (вольно или невольно) с несколькими лицами (так называемая exceptio plurium consturpatorum). Некоторые буржуазные законы освобождают в подобных случаях от обязанности оказывать материальную поддержку ребенку и его матери всех «подозреваемых» в том, что они его отцы. Наш Кодекс (ст. 144) постановляет, что суд, установив при рассмотрении вопроса об отцовстве, что ответчик хотя и был в момент зачатия в близких отношениях с его матерью, но одновременно с другим лицом (хотя бы этим другим лицом и был официальный муж матери), или с другими лицами, должен привлечь всех их в качестве ответчиков [1]) и возложить на всех их совместно обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка.

Итак, во всех случаях признается нашим Кодексом только действительное положение вещей, только действительное происхождение. Во всех случаях требуется правда, никаких фикций, никаких узаконенных обманов.

---

[1]) В качестве ответчиков только по отношению к несению указанных расходов, а не по отношению к признанию их всех совместно отцами. Ребенок в этом случае будет происходить от одного из нескольких, но все же неизвестного отца.

Отношения детей и родителей.

Советский Кодекс не только дал равные права всем детям без различия их происхождения, но он и уравнял в правах родителей, уравнял права матери с правами отца, и к тому же совершенно раскрепостил детей, дав равные права в их отношении родителям, равные права, осуществляемые не иначе, как в интересах самих детей, и лишь до тех пор, пока они полезны и необходимы для самих. Освободительное значение Кодекса и в этом отношении огромно и не знает ничего себе подобного даже в самых передовых буржуазных законодательствах.

Все буржуазные законодательства и буржуазные юристы, хотя и говорят о родительской власти по отношению детям, на самом деле отдают предпочтение отцу. При его жизни власть матери парализуется, дремлет, отступает на задний план. Никаких объяснений, почему именно отцу, именно мужчине отдается во всех случаях предпочтение перед матерью, перед женщиной, вы у них опять-таки не найдете. Не найдете точно так же, как нельзя найти разумного объяснения, почему они не допускают или допускают только с крайним трудом, с чрезвычайными ограничениями женщин к участию в общественной и политической жизни страны. Даже отказавшиеся от монархии в области политической жизни стоят за монархию в семейной жизни, и притом монархию всегда мужскую. Наивный эгоизм и мужское самомнение—вот все объяснение таких порядков. Угнетение и неравноправие целой половины рода человеческого кажется представителям буржуазной мысли чем-то вечным, неизменным и само собою разумеющимся. Даже самые передовые буржуазные мыслители не допускают и мысли о возможности отмены верховенства мужчины в супружеских и семейных делах. Даже такой сторонник общего уравнения женщин в правах с мужчинами, как французский профессор Поль Жид, который заявлял, что во всех странах, где еще господствует аристократия пола, ее падение также не заставит себя ждать, даже он утверждает в своей книге «Частно-правовое положение женщины», что нельзя себе и представить отмены

верховенства мужа. «Странное недоразумение требовать,—говорит он,—во имя прогресса, уничтожения мужней власти. Если вы ее уничтожите, то вам придется вернуться к нравам языческим, вам придется порвать всякую общность интересов между супругами, отстранить жену от всякого участия в делах домашнего хозяйства, поскольку, конечно, вы не предпочтете переменить роли и предоставить верховенство жене, что и практикуется, по рассказам известных путешественников, на некоторых островах Полинезии; необходимо только добавить, что жители этих островов не знают брака, что они соединяются, как старые животные, и что они пожирают своих пленников, когда не пожирают друг друга».

Сколько «страшных» утверждений, но ни одного объяснения, ни одного доказательства. И нелепость утверждений буржуазного ученого, считающего, что верховенство мужчины есть выражение христианства, что отмена его явилась бы возвратом к нравам язычества, бросается в глаза. Чтобы окончательно нас напугать, он стращает нас примером дикарей Полинезии, у которых верховенство принадлежит жене, хотя, по его же словам, дикари эти не знают брака, и как будто бы не пожирают пленников и в таких местах, где мужняя власть процветает. Другие, повидимому, понимают всю тщетность каких бы то ни было доказательств по этому поводу, и прямо заявляют: кому-нибудь необходимо дать перевес, вот мы и даем его мужчине; нельзя же в самом деле дать этот перевес женщине, матери. Вот, напр., другой известный французский буржуазный юрист, Пляниоль, в наши дни так буквально и выражается в своем учебнике гражданского права: «Ведь нельзя же было и подумать о том, чтобы дать перевес матери» (Car on ne pouvait songer à donner la prépondérance à la mère).

Им и в голову не приходит построить отношения родителей к детям на коллегиальных, на товарищеских началах, на началах равноправия. Если считается необходимым поручить попечение о детях людям, которые, по предположению, этих детей любят, то именно взаимное ограничение двух любящих родителей более всего пойдет на пользу детям. И построение отношений родителей к детям на началах товари-

щества, на началах равноправия более всего послужит интересам детей. Они, родители, окажутся в таком случае в состоянии удержать друг друга от оплошных, неверных, поспешных шагов и мер по отношению к детям. Меры эти будут приниматься ими сообща, по тщательном обсуждении, при необходимости убедить друг друга в правильности предпринятых мер. И нежелание допустить, что предполагаемые ими меры были совершенно парализованы, нисколько не осуществлялись, заставят родителей идти друг другу навстречу, делать взаимные уступки, памятуя, что худой мир лучше доброй ссоры, которая совершенно уничтожила бы их деятельность по отношению к детям, сделала бы совершенно безрезультатными все их намерения. А на самый худой конец, когда родители все же, несмотря ни на что, не могут притти к согласному решению, можно в области родительских отношений предоставить решение их спора справедливому усмотрению беспристрастного суда. И опять-таки одна возможность вынесения по спорному вопросу решения судей, решения, которое, неизвестно в чью сторону склонится, заставит родителей, по возможности, столковаться мирно, путем взаимных уступок.

Буржуазные законодательства не только передают родительскую власть (не просто родительские права, но именно родительскую власть (мужчине, отцу они кроме того во всем определяют судьбу, положение и права состояния детей по положению и правам состояния их отца, за которыми следует и жена его—их мать. При самостоятельности и равноправии жены, установленных советским законодательством, такое положение вещей, разумеется, сохраниться не может.

По законам буржуазных стран и по царским законам, «законные» дети следуют подданству своего отца, а внебрачные—подданству матери. Законные дети следуют подданству (или гражданству) отца потому, что и мать их, жена их отца, приобретает в силу самого брака права подданства их отца, а своего мужа. А так как, по нашему Кодексу, каждый из вступающих в брак сохраняет свое подданство (или гражданство)—с одной стороны, а родители равноправны—с другой, то от соглашения родителей—всяких родителей как родившего в браке ребенка, так и ребенка, ро-

дившегося вне брака,—зависит определить, подданству (гражданству) отца или матери должен следовать ребенок. Разумеется, сказанное относится только к случаям разноподданства родителей. В виду трудности установить подданство ребенка разноподданных родителей при их разногласии по этому вопросу, наш Кодекс постановляет, что разноподданные супруги должны при самом заключении брака (если одна из сторон состоит в русском гражданстве) заявить, подданству отца или матери будут следовать и в каких случаях могущие родиться у них дети. (При разноподданстве супругов-иностранцев вопрос о подданстве детей решается по началам частного международного права.) Ст. 147 Кодекса гласит: «При разногражданстве родителей (если одна из сторон состоит в русском гражданстве) гражданство детей определяется предварительным соглашением родителей, заявленным ими при заключении брака в отделе записей актов гражданского состояния». Супруги могут согласиться о том, чтобы не все дети следовали подданству или гражданству одного из них; они могут, напр., согласиться, чтобы мальчики следовали гражданству отца, а девочки—гражданству матери и т. п.

Во всех случаях отсутствия такого предварительного соглашения родителей, напр., в отношении детей, рождающихся от браков, заключенных ранее вступления в силу Кодекса, при случаях рождения детей от родителей, не зарегистрировавших надлежащим образом своего брака и т. д., соглашение это между ними может быть достигнуто к моменту записи о рождении ребенка. А при полном отсутствии соглашения между родителями по вопросу о гражданстве детей до момента записи, дети записываются русскими гражданами с тем, что по достижении совершеннолетия им предоставляется право заявить о желании следовать гражданству другого из родителей, не состоящего русским гражданином.

По буржуазным законам и по царскому законодательству, дети законные всегда носили фамилию своего отца, которая являлась и является в общем и фамилией их матери. И даже в тех случаях, когда мать может носить не только одну мужнюю, но и двойную фамилию (мужнюю совместно со

своей добрачной), дети носят только фамилию отца. Внебрачные же дети большею частью носят фамилию своей матери, хотя, напр., по царским законам, внебрачным детям, по общему правилу, присваивалась фамилия, одинаковая с отчеством, а отчество присваивалось им не по имени действительного отца, а по имени восприемника [1]) (так гласил царский закон, несмотря на то, что по обрядам многих исповеданий у ребенка вовсе не бывает восприемника). Правда, по царским законам, внебрачному ребенку могло быть при совершении метрической записи о рождении присвоено отчество его действительного отца с согласия последнего, а с согласия матери и ее отца, если он находился в живых, внебрачный ребенок мог именоваться родовой фамилией своей матери (и все же не быть членом ее рода!)

Кодекс отбросил все эти пережитки старины и в вопросе о фамилии детей также стал на точку зрения равноправия родителей. Дети, которые происходят от зарегистрированного брака, именуются брачной фамилией их родителей. Происходящие же от родителей, брак которых не зарегистрирован (хотя бы родители эти и состояли в действительном, напр., прежнем церковном браке), или которые вообще не оформили своих отношений, могут носить одну из трех фамилий, либо фамилию отца, либо фамилию матери, либо их объединенную (двойную) фамилию. Фамилия, которую будет носить родившийся ребенок, определяется в этом случае соглашением родителей перед записью о рождении ребенка. В случае же, если родители не могут достигнуть соглашения по этому вопросу, то фамилия родившегося ребенка (одна из трех указанных выше) определяется судом, и до этого судебного ее установления не заносится в книгу записей рождений.

Эта фамилия, раз приобретенная родившимся, сохраняется им и в случае смерти (прекращения брака по причине смерти) одного из родителей, хотя бы оставшийся в живых роди-

---

[1]) Интересно отметить «прошение», с которым обратилась группа внебрачных к Н. Ленину. Указав в этом прошении, что отцов своих они не знают, а восприемники им совершенно чужие, эти внебрачные просили издать закон, который позволил бы им именоваться по единственно близкому им лицу, по родной матери (т.-е., напр., Иван Марьевич, Антон Марфин и т. п.),

тель, вступив в новый брак, изменил свою прежнюю фамилию. Но при прекращении брака разводом или в случае признания его недействительным, фамилия имеющихся у данных родителей детей (одна из трех, указанных выше) определяется соглашением родителей. Если же соглашения по этому вопросу между родителями нет, но нет и спора (напр., в виду неизвестности местонахождения одного из бывших супругов или одного из считавшегося супругами), то фамилию детей определяет (одновременно с разводом) судья единолично, а при наличности спора между родителями — вопрос решается обычным судебным порядком [1]).

По царским законам дети всегда следовали в е р е своих родителей, если последние принадлежали к одному и тому же вероисповеданию. Если один из родителей был православный, то дети всегда признавались православными и (при разрешенных православным случаях вступления в брак с неправославными) неправославный супруг был обязан дать при самом вступлении в брак подписку в том, что он будет крестить в православную веру могущих родиться у него от данного брака детей. При браках же инославных между собою дозволялось родителям определять по соглашению религию детей или же устанавливалось, что мальчики разделяют религию отца, а девочки религию матери.

Советский Кодекс, разумеется, вовсе не настаивает на том, чтобы дети непременно принадлежали к какому-либо р е л и г и о з н о м у исповеданию. Он не устанавливает поэтому правила о том, что дети разделяют веру родителей, даже если родители исповедуют одну и ту же религию. Он, на-

[1]) Ст. 3 украинского декрета о разводе гласит: «При расторжении брака по взаимному согласию супруги обязаны указать в поданном заявлении, какие фамилии впредь будут носить разведенные супруги и и х д е т и. При разводе по заявлению одного из супругов и при отсутствии у супругов по сему предмету соглашения, бракоразведенные супруги сохраняют свою добрачную фамилию, ф а м и л и ю ж е д е т е й о п р е д е л я е т Н а р о д н ы й С у д, куда разводящимся надлежит обратиться по сему поводу о б щ е и с к о в ы м порядком». Постановление этой статьи сходно с постановлениями нашего Кодекса, изложенными в тексте (фамилии имеются в виду не любые, а только одна из трех), с тою только разницею, что при отсутствии согласия между родителями вопрос о фамилии детей всегда решается общесковым порядком в виду того, что в самом разводе суд не участвует.

оборот, скорее поощряет вневероисповедное состояние детей, их свободу от религиозных предрассудков. Он поэтому постановляет только, что «родители м о г у т согласиться относительно принадлежности детей, недостигших 14-летнего возраста, к той или иной религии». Это соглашение должно быть достигнуто между родителями ранее достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста. По достижении им этого возраста родители даже путем обоюдного соглашения не могут навязывать ему ту или иную религию. П о к а подобное соглашение не достигнуто и в случае, если оно не достигнуто к моменту вступления ребенка в четырнадцатилетний возраст, ребенок считается находящимся в о в н е в е р о и с п о в е д н о м состоянии. Избегая вообще всяких формальных затруднений и обременений, Кодекс в этом случае отступает от своего основного правила в целях поощрения вневероисповедного состояния: соглашение родителей о принадлежности малолетних детей к той или иной религии должно быть заключено в письменной форме. При отсутствии такого письменного соглашения отдел записей актов гражданского состояния не может дать никакой отметки о религии ребенка.

Родителям по отношению к детям не представляется никакой особой власти. Пока дети несовершеннолетни и нуждаются в особом попечении, родителям предоставляется по отношению к этим детям «родительские права» [1]), которые, в сущности говоря, являются родительскими обязанностями в отношении детей.

Родительские права предоставляются родителям только до достижения детьми совершеннолетия, т.-е. по отношению к детям мужского пола до 18, а детям женского пола до 16 лет. Юноша, достигший 18 лет, и девушка, достигшая 16 лет, вполне освобождаются от этих родительских прав и являются вполне полноправными и самостоятельными, н и в к а к о м о т н о ш е н и и от своих родителей не зависящими.

Родительские права предоставлены во всех случаях обоим

---

[1]) То, что наш Кодекс называет «родительскими правами» отличается от прав родителей вообще. Родительские права осуществляются только в интересах детей. Право же родителей на получение содержания от детей осуществляется ими в своих собственных интересах.

родителям совместно (а не одному отцу—пока он жив). И пока живы оба родителя, права эти должны ими осуществляться совместно. Если же умирает или вообще лишен возможности осуществлять свои родительские права один из них, то вся совокупность родительских прав сама собою переходит к другому родителю. Никакого добавочного опекуна для помощи родителю не должно назначаться. Да и сам этот родитель не нуждается ни в каком особом, добавочном оформлении его прав по отношению к несовершеннолетним детям, не нуждается он, в частности, и в том, чтобы его назначили опекуном к его несовершеннолетним детям: он и без того их естественный опекун.

Пока оба родителя налицо и осуществляют совместно родительские права, все мероприятия в отношении детей могут приниматься ими только при наличности между ними согласия по данному вопросу. При разногласии родителей, спорный вопрос решается, при их участии, судом.

Родительские права осуществляются ими не в их личных интересах, а исключительно в интересах самих детей. Нарушение этого правила родителями или одним из них может повлечь за собою весьма серьезные последствия: при нарушении интересов детей родители или один из родителей могут быть лишены судом родительских прав. При лишении родительских прав одного из родителей права эти целиком переходят к другому; при лишении родительских прав обоих родителей к ребенку должна быть назначена опека в общем порядке, как к несовершеннолетнему лицу, не находящемуся на попечении родителей. Дело о лишении родителей родительских прав в виду нарушения ими интересов детей не есть дело «семейное». В том, чтобы не уродовались и не портились дети, заинтересовано все общество. Поэтому подобное дело может быть возбуждено как представителями государственной власти, так и любым частным лицом, в том числе и одним из родителей, требующим лишения родительских прав другого родителя. Лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанности доставлять пропитание и содержание своим детям. Несмотря на лишение родительских прав по суду, родители сохраняют право видеться с ними (суд должен в своем постановлении о лишении родительских прав урегулировать этот вопрос, ука-

зать способы и сроки свиданий), разве бы суд признал, что такие свидания вредно и пагубно отражаются на детях. В последнем случае суд может (одновременно с постановлением о лишении родительских прав или впоследствии, убедившись во вреде таких свиданий) лишить их и права свидания с детьми.

Каковы же эти родительские права-обязанности? Родители обязаны заботиться о личности несовершеннолетних детей, обязаны наблюдать за ними и охранять их от всяких опасностей, грозящих им в известном возрасте; родители обязаны заботиться о воспитании детей и их подготовке к полезной деятельности. В значительной степени эта последняя обязанность переложена с плеч родителей на все общество в лице государственной единой трудовой школы, задача которой заключается в подготовке всех к полезной деятельности.

На родителях лежит также защита личных и имущественных интересов детей как в суде, так и вне суда. Они совместно являются представителями своих детей и без назначения их опекунами или попечителями к их детям. Не требуется такого особого назначения кого-либо из родителей или их обоих опекунами в том случае, когда у детей имеется свое личное имущество, напр., в свое время доставшееся им по наследству от посторонних лиц, или родственников, или от одного из родителей и т. д.

Родители обязаны держать детей при себе, если они живут совместно, и имеют право требовать возврата их от любого лица, неправомерно их у себя удерживающего, т.-е. удерживающего их у себя на основании постановления закона (напр., в силу обязанности обучения), или суда, напр., по случаю лишения родителей родительских прав и передаче детей опекуну. Если же родители не живут совместно, то от их соглашения зависит во всех случаях решение вопроса о том, при ком из них должны проживать их (те или иные или все вместе) несовершеннолетние дети. Если же такого соглашения между ними не состоится, то вопрос о месте проживания детей решается общеисковым порядком в суде, который руководствуется справедливым усмотрением, основанным на всей совокупности обстоятельств.

Обязанность родителей держать детей при себе, разумеется,

не безусловна. Значительным изъятием является обязательное обучение вне дома. Сверх того родителям предоставляется отдавать детей на воспитание и обучение. Однако, в виду запрещения вновь наниматься на работу не достигшим 16 лет, это воспитание и в особенности обучение не должно прикрывать собою найма (ученичество). Кроме того отдавать в наем своих детей от 16 до 18 лет (т.-е. мальчиков) родители не могут без согласия на то самого ребенка.

Кроме личных родительских прав-обязанностей, родители и дети в некоторых случаях несут взаимную обязанность предоставлять друг другу средства к жизни. Эта обязанность вообще имеет смысл только до окончательного введения в жизнь всеобщего социального обеспечения, при наличности которого исчезнет всякая необходимость в таких случайных суррогатах, как возможное доставление содержания из имущества отдельных, хотя бы и близких друг другу лиц. Эта обязанность в значительной степени ослаблена уже в настоящее время по отношению ко всем гражданам советской России такими, например, мерами, как бесплатное питание детей, всеобщее бесплатное обучение, бесплатная отправка и содержание детей (в каникулярное время) в колониях и т. п. В значительной, в еще более значительной степени эта обязанность детей по отношению к родителям ослаблена в среде трудящихся, благодаря введению и проведению в жизнь социального обеспечения трудящихся, обеспечения стариков и вообще инвалидов. В среде трудящихся эта обязанность родителей по отношению к детям может выполняться только добровольно, и при нежелании выполнять ее парализуется тем постановлением Кодекса законов о труде, по которому воспрещены, как указано уже выше, всякие подобного рода принудительные вычеты из заработной платы. Следовательно, обязанность эта, главнейшим образом, рассчитана на среду имущих и живущих хотя и трудом, но не на заработную плату (ремесленники, земледельцы, кустари, мелкие торговцы и т. п.)

Буржуазные законодательства устанавливают непосредственное право родителей на имущество их детей и непосредственное же право детей на имущество их родителей, как таковое. Родители управляют имуществом своих детей и извле-

кают выгоды из него для себя. А в силу принадлежащего детям непосредственного права на имущество их родителей, родители лишены права дарить и завещать свое имущество посторонним лицам при наличности детей сверх известной доли этого имущества. Наш Кодекс считает родителей и детей в имущественном отношении вполне самостоятельными и независимыми и не признает никаких непосредственных прав родителей на имущество детей и детей на имущество родителей, как на таковое. В этом смысле говорится в 160 статье Кодекса: «Дети не имеют прав на имущество родителей, равно и родители не имеют прав на имущество детей».

Правда, родители не имеют права ни завещать свое имущество, ни дарить его сверх известных пределов, но не в силу принадлежащих их детям прав на это имущество, а в силу того, что завещания отменены вместе со всем правом частного наследования и вообще никакой силы не имеют, а дарения ограничены вообще советским декретом о дарениях [1]). Правда, родители, без назначения их опекунами или попечителями, являются естественными защитниками имущественных интересов своих несовершеннолетних детей, и их представителями в этом отношении как на суде, так и вне суда, т.-е., следовательно, если у детей есть свое имущество, то их родители, до совершеннолетия детей, этим имуществом управляют, но выгод для себя из детского имущества родители извлекать не могут и управляют этим имуществом на общих началах опекунского права, как подотчетные опекуны-управители.

Но если родители имущие—а дети (несовершеннолетние) нетрудоспособны и нуждаются, или наоборот, то впредь до введения в жизнь всеобщего социального обеспечения на имущих возлагается обязанность оказывать поддержку материальными средствами, давать содержание нуждающимся.

Родители обязаны давать своим несовершеннолетним детям, если те нуждаются, т.-е. не имеют прожиточного минимума и нетрудоспособны (а нетрудоспособны все несовершен-

---

[1]) Не допускаются вообще дарения на общую сумму свыше 10,000 руб., а и дарения до 10,000 рублей обременены требованием особых формальностей особым налогом.

нолетние девочки и мальчики до 16 лет), пропитание и содержание (обнимающее собою одежду, кров, освещение, отопление и т. д.). Но эта обязанность родителей прекращается или, вернее, парализуется на время, пока дети находятся на общественном или государственном иждивении (ст. 161 Кодекса и примечание к ней). Это правило должно быть понимаемо в том смысле, что расходы по общественному или государственному «иждивению» или содержанию детей не могут быть взыскиваемы с родителей.

Эта обязанность содержания детей лежит на обоих родителях, и на отце и на матери, в равной мере, т.-е. обязанность эта лежит как на отце, так и на матери, которые, однако, не всегда должны участвовать в этом содержании в равных долях. Эта обязанность лежит одинаково на обоих родителях безотносительно к тому, состоят или состояли ли они в зарегистрированном или имеющем силу зарегистрированого браке между собою, или нет. Отношения семейные не зависят от отношений брачных. Отношения родителей, как таковых, к их детям, ко всем и всяким их детям, всегда одинаковы.

Размер выдаваемого каждым из родителей содержания своему ребенку определяется материальным положением каждого из них, но если они в состоянии, то сумма, затрачиваемая каждым из родителей, не должна быть менее половины прожиточного минимума, установленного для ребенка в данной местности. Это м и н и м а л ь н ы й взнос каждого из состоятельных родителей. Отсюда следует, что размер о б я з а т е л ь н о г о содержания детям не всегда ограничивается детским прожиточным минимумом, а может быть, в зависимости от материального положения родителей, и значительно выше. Но если один из родителей не в состоянии внести полностью только что указанный минимальный взнос, то он не освобождается целиком от всякого взноса, а должен уплатить, если может, хотя бы часть его.

В таком смысле должно быть истолковано содержание ст. 162 Кодекса: «Обязанность содержания лежит на родителях в равной мере, и размер выдаваемого ими содержания определяется в зависимости от их материального положения, но сумма, затрачиваемая каждым из родителей, не может быть менее половины прожиточного минимума, установленного для

ребенка в данной местности. Родитель, не могущий уплатить свою долю полностью, уплачивает часть ее».

Каждый из родителей несет, разумеется, обязанность полного, а не половинного содержания, а посему за неимением у другого родителя средств или в случае смерти другого родителя (если после него не останется соразмерного имущества), обязанность давать нуждающимся несовершеннолетним детям содержание переходит целиком на другого родителя.

Родители во всяком случае обязаны доставлять содержание детям только до совершеннолетия, т.-е. не более, как в течение 16—18 лет. Обязанность детей давать содержание своим лишившимся трудоспособности и нуждающимся родителям не ограничена никаким сроком и никаким возрастом родителей, а равно и никаким возрастом детей. И если у малолетних детей есть имущество, то из этого имущества должно также выдаваться содержание их нуждающимся родителям. Однако, само собою разумеется, родители, имеющие право на содержание от государства по правилам о социальном обеспечении трудящихся, лишены права требовать содержания от своих детей. В 163 статье Кодекса говорится об обязанности детей давать содержание своим лишившимся трудоспособности и нуждающимся родителям, «если последние не получают содержания от государства по закону о страховании от болезни или старости, или о мерах социального обеспечения». Это постановление, разумеется, не может быть истолковано в смысле предоставления родителям выбора между получением содержания либо от государства, либо от детей. Слова—«если последние не получают содержания» не имеют и не могут иметь того смысла, что родители только фактически не получают содержания от государства, потому что не желают его от государства получать, а могут иметь только тот смысл, что родители лишены возможности, т.-е. лишены права требовать такое содержание от государства. Только в этом случае они могут требовать содержания от детей.

Вообще предполагается, что как родители детям, так и дети родителям, в том нуждающимся, доставляют причитающееся им содержание добровольно, по соглашению. Но в случае нежелания тех или других выполнить эту обязан-

ность добровольно допускается принудительное ее осуществление по постановлению губернского отдела социального обеспечения. В подробностях способ, порядок назначения содержания и его размер и форма указаны выше при изложении осуществления права супругов на содержание.

Так как право на получение содержания имеет своею основою нужду и близость родства, то разумеется, право это не прекращается в зависимости от прекращения супружеских отношений между родителями. В частности, не прекращается это право и в случае прекращения брака между родителями по причине смерти одного из них (или обстоятельства, приравниваемого к смерти), или развода, а также в случае признания брака родителей недействительным (в последнем случае только сами считавшиеся супругами теряют всякие права в отношении друг друга).

При прекращении брака разводом, от разводящихся, у которых имеются дети, зависит определить путем соглашения между собою, установить, кто из них и в какой мере будет участвовать в несении издержек по содержанию и воспитанию детей. При наличности такого соглашения судья единолично, одновременно с постановлением о разводе, определением своим, одобряя это соглашение, придает ему исполнительную силу, равную силе судебных решений вообще. Однако, даже наличность такого одобренного судьей соглашения между родителями имеет силу только по отношению к самим разводящимся супругам, но необязательно для детей, если оно нарушает их интересы. Если, напр., по соглашению, состоявшемуся между состоятельным мужем и бедной женою, ребенку назначается ничтожная (от отца) сумма на содержание (напр., в практике, правда, первой половины 1918 г. в Москве, встречались суммы в 3 рубля в месяц), то такое соглашение равносильно отнятию у ребенка его права. Поэтому Кодекс в ст. 166 постановляет, что «соглашение родителей об издержках по содержанию и воспитанию детей, нарушающее интересы детей, не лишает последних права отыскивать от каждого из родителей причитающееся им по закону содержание». В этом случае представителем детей должны быть не тот или иной из их родителей, которые именно нарушили интересы детей, а

соответственные органы Народного Комиссариата Социального Обеспечения.

Если же между разводящимися не состоится соглашения по вопросу о содержании их детей, то спор их разбирается обычным судебным порядком, но судья, выносящий определение о разводе, должен единолично постановить, временно, до разрешения спора судом, кто из родителей, а если оба они, то в какой мере каждый из них несет издержки по содержанию детей. Суд, при разрешении споров разводящихся или разведшихся супругов относительно содержания детям, при определении той доли содержания, которая должна пасть на каждого из родителей, должен принимать во внимание не только средства и трудоспособность родителей, но и возможность для хотя и трудоспособной, матери—разводящейся или разведшейся жены—иметь заработок по причине необходимости с ее стороны ухода за детьми или ее беременности.

Как уже указано выше, лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанности доставлять содержание своим детям (которые в этом случае, в виду того, что дети не живут с родителями, не может носить формы непосредственного содержания в натуре).

Право родителей на получение содержания от детей прекращается только со смертью родителей. Право детей на получение содержания от родителей прекращается только с достижением детьми совершеннолетия. Но смерть детей в первом случае и смерть родителей—во втором до наступления указанных обстоятельств не влечет за собою прекращения этого права на содержание, которое становится исключительно правом на получение содержания из имущества, оставшегося после умершего.

Так как обязанность давать содержание детям лежит на обоих родителях, а обязанность доставлять содержание родителям—на всех их детях, то в случае смерти одного или нескольких из них, эта обязанность соразмерно распределяется между оставшимся или оставшимися в живых и имуществом, оставшимся после умершего или умерших.

Способы и формы назначения и получения содержания из имущества, оставшегося после умерших, подробно указаны выше при изложении права супруга на получение содержания

из имущества, оставшегося после умершего супруга. Дети, достигшие совершеннолетия, не имея права при жизни родителей на получение от них содержания, не могут, разумеется, сохранить это право после их смерти [1]), но все же, если они нуждаются, то имеют право на получение содержания.

Те же самые правила распространяются на случаи объявления отсутствующими или судебного признания умершими (родителей или детей).

Родство. Свойство. Узаконение. Усыновление.

Буржуазные законодательства, как мы видели, признают в своем наследственном праве родство до бесконечности, до первого человека. Они признают кроме того довольно отдаленное родство имеющим те или иные юридические последствия, напр., довольно отдаленное родство опорочивает свидетельские показания или вовсе их исключает, является препятствием к браку и т. д. В существенном все это является пережитком родового быта, остатками дворянско-феодального строя с его родословными книгами, генеологическими древами, которые изображали десятки поколений дворян, знати, вообще, «верхних» сотен и тысяч людей и были совершенно чужды всей остальной массе населения. Сами буржуазные ученые, буржуазные юристы признают, что за последнее время люди вообще больше заботятся о судьбе своей «внебрачной» жены, чем о судьбе ближайших боковых родственников. Наш Кодекс поэтому связывает юридические последствия только с ближайшим кровным родством: по прямой линии, вверх и вниз, (дети, внуки, родители, деды и бабки и т. д.) без ограничения (ограничение дается здесь самим сроком жизни челове-

---

[1]) Не сохраняя этого права в качестве детей, они получают такое право в качестве родственников по нисходящей линии. Статьи Кодекса 161 и 172 находятся в некотором противоречии. По первой—только несовершеннолетние дети имеют право на содержание от родителей. По 172—родственники по нисходящей линии вообще, а не только дети, если они нуждаются и нетрудоспособны, имеют право на содержание безотносительно к их совершеннолетию.

ческой), а в боковой линии только до братьев и сестер и никого больше. Только перечисленное родство является препятствием ко вступлению в брак. Только перечисленные родственники имеют право на взаимное получение содержания друг от друга, в случае нужды одних и состоятельности других.

Ст. 172 Кодекса постановляет: «Нуждающиеся (т.-е. не имеющие прожиточного минимума) и нетрудоспособные родственники по прямой нисходящей и восходящей линии, полнородные и неполнородные братья и сестры имеют право на содержание от своих состоятельных родственников». А в примечании к этой статье указано, что никакого различия между родством брачным и внебрачным и в этом случае также не делается.

Родственники эти обязаны доставлять содержание нуждающимся родственникам не все сразу, а определенными группами в порядке известной постепенности: сначала нисходящие, т.-е. все дети, внуки, правнуки и т. д., затем восходящие, т.-е. родители, деды, да бабки, прадеды да прабабки, и, наконец, братья и сестры, все вместе как полнородные, т.-е. имеющие одних отца с матерью, так и неполнородные, т.-е. имеющие общего отца, но разных матерей или общую мать, но разных отцов. При этом обязанность родственников перечисленных дальнейших степеней к доставлению содержания наступает лишь в том случае, если их нуждающиеся в содержании родственники не могут получить такового от супруга, детей или родителей в виду отсутствия их или их несостоятельности.

Способ принудительного получения содержания от родственников, в случае их нежелания добровольно исполнить свою обязанность, таков же, как и при отыскании содержания от супруга, родителей или детей. Но имеются и некоторые изъятия. Родственники, совместно (в одной и той же группе) обязанные к доставлению содержания, отвечают в равных долях, разве бы отдел социального обеспечения или суд (в Кодексе упомянут только суд), в виду различного имущественного положения обязанных лиц, отсутствия кого-либо из них или других уважительных причин (напр., обремененности кого-либо из них большой семьей

и бессемейности других), признал необходимым установить иной размер участия их в исполнении этой обязанности. Точно также отделу социального обеспечения или суду предоставлено в случае невозможности немедленного обращения за содержанием к лицам непосредственно (в первую очередь), обязанным доставлять таковое, возложить эту обязанность на дальнейших обязанных лиц с сохранением за ними права обратного взыскания с тех, кто непосредственно обязан к доставлению содержания.

Указанные здесь родственники имеют право (если они, разумеется, нуждаются) и на получение содержания из имущества умерших родственников, но не в порядке постепенности, а в порядке большей или меньшей нужды.

В Кодексе содержится ряд правил, изложенных только в отделе о правах лиц, состоящих в родстве. Но эти правила должны применяться, кажется, ко всем случаям получения содержания. Так, напр., в этом отделе указано, что выдачи на содержание могут быть обеспечены судом на имуществе лица, обязанного к производству этих выдач, и что такие меры обеспечения могут быть приняты и до окончания дела о доставлении содержания (ст. 177 Кодекса). Эти меры могут применяться и в случае назначения содержания супругу, детям или родителям, не живущим вместе с лицами, обязанными к доставлению содержания.

Точно также только в этом отделе указано, что недействительны соглашения об отказе от содержания (ст. 178 Кодекса). Это правило носит, разумеется, общий характер. Оно и редактировано в общей форме, а не только применительно к лицам, состоящим в родстве. Оно поэтому, несомненно, должно распространяться на все случаи предоставляемого Кодексом права на содержание.

И, наконец, по отношению к доставлению содержания из имущества, оставшегося после умерших, только в этом отделе содержится правило, гласящее: «Если оставшегося имущества недостаточно для доставления содержания всем имеющим право на содержание, то в первую очередь удовлетворяются наиболее нуждающиеся из них». Это правило, также редактированное в общей форме, должно применяться ко всем случаям получения содержания из имущества, остав-

шегося после умершего (о чем уже было сказано выше).

Свойство не играет никакой роли в нашем Кодексе. Оно в нем не упоминается вовсе. Следует признать, что свойство, т.-е. отношение между супругом и родственниками другого супруга, не имеет никаких юридических последствий. Свойство не является препятствием ко вступлению в брак. Могут вступать в брак даже отчим с падчерицей или мачеха с пасынками. Имеется, правда, декрет о воспрещении совместной службы в советских учреждениях родственникам и свойственникам. Но если даже считать, что декрет этот еще не утратил своей силы (о чем было сказано выше), то неясно, о каких свойственниках в нем говорится.

Узаконение по советскому законодательству совершенно неуместно, а потому недопустимо. В буржуазных законодательствах и в царских законах узаконение допускается и допускалось потому, что в них установлено различие между законными и внебрачными детьми. Если внебрачные дети неравноправны, то возможно улучшение их положения путем узаконения, путем придачи, предоставления им прав «законных» детей. Поэтому узаконение первоначально (и даже еще в римском праве) допускалось как особая, царская или королевская милость (legitimatio per rescriptum principis). Затем было допущено узаконение детей и посредством вступления в «законный» брак между собою их родителей. По царским законам недостаточно было и вступления в брак между собою родителей. Требовались еще особые формальности: судебное признание узаконения на основании просьбы обоих родителей, которая должна была последовать не позже года со дня их вступления в брак между собою. Узаконенные таким образом дети получали права «законных» детей, но не с момента своего рождения, а только с того момента, когда их родители вступили в «законный» брак между собою.

По нашему Кодексу невозможно улучшение правового положения внебрачных детей: они и без того во всем уравнены в правах с детьми, родившимися от зарегистрированного брака. Вступят ли впоследствии в такой брак между собою их родители, или не вступят, это не может повлечь за собою никаких юридических последствий. Все дети, по

нашему Кодексу, вполне «законные» дети. Незаконных рождений у нас не может быть. Не может быть у нас и «неузаконенных» детей. Поэтому совершенно немыслимо, по советскому законодательству, узаконение своих и без того всегда вполне «законных» детей, всегда и во всех случаях пользующихся равными правами с детьми, родители которых уже состояли между собою в зарегистрированном браке к моменту их зачатия.

Буржуазные законы допускают, как допускали и царские законы, еще особый институт искусственного приобретения детей, так называемое усыновление. Не имевшие собственных детей могли делать чужих детей своими. Царские законы допускали усыновление и своих собственных внебрачных детей. Обычно требовалось, чтобы усыновляющий достиг 30 лет и был, по крайней мере, на 18 лет старше усыновляемого, чтобы у усыновляемого не было собственных ни «законных» ни узаконенных детей. Но для случая усыновления собственных внебрачных детей делалось исключение: не обращалось внимания на ту или иную разницу в возрасте, возможно было усыновление и при наличности законных детей, с их разрешения, а если они несовершеннолетние, то с разрешения их матери. Усыновленные и их потомство становились «родственниками», личными родственниками усыновителя, и по отношению к нему только приравнивались, и то далеко не во всем, с его родными детьми.

Нашему кодексу нечего пользоваться искусственным приемом усыновления для сообщения внебрачным детям частицы прав детей «законных»: все дети и без того пользуются равными правами. Но наш Кодекс в своем стремлении бороться с разными фикциями, искусственными выдумками пошел гораздо дальше: он вообще воспретил на будущее время всякие усыновления. Он не посчитался даже с очень распространенным в крестьянском быту институтом приймачества, приемных детей, приемом работников в свой дом, в свое хозяйство, а, следовательно, и в свою семью. В виду запрещения наемного труда на крестьянской трудовой наемной земле, можно было ожидать широкого распространения приймачествaа в обход этого закона. Хотя, с другой стороны, расширение рабочей семьи нанесло бы удар индивидуа-

листической кровной семье. Но первые соображения в связи с стремлением избежать искусственных соединений взяли верх. И мы имеем в Кодексе статью 183, в которой сказано: «С момента вступления в силу настоящего закона не допускается усыновление ни своих родных, ни чужих детей. Всякое такое усыновление, произведенное после указанного в настоящей статье момента, не порождает никаких обязанностей и прав для усыновителей и усыновляемых». Это последнее постановление в особенности против сельского приймачества, совершавшегося без соблюдения особых формальностей. Это приймачество, если оно состоится после вступления в силу Кодекса, не породит для приймака никаких прав члена семьи и не дааст ему, в частности, права на земельный участок в данной семье.

Но это воспрещение усыновления установлено в Кодексе только на будущее время. Все прежние усыновления этим запретом отнюдь не затрагиваются. Здесь допущен компромисс в пользу сохранения прежних искусственных соединений. И даже более того: усыновленные, до издания Кодекса, пользовались только ограниченными правами, только частицей прав родных детей. Кодекс не только сохранил прежние усыновления, но и совершенно изменил правовое положение этих прежних усыновленных, во всем сравняв их с родными детьми. В статье 182 Кодекса сказано: «Усыновленные, приемыши, приймаки и их потомство по отношению к усыновителям и усыновители по отношению к усыновленным, приемышам, приймакам и их потомству приравниваются к родственникам по происхождению». В частности, следовательно, «родство» по прежнему усыновлению служит препятствием ко вступлению в брак, дает право на содержание не только при жизни, но и из имущества умершего и т. д.

III.

Опекунское право.

Общие замечания.

Опека в буржуазных странах с их индивидуалистической семьей призвана заменить недостающую семью, т.-е. недостающих родителей. Она является в буржуазных странах учреждением, рассчитанным, главным образом, на среду имущих классов. Дети имущих классов пользуются покровительством своих родителей, своего отца. Когда родители умирают, оставив после себя малолетних детей и оставив также этим детям имущество, наследство, то дети эти с их имуществом отдаются под опеку в виду того, что они сами недееспособны, неспособны управлять своим имуществом, могут его истратить, нарушив этим интересы своих возможных наследников. В буржуазных странах опека поэтому носит индивидуалистический характер: она призвана заменить индивидуальных родителей, она призвана защищать индивидуальные интересы самих подопечных и их возможных наследников. Это обстоятельство сказывается на всем строе и организации буржуазной опеки. Опекой там заведуют не непосредственно опекунские учреждения. Опекою там ведают большею частью близкие родственники, возможные наследники подопечных, почему опека там и назначается, главным образом, только к имущим, богатым подопечным. Эти опекуны должны там заботиться о своих подопечных, должны заменять им в каждом отдельном случае недостающих отца с матерью, хотя они вовсе не обладают отцовским или материнским чувством любви к подопечным, хотя они во многих случаях, как возможные наследники, прямо заинтересованы не в сохранении жизни детей, умалишенных и т. д., отданных на их попечение, а как раз в обратном, т.-е. в скорейшей их смерти.

И нередки случаи таких преступлений, такого умерщвления подопечных со стороны корыстно заинтересованных их опекунов.

Имущественный характер буржуазной опеки сказывается и во многих частностях. Опека, которая должна заменять родителей, назначается нередко и при их жизни. При столкновении имущественных интересов отца и ребенка к ребенку должен быть назначен особый опекун. В случае смерти отца не одна только мать является опекуншей своего ребенка, а к ней присоединяется опекун-советник: матери, женщине, не доверяют имущественных интересов возможных наследников ребенка, представителем которых и является этот особый опекун-советник. Допускается расчленение опеки над личностью и опеки над имуществом, при чем к имуществу должны назначаться опекунами преимущественно возможные наследники, а к личности—и другие близкие. Допускается опека только над одним имуществом (отсутствующих, умерших и т. д.).

Опека, по царским законам, в царском и царско-думском строе представляла собою крайне отжившее, весьма архаическое сословное учреждение. Каждое сословие—дворяне, духовенство, мещане и крестьяне—имело свою особую опекунскую организацию, свои особые сословные опекунские учреждения. Учреждения эти славились своим особым взяточничеством, своими подлогами, своим содействием растрате имущества подопечных в виду стародавнего, негласного, тайного порядка их делопроизводства. Такой сословный характер опеки был отменен советской властью с самого начала, был отменен декретом об уничтожении сословий, которого нельзя было добиться ни от «социалистического» временного правительства Россиии, ни от столь же социалистических правительств Германии и Австрии. Советская же власть издала декрет об уничтожении сословий через две недели после своего образования. По декрету об уничтожении сословий и гражданских чинов от 10 ноября 1917 г. (распубликован в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 12 ноября 1917 г.), все существовавшие в России сословия и сословные деления граждан, сословные организации и учреждения упразднены, все сословные учреждения, дела, произ-

водства и архивы переданы в ведение соответствующих (тогда еще существовавших) городских и земских (а не просто советских) самоуправлений, все соответственные статьи о сословиях и сословных организациях прежде действовавших законов отменены. Тем самым были упразднены и все сословные организации, учреждавшие опеку и ведавшие ею.

Опека в прежней ее организации была упразднена. И возникал вопрос о самой необходимости сохранить особый институт опеки в советском строе, где заботы личности вообще и, в частности, о недоразвившейся или ненормальной личности (малолетних и душевнобольных) стали делом не отдельных близких лиц, а всего организованного общества, т.-е. рабоче-крестьянского государства. Но во всяком случае форма буржуазной опеки не могла быть сохранена в советском строе. Опекунское право, если признана необходимость его сохранения, должно чрезвычайно измениться по своему содержанию.

Если бы у нас уже окончательно воцарился социалистический строй, мы должны были бы частную, индивидуальную, родительскую заботу о детях заменить без всяких изъятий общественной заботой о них. Но мы живем в переходное время. Социализма в законченном виде у нас нет. Поэтому приходится применять меры промежуточные, но такого сорта, чтобы они могли послужить основой для всеобщего социального, общественного попечения о недостигших нормальной трудоспособности и жизнеспособности или такую трудоспособность утративших. Покуда еще существует индивидуальная семья, на которую по прежним законам почти исключительно возлагались заботы о ее недоразвившихся членах. За выбытием старших, родителей, их заменяли опекуны. С точки зрения советского права переходного времени, семья призвана заботиться о малолетних и им подобных членах своих лишь постольку, поскольку о них не заботится, поскольку их не обеспечивает, не оказывает им своего непосредственного покровительства организованное общество в лице государственной власти, при чем область этого общественного попечения расширяется все более и более. Вспомним декреты о бесплатной обязательной трудовой школе, о бесплатном общественном питании детей и т. п. Поэтому и опека, за неимением роди-

телей, представляет собою только расширение для отдельных случаев обычных функций общественной власти в деле попечения обо всех в том нуждающихся.

Покуда существует еще индивидуальная семья, дети, находящиеся на частном попечении своих родителей, по общему правилу, не отдаются под общественную опеку (если не считать обязательного обучения и т. п. мер). Но зато все дети, по тем или иным причинам лишенные родительского попечения, без всякого отношения к тому, есть ли у них имущество, или нет, богаты ли они, или бедны, отдаются под непосредственную опеку, отдаются на попечение государственно-общественных учреждений, отделов социального обеспечения, которые осуществляют эту опеку, принимают все нужные меры попечения по преимуществу непосредственно, и могут лишь в отдельных случаях передоверить свои функции отдельным лицам, назначая их опекунами либо к отдельным подопечным, либо к целым группам их. Организация опеки, следовательно, так построена, что она, на расширенной основе, т.-е. с распространением ее функций не на часть только, а на всех нуждающихся в социальном, общественном попечении лиц, может быть сохранена и в окончательно упрочившемся социалистическом строе.

Эта организация опеки должна кроме того в настоящее время играть воспитательную, показательную, образцовую роль. Она должна показать родителям, что общественный уход за детьми дает гораздо лучшие результаты, чем частный, индивидуальный, ненаучный и нерациональный уход отдельных «любящих», но невежественных родителей, не обладающих теми силами, средствами, способами, приспособлениями, какими обладает организованное общество; она должна таким образом отучить родителей от той узкой и неразумной любви к детям, которая выражается в стремлении держать их около себя, не выпускать из ограниченного круга семьи, суживая их кругозор, прикрепляя их мысль к эгоистически-узкому кружку—семье и создавая из них не членов великого общества, имя которому—человечество, а таких же себялюбивых, как они сами индивидуалистов, ставящих на первый план свои личные маленькие интересы в ущерб интересам всего общества. Такая организация опеки револю-

ционна и социалистична, революционна, ибо она резко порывает с прежним индивидуалистическим строем опеки, социалистична, ибо подготовляет и облегчает меры, которые в гораздо более широком размахе придется принять в окончательно упрочившемся социалистическом строе.

Для новой опеки, для советской опеки личность подопечного всего важнее. Эта личность всегда имеется и всегда в попечении нуждается. Имущество же может быть у ней, может и не быть. Поэтому имущество играет здесь роль только придаточную. Когда оно есть, заботы опеки распространяются и на него. Невозможно, следовательно, расчленение опеки на опеку над личностью и опеку над имуществом. Невозможно отдельное существование этих двух опек. Невозможна и самостоятельная опека над каким-либо имуществом, как таковым. Невозможна судебная опека, опека над имуществом отсутствующих и т. д. [1]).

Органы опеки.

В отличие от царских законов, устанавливавших различные органы опеки в зависимости от сословия, к которому принадлежал подопечный, наш Кодекс учредил единую, для всех одинаковую организацию опеки. С другой стороны, в отличие от всех буржуазных законодательств, он этим органам опеки вручил непосредственное выполнение опекунских задач, а не только контрольные и судебные функции. Органы

---

[1]) Царский развращенный сенат во время последней войны дошел того, что назначал опеку к живым людям по аналогии с опекой к имуществу умершего. Когда необходимо было придумать отыскать опору в «законах» для лишения права «стоять перед судом» подданных враждебных держав, послушные сенаторы с большими натяжками исковеркали ясные тексты. Но если эти подданные не могут «стоять перед судом», то они, значит, не могут быть ни истцами, ни ответчиками. А последнее оказывалось невыгодным для русских их кредиторов, которые не могли взыскивать с них своих долгов. Тогда-то и придумали назначать к имуществу таких вражеских подданных специальную опеку для ответа на суде. И такой опекун мог выступать от имени своего подопечного, хотя бы последний стоял тут же и вопил о том, что он жив, в зрелом возрасте, в здравом уме, в опеке не нуждается и опекуну своему, как явно нарушающему его интересы, абсолютно не доверяет

опеки, по общему правилу, сами выполняют опекунские задачи, только в виде исключения делегируя, передавая эти свои задачи в отдельных случаях опекунам или попечителям, которые таким образом не отделяются от этих органов, а функционируют в качестве их представителей, их агентов. В числе органов опеки фигурируют таким образом не только опекунские учреждения, но и опекуны и попечители. «Органами опеки,—сказано в ст. 184 Кодекса,—являются опекунские учреждения, осуществляющие задачи опеки либо непосредственно, либо через посредство опекунов и попечителей».

Эти опекунские органы сосредоточены в губернии в особенности в виду того, что только крупный центр, каким является губернский город, может в настоящее время обладать теми воспитательными силами и учреждениями, какие необходимы для надлежащего непосредственного выполнения опекунских задач в широком масштабе. По Кодексу, такими опекунскими учреждениями на территории Российской республики являются отделы социального обеспечения при губернских, а в Москве и Петрограде—при городских совдепах (теперь для губерний—при губернских исполнительных комитетах) и Народный Комиссариат Социального Обеспечения.

Инструкцией, выработанной Народным Комиссариатом Социального Обеспечения и циркулярно разосланной на места для исполнения, подробнее регулируется организация опекунских учреждений. «Для осуществления опекунских задач, указанных в ст. 186 Кодекса,—сказано в этой инструкции,—при губернских, а в Москве и Петрограде—при городских отделах социального обеспечения учреждаются подотделы опеки. Если при отделах социального обеспечения уже имелись подотделы, хотя бы и под другими названиями, выполнявшие задачи по опеке, то таковые должны быть преобразованы согласно правилам этой инструкции» [1]). Во главе

---

[1]) В инструкцию внесено весьма важное добавление, вызванное заявлениями с мест об отдаленности губернских центров. Прим. к 1 статье инструкции гласит: «Губернские подотделы опеки в праве поручать выполнение отдельных задач, возложенных Кодексом и настоящей инструкцией на опекунские учреждения, уездным отделам социального обеспечения и волостным Совдепам, наблюдая за точным и соответствующим постановлениям законов выполнением этих задач».

подотдела опеки стоит заведующий подотделом, назначаемый заведующим отделом социального обеспечения из числа лиц, разделяющих идеи коммунистического воспитания.

Народный Комиссариат Социального Обеспечения руководит организацией общих мер попечения над малолетними и дефективными и имеет надзор за деятельностью отделов социального обеспечения.

Отделы социального обеспечения или подотделы опеки имеют предметом своей деятельности как организацию общих мер попечения над малолетними и дефективными (ненормальными), так и учреждение, осуществление и снятие опеки, а равно назначение, увольнение и общий надзор за деятельностью опекунов и попечителей. В этой своей деятельности подотделы опеки, помимо общего подчинения губисполкомам, подчинены также и Народному Комиссариату Социального Обеспечения.

Опекуны в случае их назначения являются всесторонними законными представителями подопечных, охраняя всё их личные и имущественные интересы. Согласно инструкции (ст. 15 и 16), назначение индивидуального опекуна производится подотделом опеки в исключительных случаях, когда нет возможности ни поместить подопечного в государственное воспитательное учреждение, ни поручить воспитание его коллективному опекуну. Коллективные опекуны (для нескольких подопечных) выбираются коллегией (губернского или—в Москве и Петрограде—городского) отдела социального обеспечения по преимуществу из числа коммунистически настроенных специалистов-педагогов и являются сотрудниками подотдела опеки и осуществляют задачи воспитания несовершеннолетних подопечных под наблюдением подотдела. Коллективная опека учреждается для подопечных в числе не менее 10 человек, поселяемых в специально приспособленное помещение, в тех случаях, когда помещение несовершеннолетнего подопечного в государственное воспитательное учреждение невозможно. В целях выработки общих планов воспитания несовершеннолетних подопечных коллективные опекуны должны периодически и не реже, чем один раз в месяц, собираться под председательством заведующего подотделом опеки. Назначая индивидуального опекуна, подот-

дел стремится поместить подопечного в трудовую семью и через посредство своих сотрудников-педагогов осуществляет постоянный контроль над жизнью и воспитанием подопечного в семье опекуна.

Попечительство назначается для совершения отдельных сделок или для помощи в управлении имуществом, и по общему правилу подчиняется постановлениям об индивидуальной опеке.

Все расходы по осуществлению опек (ст. 20 инструкции) производятся за счет государства по сметам Народного Комиссариата Социального Обеспечения, а для случаев опеки над душевнобольным—по смете Народного Комиссариата Здравоохранения. Если же у подопечного имеется лично ему принадлежащее имущество, то издержки по воспитанию и содержанию подопечного могут покрываться из его имущества.

Назначение и снятие опеки и попечительства.

В каких случаях назначается, устанавливается опека? Нашему Кодексу неизвестны, как уже сказано, прежние многочисленные случаи назначения опеки к имуществу. Обязательными, следовательно, главнейшими случаями назначения опеки являются несовершеннолетие и душевная болезнь. В этих случаях (если к тому же несовершеннолетний лишен надлежащего родительского попечения) назначение опеки безусловно обязательно. Но назначение опеки допускается и в иных случаях, а именно, когда подотдел опеки признает необходимым ее назначение, в частности, по случаю расточительства или обнаружения таких свойств, которые делают опасным или невозможным оставление данного лица без общественного попечения; но в этих случаях постановление подотдела опеки о ее назначении вступает в силу только по утверждении ее губисполкомом (ст. 18 инструкции).

Обстоятельства, при наличности которых налагается или может быть наложена опека над несовершеннолетними, по Кодексу и приведенной выше инструкции, следующие. Опеке

подлежит всякое несовершеннолетнее лицо, не находящееся на попечении кого-либо из родителей или их обоих. Поэтому опека по несовершеннолетию должна быть наложена подотделом опеки во всех случаях круглого сиротства, оставления детей обоими родителями, лишения или ограничения родительских прав в виду злоупотребления ими (напр., жестокого обращения с детьми, их эксплоатации со стороны родителей и т. д.). Но помимо указанных случаев подотделу опеки предоставляется право устанавливать опеку и над теми несовершеннолетними, которые находятся на попечении своих родителей, а именно, если последние воспитывают детей в духе, явно противоречащем основным началам коммунизма, внушая детям вражду к коммунизму и развивая в них контр-революционные стремления и т. п. В этом случае, для большей гарантии прав родителей, постановления подотдела опеки об учреждении таковой также вступают в силу лишь по утверждении их губернским исполнительным комитетом (а в Петрограде и Москве—исполнительным комитетом городского совдепа). Такое постановление содержится в ст. 6 инструкции и примечании к ней.

Несовершеннолетними признаются лица мужского пола, не достигшие 18-тилетнего, и лица женского пола, не достигшие 16-тилетнего возраста. Но, по специальному постановлению соответствующего подотдела опеки, лица, не достигшие указанного возраста совершеннолетия, могут в виду особых обстоятельств, напр., раннего развития, с их на то согласия, быть объявленными совершеннолетними.

Все государственные учреждения и должностные лица (отделы записей актов гражданского состояния, народные суды, милиция и т. д.) в случае обнаружения ими, при исполнении должностных обязанностей, детей, нуждающихся в общественном попечении, обязаны немедленно извещать об этом подотдел опеки. Эта обязанность извещения лежит также и на близких лиц, подлежащих опеке. Извещение может исходить и от самых подлежащих опеке. Подотдел опеки может быть, наконец, осведомлен о необходимости назначения опеки и всякими иными лицами.

Немедленно по получении извещения о необходимости назначения опеки к несовершеннолетнему подотдел опеки про-

изводит обследование, командируя для этой цели кого-либо из числа своих сотрудников (брата или сестру социальной помощи), или поручает произвести указанное обследование соответственному уездному отделу социального обеспечения или волостному совдепу. Убедившись в необходимости наложения опеки, подотдел выносит постановление об учреждении опеки и производит об этом публикацию в местном органе периодической печати, помещающем подобного рода объявления. В противном случае выносит определение о том, что нет необходимости в назначении опеки, каковое определение не подлежит обжалованию. Что же касается до постановления о назначении опеки, то оно может быть обжаловано заинтересованными лицами в двухнедельный срок со времени появления публикации о назначении опеки.

Подлежат также опеке душевнобольные, признанные таковыми по надлежащем их освидетельствовании. Заявление об освидетельствовании лиц, страдающих умственным расстройством, для назначения над ними опеки или для снятия ее подается подотделу медицинской экспертизы губернского (а в столицах—городского) отдела здравоохранения по месту жительству лица, об освидетельствовании которого возбуждено ходатайство. Такое заявление может исходить от родственников, опекунов и попечителей лиц, страдающих умственным расстройством, а также и от учреждения, в котором больной служит, от союза, партии или организации, к которым он принадлежит, и от совместно с ним живущих лиц. Подотдел медицинской экспертизы, получив прошение о производстве подобного освидетельствования, назначает врачебную комиссию, на которую и возлагается производство освидетельствования. Врачебная комиссия собирается под председательством заведующего подотделом медицинской экспертизы или его помощника в составе не менее трех врачей-специалистов из числа служащих в местном отделе здравоохранения, при местной психиатрической клинике или вольнопрактикующих. Если больной находится на излечении в специальном лечебном заведении, безразлично—правительственном, общественном или даже частном, то в этой врачебной комиссии обязательно должен присутствовать, с правом решающего голоса, пользующий больного врач этого лечебного заведения,

как наиболее знакомый с характером болезни свидетельствуемого, в целях надлежащего освещения вопроса о его белезни. Кроме указанных непременных участников этой врачебной комиссии, в ней могут принимать участие, для всестороннего освещения вопроса о болезни, также с правом решающего голоса и врачи как приглашенные самим больным, так и приглашенные лицами или учреждениями, возбудившими ходатайство об его освидетельствовании. О дне, часе и месте заседания врачебной комиссии извещаются для присутствования при освидетельствовании представитель отдела управления губисполкома, народный судья по выбору совета народных судей, и лица или учреждения, возбудившие ходатайство об освидетельствовании. Сам же больной доставляется лицами или учреждениями, от которых исходит ходатайство об его исследовании (освидетельствовании) в помещение подотдела медицинской экспертизы, где, по общему правилу, и должно производиться исследование. Но с больными требуется бережное обращение. Интересы душевнобольного всячески охраняются советским законодательством. Поэтому, если доставление больного в помещение, где должно производиться освидетельствование, признано будет невозможным, при чем за невозможность доставления принимается и нежелание больного следовать в указанное помещение, освидетельствование должно быть произведено врачебной комиссией в полном ее составе по местожительству больного, куда вызываются для присутствования при освидетельствовании все перечисленные выше лица (все эти гарантии должны в особенности соблюдаться, когда подлежащий освидетельствованию упорствует, не согласен подчиниться, не считает себя душевнобольным). Если освидетельствование происходит по местожительству больного в уезде, то постоянный представитель губернского совета народных судей может быть заменен народным судьею данного участка.

В отличие от крайне нелепого, устарелого, формального способа освидетельствования душевнобольных, который был установлен в царских законах и который, по замечанию одного известного юриста (Кони), мог привести только к признанию здоровых безумными и наоборот, в отличие от этих

законов, которые предписывали врачам не руководиться их наукой и делали таким образом совершенно бессмысленным участие в подобных освидетельствованиях врачей, наш Кодекс предоставляет врачебной комиссии, производящей освидетельствование больного, руководиться всеми данными медицинской науки, не связывая ее нисколько в форме и способе производства освидетельствования. «Врачебной комиссии предоставляется,—сказано в Кодексе (ст. 7 приложения к ст. 193),—при рассмотрении вопроса о нормальности свидетельствуемого, пользоваться всеми приемами, принятыми в медицине для распознания душевной болезни определенного лица». В частности, врачебной комиссии предоставляется право, при невозможности вынести определенное заключение от однократного освидетельствования, назначить через некоторый промежуток времени вторичное освидетельствование или поместить свидетельствуемого на испытание в специальное лечебное заведение на срок, необходимый по определению самой врачебной комиссии.

Заседанию врачебной комиссии ведется подробный протокол, о результатах освидетельствования составляется акт за подписью всех членов врачебной комиссии.

Если врачебная комиссия не признает свидетельствуемого душевнобольным, то ее постановление не подлежит никакому обжалованию. В случае же признания врачебной комиссией свидетельствуемого душевнобольным и подлежащим отдаче под опеку, подотдел медицинской экспертизы сообщает об этом подотделу опеки, который немедленно по получении извещения постановляет об учреждении опеки над признанным душевнобольным. Лица, напрасно вызвавшие освидетельствование, в случае признания свидетельствуемого здоровым, отвечают в двояком порядке. Чтобы отбить охоту от неосновательных просьб об освидетельствовании вообще, все расходы по освидетельствованию лица, которое будет признано врачебной комиссией здоровым, относятся не на счет государства и не на счет самого свидетельствуемого, хотя бы он был состоятельным человеком, а на счет лиц или учреждений, возбудивших ходатайство об его освидетельствовании. В случае наложения опеки все расходы как по освидетельствованию, так и по наложению опеки, о чем уже

указано выше, возлагаются на государство или на самого подопечного, если у него имеется лично ему принадлежащее имущество. Кто же умышленно захочет в ущерб интересам другого лица добиться признания его душевнобольным и учреждения над ним опеки, отвечает, как за лжесвидетельство.

Постановление врачебной комиссии о признании лица душевнобольным подлежит обжалованию в месячный срок со дня постановления в народный суд по месту жительства лица, признанного душевнобольным. Суд может либо оставить жалобу без последствий, либо распорядиться через подотдел медицинской экспертизы о переосвидетельствовании признанного душевнобольным в новом составе врачебной комиссии, в присутствии местного народного судьи. В виду возможности такого обжалования постановления врачебной комиссии оно не может считаться немедленно вступившим в законную силу, и подотдел медицинской экспертизы не должен посылать указанного выше извещения подотделу опеки ранее выяснения результата жалобы, если такая была подана, или вообще до истечения месячного срока на ее подачу.

Назначение опеки сопровождается во всех случаях публикацией в периодическом органе местной печати. Кроме того список лиц, над которыми назначена опека по душевной болезни, должен публиковаться во всеобщее сведение Народным Комиссариатом Юстиции.

Раз установленная опека сохраняет свою силу все время, пока длится основание, вызвавшее ее учреждение. Опека прекращается, если отпадает основание для ее учреждения. Для снятия опеки по случаю достижения совершеннолетия не требуется соблюдения никаких особых формальностей. Опека в этом случае прекращается сама собою в момент достижения подопечным совершеннолетия. Никаких постановлений опекунских учреждений о снятии опеки в этом случае не требуется.

При объявлении же лица, не достигшего возраста совершеннолетия, в виду особых обстоятельств, с его на то согласия, совершеннолетним, подотдел опеки должен определить вместе с тем, с какого именно момента наступает совер-

шеннолетие, помещая об этом публикацию в местном органе периодической печати, где подобные объявления публикуются.

Для снятия же опеки с душевнобольного по причине его окончательного выздоровления требуется соблюдение такой же процедуры, как и при назначении над ним опеки. Однако, ходатайство о переосвидетельствовании подопечного душевнобольного на предмет признания его выздоровления может исходить не только от тех лиц и учреждений, от которых могло исходить ходатайство об его освидетельствовании по случаю его душевной болезни, но и от лечебного заведения, куда больной был помещен на излечение, а равно от самого больного. Никаких сроков (с момента признания больным) для возможности подобного переосвидетельствования не установлено, и от подотдела медицинской экспертизы зависит удовлетворить ходатайство о переосвидетельствовании всякий раз, как в поданном ходатайстве будут заключаться ссылки на такие обстоятельства, из которых можно умозаключить о перемене в состоянии душевного здоровья признанного душевнобольным. Переосвидетельствование на предмет признания выздоровевшим производится в том же порядке, что и освидетельствование для признания душевнобольным. Если врачебная комиссия не признает больного выздоровевшим, то такое ее постановление, как постановление о признании душевнобольным, подлежит обжалованию в месячный срок в народный суд. В противном же случае, т.-е. если врачебная комиссия признает подопечного выздоровевшим, то подотдел медицинской экспертизы немедленно сообщает об этом подотделу опеки, который и выносит постановление о снятии опеки, производя об этом публикацию в общем порядке.

Попечительство назначается подотделом опеки, по общему правилу, к совершеннолетнему лицу, ему в помощь, по его ходатайству, если окажется, что лицо это вследствие старческой дряхлости или других недугов или неопытности не может надлежащим порядком лично вести свои дела вообще или самостоятельно защитить свои интересы в каком-либо определенном случае. При установлении и снятии попечительства производится такая же публикация, как и при назначении опеки. Попечительство прекращается, если отпало основание, заставлявшее ходатайствовать об его уста-

новлении, напр., в случае прекращения недуга или приобретения надлежащей опытности. Но для прекращения попечительства недостаточно одного факта отпадения указанного основания; необходимо еще и особое постановление подотдела опеки о снятии попечительства с данного лица.

Опека и попечительство во всех случаях устанавливаются и снимаются губернским подотделом опеки по месту жительства лица, над которым опека или попечительство устанавливаются, или с которого опека или попечительство снимается. Тем же подотделом опеки производится в соответственных случаях признание совершеннолетним лица, не достигшего возраста совершеннолетия.

Назначение и увольнение отдельных опекунов.

Функции опеки должны, по возможности, осуществляться непосредственно отделами социального обеспечения или подотделами опеки. Но в тех случаях, когда эти органы не принимают на себя по причине невозможности или затруднительности непосредственного осуществления опеки, они назначают отдельных опекунов к лицам, нуждающимся в постороннем попечении. Такое назначение опекуна должно произойти в течение недельного срока с того момента, когда подотдел опеки получит указанное выше извещение или вообще осведомится о необходимости назначения опеки.

Как уже указано выше, может существовать не только индивидуальная опека, но и опека коллективная: один опекун может быть назначен, одно и то же лицо может быть назначено опекуном не только к одному лицу (индивидуальная опека), но и к целой группе лиц сразу (коллективная опека).

Опекунами могут быть вообще назначаемы все лица, которые удовлетворяют следующим двум условиям: достигли совершеннолетия и способны выполнять должность опекуна. Не могут быть назначаемы на должность опекунов: 1) лица, сами состоящие под опекою по какому бы то ни было основанию; следует полагать, что не могут быть опекунами и лица, к которым назначен попечитель; 2) лица, лишенные

по суду гражданских прав (доброго имени, общественного доверия, семейных и имущественных прав); сюда относятся, разумеется, и лишенные родительских прав вследствие злоупотребления ими по отношению к своим детям,—такие родители, конечно, не могут считаться способными выполнять опекунские задачи по отношению к чужим детям или к посторонним людям вообще; 3) лица, интересы которых находятся в противоречии с интересами подопечного, и в особенности лица, находящиеся с ним во враждебных отношениях.

Хотя инструкция (приведенная выше) указывает, что при назначении опекуна необходимо руководиться стремлением поместить подопечного в трудовую семью, однако, необходимо считаться и с требованиями, которые в данном случае предъявляются Кодексом (ст. ст. 209 и 210). Согласно этим статьям Кодекса, при назначении опекунов предпочтение отдается лицу, которое изберет себе сам подлежащий опеке, если он не душевнобольной и достиг 14-тилетнего возраста, лицу, избранному матерью или отцом подлежащего опеке, разумеется, перед их смертью, а не в случае лишения их родительских прав, когда, разумеется, их выбор не может и не должен приниматься во внимание. Если же нет подобного лица, предназначенного быть опекуном, то предпочтение оказывается близкому родственнику или супругу лица, подлежащего опеке. Разумеется, такое предпочтение оказывается всем перечисленным лицам только при прочих равных условиях. Кроме того, при назначении опекуна из числа указанных только что лиц принимаются во внимание не только личные отношения назначаемого опекуном к подлежащему опеке, но и близость местожительства.

Лицу, назначенному опекуном, немедленно посылается письменное сообщение о его назначении и одновременно же производится публикация о назначении опекуном данного лица в местном периодическом органе печати, помещающем подобного рода объявления. Эта публикация имеет своею целью побудить всех знающих о том, что данное лицо не подходит к выполнению возлагаемой на него должности опекуна, поставить об этом в известность всех заинтересованных лиц, которым предоставляется право в двухнедельный с мо-

мента объявления этой публикации срок обжаловать в народный суд, по месту нахождения подотдела опеки, постановление последнего о назначении опекуном данного лица.

Опекунская должность является должностью почетною и обязательною. Каждый гражданин Российской республики, будучи на эту должность назначен, не имеет права от нее отказаться и обязан принять ее. Исключение делается только для следующих случаев: достижения 60-тилетнего возраста назначенного опекуном, наличности указанного опекуном такого телесного недостатка, вследствие которого он лишь с трудом мог бы выполнять обязанности опекуна, осуществления родительских прав в отношении более, нежели 4 детей и заведывания уже одною индивидуальною или коллективною опекою (т.-е. не менее, чем над 10 лицами сразу). При наличности одного из указанных оснований для отказа от принятия должности опекуна назначенный опекуном может осуществить свое право отказа путем заявления соответственного ходатайства в подотдел опеки в недельный срок с момента получения извещения о своем назначении опекуном. Не заявивший об отказе в предписанный срок считается принявшим опеку; особого заявления о согласии принять на себя должность опекуна не требуется. Если заявление об отказе от принятия опеки будет признано подотделом опеки основательным, последний назначает иного опекуна, но до передачи опеки этому новому опекуну заявивший об отказе от опеки должен исполнять обязанности опекуна.

Обстоятельства как лишающие права быть назначенным опекуном, так и дающие право на отказ от принятия на себя должности опекуна, могут отсутствовать во время назначения опекуном данного лица, но наступить впоследствии в период исполнения им обязанностей опекуна. Напр., опекун может во время функционирования опеки сам быть отдан под опеку, у него в этот период может родиться еще несколько человек детей и т. д. Наступление этих обстоятельств впоследствии влечет за собою прекращение должности опекуна в первом случае и право отказа от этой должности во втором.

Опекунские обязанности вообще считаются принятыми с

момента получения лицом, которое назначено опекуном, извещения подотдела опеки о его назначении.

Прекращение должности опекуна следует отличать от прекращения опеки. Прекращение должности данного опекуна возможно и при сохранении опеки, при чем, разумеется, требуется назначение нового опекуна. Должность опекуна прекращается не только по случаю снятия опеки, но и по случаю увольнения данного опекуна, наступления обстоятельств, лишающих его права быть опекуном, и заявления им основательного отказа от опеки. Опекун может быть уволен от своей должности постановлением подотдела опеки, если он окажется виновным в нерадении или злоупотреблении должностными полномочиями, а также и в том случае, когда он столь неудовлетворительно исполняет опекунские свои обязанности, что интересам подопечного угрожает опасность (по образцу лишения родителей их родительских прав). Об увольнении опекуна по только что указанным основаниям может ходатайствовать как сам подопечный, так и всякое третье лицо. Но, разумеется, подотдел опеки не может постановить об увольнении опекуна, не расследовав обстоятельств дела и не допросив самого опекуна.

Деятельность органов опеки.

Деятельность органов опеки сводится к попечению о его личности и к управлению его имуществом, если таковое у подопечного имеется. Непосредственная деятельность советских опекунских учреждений сводится, главным образом, к попечению о личности подопечного. Что же касается до управления его имуществом, то в виду того, что функции управления имуществом не совсем свойственны опекунским учреждениям, для этой цели должны назначаться отдельные опекуны, которые должны в своем лице объединять обе функции: и попечение над личностью подопечного, и управление его имуществом. В этом смысле следует понимать ст. 223 Кодекса, в которой сказано: «Защита интересов подопечного, личных и имущественных, лежит на осуществляющем опеку Отделе (теперь подотделе опеки) или опекуне, которые являются представителями подопечного на суде и вне суда».

Опека над несовершеннолетним заботится о личности подопечного, о его воспитании и подготовлении к полезной деятельности (ст. 224 Кодекса). Разумеется, совершенно иначе выражается забота о личности подопечного, когда опека осуществляется непосредственно подотделом опеки, чем в том случае, когда она осуществляется отдельным опекуном (индивидуальным или даже коллективным). В распоряжении подотдела имеются средства и к его услугам готовы учреждения, каких не может иметься в распоряжении отдельного опекуна. Согласно инструкции (ст. 10 и сл.), непосредственное осуществление опекунских задач в деле воспитания несовершеннолетних подопечных может выразиться в определении подопечного в государственное воспитательное учреждение (детские дома, коммуны и колонии), а при невозможности помещения подопечного в подобное учреждение—в поручении его воспитания специалисту-педагогу, осуществляющему коллективную опеку над не мене, чем 10 подопечными. Кроме того подотдел опеки, по соглашению с отделом охраны детства (детских домов) или с подотделом социального воспитания губернского отдела просвещения, руководит воспитанием подопечных в государственных воспитательных учреждениях, принимая участие в организации этих учреждений, разрабатывая общие планы воспитания подопечных, контролируя деятельность административного и педагогического персонала по отношению к подопечным, находящимся в этих учреждениях, и, наконец, производя периодические обследования условий жизни несовершеннолетних подопечных через посредство командируемых им в указанные воспитательные учреждения педагогов и врачей как из числа своих сотрудников, так и из числа лиц, специально избираемых коллегией отдела социального обеспечения для осуществления активного контроля над воспитанием подопечных.

По общему правилу, все функции попечения над личностью подопечного совершаются бесплатно, и только в том случае, если у подопечного есть лично ему принадлежащее достаточное имущество, опека в праве возмещать из доходов с этого имущества все затраты на воспитание, образование и лечение подопечного (в размерах, не превышающих доходов с этого имущества).

Опека над душевнобольным обязана защищать и поддерживать его во всех личных его делах и заботиться о его здоровьи. С этой целью органы опеки сносятся с органами здравоохранения для помещения душевнобольного подопечного в подходящее лечебное заведение и наблюдают за его содержанием в этом заведении [1]).

Если же функции опеки выполняются не непосредственно подотделом опеки, а отдельным коллективным опекуном, то, как уже указано выше, для этой цели соединяются не менее 10 подопечных, поселяемых в одном, специально для них отведенном помещении, где они и воспитываются под руководством специалиста-педагога, работающего при участии других таких же коллективных опекунов и под контролем подотдела опеки.

Что же касается до деятельности индивидуального опекуна, назначенного к отдельному несовершеннолетнему или душевнобольному подопечному, то функции его сводятся к следующему. Несовершеннолетнего подопечного опекун обязан держать при себе (наподобие родителей) и в праве требовать возврата его от любого лица (в том числе и от родителей), которое удерживает у себя несовершеннолетнего подопечного не на основании постановления закона или суда. Опекун обязан заботиться о личности подопечного вообще, охранять его от опасностей, сопряженных с его возрастом или состоянием здоровья, заботиться о его воспитании и о подготовке его к трудовой полезной деятельности. Для отдачи несовершеннолетнего подопечного на воспитание и обучение, а также и для заключения, хотя бы и с согласия подопечного, достигшего 16-тилетнего возраста, договора о личном его найме, опекун должен испросить согласие подотдела

---

[1]) Сама организация охраны детства, детских домов, органов социального воспитания и трудового воспитания (трудовой школы) вообще, а также организация лечебных заведений для душевнобольных имеет косвенное отношение к делу общественной опеки. Но в виду того, что деятельность этих учреждений имеет общий характер, распространяется на всех детей без исключения и т. д., изложение основ организации этих учреждений едва ли уместно здесь. Во всяком случае функции опекунских учреждений весьма расширяются в связи с наличностью и деятельностью этих общественных органов воспитания и охраны.

опеки (в этом случае требуется и согласие подопечного, и согласие подотдела опеки). Если возможно без опасности или неудобств для окружающих держать душевнобольного подопечного на дому, то опекун обязан держать его у себя или же поместить его, с разрешения подотдела опеки, в другое более подходящее частное помещение. В противном же случае, если состояние душевнобольного таково, что его необходимо поместить в специальное лечебное заведение, опекун должен заявить об этом в подотдел опеки, который предлагает отделу здравоохранения назначить врачебную комиссию для разрешения вопроса о необходимости помещения душевнобольного в лечебное заведение (о необходимости его интернирования). При утвердительном решении этого вопроса подопечный помещается в государственное или (если это более удобно) в частное лечебное заведение для душевнобольных.

Индивидуальный опекун также должен отправлять все функции по опеке над личностью бесплатно, но также в праве покрывать из доходов от имущества подопечного все расходы по его воспитанию, образованию и лечению. Все действия опекуна по попечению над личностью подопечного могут быть во всякое время обжалованы в подотдел опеки и самим подопечным, и любым (хотя бы и совершенно посторонним данному подопечному) лицом.

Указанные постановления о функциях органов опеки и отдельных опекунов соответственно применяются и во всех остальных случаях назначения опеки по особому постановлению подотдела опеки, утвержденному губисполкомом.

При наличности у подопечного лично ему принадлежащего имущества опека (чаще всего отдельный индивидуальный опекун) управляет этим имуществом, как заботливый трудовой хозяин, неся полную имущественную ответственность за неисполнение или за ненадлежащее исполнение этой своей обязанности. В частности, если подопечному достанется совместно с родственниками или супругом имущество, оставшееся после умершего (в случаях, когда такое имущество достается в непосредственное управление и распоряжение частных лиц), опека управляет этим имуществом на равных

основаниях с другими лицами, имеющими право на получение этого имущества в управление и распоряжение.

По общему правилу, опека, замещая в имущественном отношении подопечного, являясь его законным представителем, может заключать по имуществу подопечного все сделки, которые вообще могут заключать взрослые частные лица и которые мог бы заключить сам подопечный, если бы он не находился под опекой. Но из этого общего правила делаются некоторые исключения. Некоторые сделки вообще воспрещены опеке по отношению к имуществу подопечного. Некоторые же сделки, в особенности при наличности столкновения интересов подопечного и отдельного опекуна, не могут быть совершены вообще или же могут быть совершены опекуном только с особого разрешения. Так, опека не может совершать никаких дарений, никаких безмездных сделок в качестве представителя подопечного. Опекун не может представлять подопечного при заключении сделки или ведении тяжбы между своим супругом или одним из родственников по прямой восходящей и нисходящей линии,—с одной стороны, и подопечным—с другой стороны [1]) (следовательно, может заключать сделки или вести тяжбы от имени подопечного со всеми своими боковыми родственниками и даже братьями). Если опекун не может явиться представителем подопечного в сделках или тяжбах его с родственниками или супругом опекуна, в виду возможности в подобных случаях сомнения насчет его беспристрастности, то с тем большим основанием ему должно быть воспрещено вступать от имени подопечного в сделки или вести от его имени тяжбы с самим собою. И действительно, в Кодексе (ст. 224) содержится постановление о том, что опекун не может выступать в качестве договаривающейся стороны в договоре относительно имущества подопечного и приобретать кредиторские права требования по отношению к нему. И хотя здесь не добавлено

---

[1]) Заключение сделок от имени подопечного с супругом опекуна или указанными его ближайшими родственниками должно поэтому, думается, не допускаться вовсе, даже через посредство особо для этой цели назначенного попечителя. Если же возникает тяжба между подопечным и указанными родственниками его опекуна или супругом последнего, то для ведения этой тяжбы должен быть назначен к подопечному, думается, особый попечитель. В этом случае попечительство должно допускаться и по отношению к несовершеннолетнему.

о воспрещении опекуну вести от имени подопечного тяжбу с самим собою, но это воспрещение вытекает из указанного выше воспрещения опекуну вести от имени подопечного тяжбу с лицами, интересы которых предполагаются близкими опекуну. А его собственные интересы ведь могут предполагаться еще более близкими. Если же имеется долг подопечного его опекуну, возникший по сделке заключенным до назначения его опекуном, то для уплаты его опекуну требуется разрешение подотдела опеки.

Ни в каких других случаях и ни для каких других сделок по имуществу подопечного не требуется особых разрешений для опекуна. Достаточной гарантией является его общая ответственность за неправильные действия и обязанность в известных случаях периодической отчетности. В частности, не требуется никакого особого разрешения для отчуждения опекуном имущества подопечного в случаях, когда такое отчуждение было бы совершено всяким заботливым трудовым хозяином. Целый ряд сделок, для совершения которых требовались особые разрешения опекуну по царским законам, напр., сделки по отчуждению или залогу недвижимости, совершенно невозможны в советском строе вообще. Но в отчуждении имущества подопечного опекун стеснен тем, что расходы, необходимые для содержания подопечного, могут покрываться только из доходов с этого имущества, все же расходы, превышающие размер этих доходов, должны покрываться из общественных средств, из средств органов опеки.

Управление имуществом подопечного не является обязательно безмездным, бесплатным со стороны отдельного опекуна. Если этим имуществом в виде исключения непосредственно управляет опекунское учреждение, то управление это должно быть, по отношению к подопечному, бесплатным: органы опеки достаточно обеспечены получаемым от государства содержанием. Отдельному же опекуну может быть назначено подотделом опеки особое вознаграждение за управление имуществом подопечного. Но при назначении этого вознаграждения подотдел опеки не может руководиться только размером имущества подопечного. По царским законам, опекун получал 5 или 10% с доходов от имущества подопечного во всех случаях, независимо от степени имущественной обеспеченности самого опекуна и независимо от

труда, который приходилось затрачивать на управление имуществом подопечного (которое могло состоять исключительно из ценных бумаг и весь труд по управлению которым мог сводиться к стрижке купонов). Назначая опекуну вознаграждение за управление имуществом подопечного, подотдел опеки должен руководиться тремя основаниями: 1) чистым доходом от имущества подопечного, 2) степенью имущественной обеспеченности самого опекуна и 3) трудом, который затрачивает опекун на управление имуществом подопечного.

Опекун обязан отчетностью по управлению имуществом окончательною (всегда) и периодическою (в большинстве случаев) и несет полную имущественную ответственность перед подопечным в случае недобросовестного или небрежного управления его имуществом.

По прекращении опеки (а также и в случае прекращения должности данного опекуна) опекун обязан представить общий отчет как самому бывшему подопечному, так и подотделу опеки. Состоявший под опекой в праве, по прекращении опеки, требовать от опеки вообще, а в частности—от опекуна возмещения всего вреда и убытков, причиненных ему опекою недобросовестным или небрежным управлением его имуществом. В случае несостоятельности опекуна ответственность эту должны нести опекунские учреждения, обнаружившие недостаток контроля и надзора за действиями опекуна.

В случае, если доходы с имущества подопечного превышают установленный для данной местности прожиточный минимум [1]) и, следовательно, возможны ежегодные остатки доходов, сверх сумм, необходимых для покрытия расходов по содержанию, воспитанию или лечению подопечного, опекун обязан доставлять подотделу опеки ежегодный (периодический) отчет о результатах управления имуществом подопечного. Отчет этот должен быть представлен в письменной форме не позже 15 января каждого года. Опекун несет иму-

---

[1]) Если доход с имущества подопечного не превышают прожиточного минимума, то опекун освобождается только от представления периодического отчета, но не от представления окончательного отчета и, разумеется, обязан тратить доходы на содержание подопечных.

щественную ответственность за недобросовестное или небрежное управление имуществом подопечного в течение всего времени отправления им опекунской должности, а не только по прекращении опеки. До прекращения опеки он несет эту ответственность в пользу подопечного, но перед подотделом опеки. Поэтому, если отчета им не представляется вовсе или из представленного отчета (или вообще в результате ревизии деятельности опекуна) обнаружится, что управление имуществом подопечного ведется недобросовестно или небрежно, то, помимо возможного увольнения опекуна за нерадение или неудовлетворительное исполнение его обязанностей, подотдел опеки обязан в судебном порядке взыскать с опекуна в пользу подопечного все убытки, причиненные последнему недобросовестным или небрежным управлением его имуществом. В таком же судебном порядке взыскивает, по прекращении опеки, и сам состоявший под опекой убытки, причиненные ему недобросовестным или небрежным управлением его имуществом.

До прекращения опеки все действия опекуна по управлению имуществом подопечного могут быть обжалованы в подотдел опеки как самим подопечным, так и всяким заинтересованным в совершении этих действий лицом. Подотдел опеки либо оставляет эти жалобы без последствий, либо отменяет обжалованные действия опекуна, постановляя в подлежащих случаях об увольнении опекуна и о требовании с него возмещения убытков.

На любое действие или постановление подотдела опеки может быть принесена заинтересованными лицами жалоба в Народный Комиссариат Социального Обеспечения. Такая жалоба допустим, в частности, со стороны опекуна и на постановления подотдела опеки по жалобам на действия опекуна. Народный Комиссариат Социального Обеспечения должен рассмотреть поступившую к нему жалобу не позже, чем в течение 3 месяцев со дня ее поступления. Если же Народный Комиссариат Социального Обеспечения оставит в силе постановление подотдела опеки, несмотря на поступившую жалобу, то заинтересованным лицам все же предоставляется оспаривать правильность соответственного постановления в общеисковом судебном порядке.

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР

Цена 40 руб.

Mar. 29
16 р.
№20

Никем из книгопродавцев указанная на книге *цена не может быть повышена.*

Госуд. Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва — 1920.

Ф3-59